

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (47)
2016

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар)
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара)
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (Магілёў)
канд. гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

*Научно-методический журнал "Вестник Магилёвского государственного
университета имени А.А. Куляшова" включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ЛАВРИНОВИЧ Д. С. Польский вопрос в деятельности российских консервативных и либеральных политических партий и организаций на территории Беларуси в 1905–1907 гг.	4
ЕЛИЗАРОВ С. А. Становление советской номенклатурной системы в БССР (1920-е гг.)	9
ДАНИЛОВИЧ В. В. Арганізацыя палітычнай асветы моладзі Савецкай Беларусі ў 1921–1928 гг. ...	14
КРЫВУЦЬ В. І. Ваенная падрыхтоўка школьнай моладзі заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд	21
МИТЬКИНА О. В. Институционное становление Международной организации франкофонии – (1970–2005 гг.)	25
ВАВРЕНЮК И. И. Музыкальное искусство евреев западной Беларуси (1921–1939 гг.)	29
ШУТКОВА Н. П. Приходно-расходные книги могилевского магистрата как источник для изучения архитектурно-строительной керамики города Могилева	35
ВЕЛИЧКО Н. В. Французская оккупационная политика в Германии 1945–1949 гг.	42
ВАВУЛИНСКАЯ Л. И. Роль промышленного и сельскохозяйственного переселения в формировании белорусской диаспоры в Карелии (конец 1940-х – 1950-е гг.)	48
БРИГАДИН Д. П. Политическая преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	53
ФРОЛОВА И. И. Французская социалистическая партия на выборах 2008–2012 гг.: путь к победе ...	58
ВИШНЕВСКИЙ М. И. Некоторые социально-философские идеи А. А. Зиновьева	63
СТАРОСТЕНКО В. В. Особенности самоопределения в отношении религии в современной молодежной среде (на примере студенчества Могилевщины)	70
КРУПОДЕРЯ Е. А. Феномен новой религиозности: генезис и специфика	74
МЯКЧИЛО С. А. Информационно-коммуникационные технологии в сфере образования и процессе социализации: опыт социокультурной рефлексии	81
СТАРОСТЕНКО Э. В. Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения	86
ШЕВЦОВА А. К. Типология и роль метафоры в радиодискуссиях на английском и белорусском языках	91
МАКАРЭВИЧ А. М. “Варшаўскі шлях” Аркадзя Куляшова: спецыфіка эстэтычных узроўняў мастацкага твора	95
ТОЛСТОНОГОВА И. В. Методы изучения устного академического дискурса	99
ГУЛЕВИЧ Е. В. Переводческие решения Д. Набокова в англоязычной версии рассказа В. Набокова “Возвращение Чорба”	104

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)“1905/1907”

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТИВНЫХ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1905–1907 гг.

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, доцент,
первый проректор МГУ имени А. А. Кулешова

В статье раскрываются подходы к решению польского национального вопроса в Российской империи со стороны общероссийских консервативных и либеральных партий, чьи отделы функционировали на территории Беларуси во время революционных событий 1905–1907 гг.: Союза русского народа, “Союза 17 октября”, Конституционно-демократической партии. Особое внимание обращается на анализ взглядов издателя журнала “Окраины России” П. А. Кулаковского, идеи которого легли в основу политической платформы Русского окраинного союза.

Ключевые слова: политические партии, консерватизм, либерализм, первая российская революция, польский вопрос, католическая церковь.

Введение

Сложная национально-конфессиональная ситуация на территории белорусских земель, входивших в начале XX в. в состав Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний Российской империи, подъем национальных движений, из которых одним из наиболее развитых было польское, сделали актуальным для представителей различных политических сил определение собственных подходов к положению польского населения и, вообще, католиков. Наиболее активно правовое положение поляков, католической церкви, как на территории Беларуси, так и на этнических польских землях затрагивали в своих политических платформах и деятельности российские консервативные и либеральные политические партии.

Основная часть

Позиции крайне правых по польскому вопросу были раскрыты в программных положениях самой массовой партии – Союза русского народа (СРН). Конечная цель определялась введением в стране строгого, прочного правового порядка на основе единства и нераздельности Российской империи и незыблемости царской власти, основанной на единении царя с народом, т. е., идеологическим стержнем программы Союза были: православие, самодержавие и

народность. Православие признавалось основой всей русской жизни и господствующей религией, самодержавие считалось незыблемым, царь – “высшей правдой, законом и силой”. Русская народность, по мнению союзников, являлась державной народностью. Не случайно членами союза, могли быть “только природные русские люди обоего пола, всех сословий и состояний”. В программе содержался пункт о единстве и неделимости России. Все попытки расчленить Россию должны были решительно устраняться, ни о какой автономии не могло быть и речи [1, с. 448, 449]. Территорию Беларуси идеологи СРН включали в состав “коренной России”, а Литву и Царство Польское относили к окраинам.

Развивая свою политическую теорию по национальному вопросу, крайне правые требовали введения дополнительных (по отношению к мерам, принятым правительством после подавления восстания 1863 г.) ограничительных законов против поляков на территории “коренной России”. В частности, запрета занимать должности в сферах государственного управления, вооруженных силах, общественных организациях, на транспорте, телефонных и почтовых станциях. Поляки, по мнению представителей СРН, на территории белорусских губерний не могли быть присяжными поверенными, врачами, инженерами, руководителями, преподавателями и обучающимися учреждений образования, издателями и распространителями печатной продукции. Им запрещалось держать православную прислугу, учреждать и владеть финансовыми, промышленными и благотворительными предприятиями, покупать, владеть и арендовать недвижимую собственность, винные лавки, корчмы, гостиницы и т. п. [1, с. 445]. По сути, целью правых монархистов было полное вытеснение поляков, а фактически всего населения, придерживавшегося римско-католических обрядов, с территории “коренной России”, а значит и Беларуси. На протяжении всей своей деятельности местные крайне правые рассматривали польские политические партии и общественные организации, католическую церковь в качестве едва ли не главных своих противников, а борьба с “польщиной” стала одной из постоянных тем правомонархической печати.

С несколькими другими позициями рассматривали польский вопрос представители умеренных монархистов. Одним из самых влиятельных теоретиков российского консерватизма, занимавшихся польским вопросом, был Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913 гг.). Он родился в семье священника в Ковенской губернии, окончил историко-филологический факуль-

тет Московского университета, преподавал в Варшавском университете, стал доктором славянской филологии, работал чиновником по особым поручениям Министерства внутренних дел. П.А. Кулаковский был главным редактором "Правительственного вестника", а в 1906 г. стал издавать журнал "Окраины России". Платон Андреевич входил в руководящее ядро сразу нескольких политических и общественных организаций: с 1908 г. был товарищем (заместителем) председателя Санкт-Петербургского благотворительного общества, в июне 1911 г. в Белграде избран товарищем председателя "Союза славянских журналистов", в феврале 1912 г. – членом Главного Совета Всероссийского национального союза. Он написал более 120 научных работ [2, с. 290].

На взгляды П.А. Кулаковского сильное влияние оказали славянофилы, особенно И.С. Аксаков. Платон Андреевич дружил с Ф.Д. Самариним. В целом позицию этого общественного деятеля можно назвать панславистской. Он отстаивал идею "слияния государственных и культурных сил всего Славянства", но при этом, по его мнению, не должны были утрачиваться "самобытность и национальность каждого народа". Несомненной для Кулаковского была главенствующая роль России в этом процессе [2, с. 290]. Белорусский народ он считал составной частью русского, выступал против преподавания на белорусском языке в школах Северо-Западного края, создания на нем литературных произведений. Издатель "Окраин России" писал: "Первым признаком любого сепаратизма является требование признания особых прав в школе и в литературе для местного языка. В последнее время заговорили об особом белорусском языке. Выражение «белорусский язык» начало употребляться даже в некоторых официальных актах по министерству народного просвещения. Но мы смеем утверждать, что этот «белорусский язык» существует только теоретически. Достаточно только заглянуть в капитальный труд нашего авторитетного ученого Е. Карского, чтобы стало ясным, что существует только белорусский диалект (наречие), а не белорусский язык" [3]. Развитие литературы и издание газет на белорусском языке П.А. Кулаковский расценивал как польскую интригу, утверждая, что "тенденция всех этих якобы белорусских изданий – антигосударственная и антирусская" [4, с. 213].

Главным противником российских монархистов на территории западных губерний Российской империи П.А. Кулаковский рассматривал польское общественное движение. Причины негативного отношения части польской элиты к России он усматривал, во-первых, в пренебрежении к русскому языку, литературе и науке; во-вторых, в представлениях польской интеллигенции о принадлежности Польши к западноевропейской цивилизации, а поляков как проводников запад-

ной культуры в Восточной Европе; в-третьих, в претензиях польских политиков на непольские области, на господство над населением литовских, белорусских и украинских земель [5, с. 5, 6, 15]. Основной задачей царского правительства на западе империи издатель "Окраин России" считал "обязанность полного отделения от поляков всех тех областей и местностей, в которых живут, как масса, как народ, не-поляки". "Если поляки ставят своей задачей сохранение своей народности и ее основных черт, то в их прямых интересах – стремиться к возможно правильному этнографическому разграничению польской народности без всяких захватов и поползновений на чужое...", – полагал П.А. Кулаковский. Выступая за сокращение территории Царства Польского за счет земель с преимущественно восточнославянским населением, он, в то же время, был противником польской автономии и в этнографических польских границах, рассматривая ее как потенциальный очаг политического воздействия поляков на "чисто русские и литовские области" [6, с. 19]. П.А. Кулаковский критиковал польских общественных и культурных деятелей за их негативное отношение к русскому языку, который рассматривал как средство межнационального общения и культурного обмена, как язык, связывающий славян в одно культурное целое. Он добивался сохранения статуса русского языка как государственного на территории польских губерний и Варшавского университета как высшей русской школы [6, с. 20].

П.А. Кулаковского нельзя рассматривать в качестве идеолога русификации Царства Польского, но он мыслил нормальное развитие славянских народов, в т. ч. польского (наиболее "зараженного" влиянием западноевропейской культуры) под эгидой Великой России. Потенциально Кулаковский допускал мысль о некоторой самостоятельности Польши, но только после воссоединения польских земель Австрии, Германии и России, хотя и в этом случае, по его мнению, для поляков лучше было не ослаблять связей с империей. Обращаясь к польской общественной и культурной элите, он писал: "История покончила с польской государственностью, и она не поднимется из гроба... Помните, что будущее польского народа неразрывно связано с будущим русского народа!" [6, с. 21]. Развитие Польши без России П.А. Кулаковский считал невозможным. В то же время он хотел привлечь интерес русского общества к проблемам польских земель, полагая, что это будет способствовать правильному пониманию русско-польских отношений и сближению двух народов. Издатель "Окраин России" с горечью констатировал, что русские читатели не имели "ни самостоятельно обработанной для русских грамматики польского языка", "ни компактного и достаточно объективного изложения польской

литературы, ни более или менее обстоятельно изложения истории польского народа” [7, с. 317].

Из действовавших на территории Беларуси политических партий наиболее близкой П.А. Кулаковскому по взглядам на польский вопрос, была партия октябристов. В регионе со смешанным, многонациональным и поликонфессиональным национальным составом, “Союз 17 октября” ориентировался на православное большинство населения. Октябристов поддерживали люди из разных социальных групп, но ведущую роль, в отличие от центральной России, играли чиновники и представители интеллигенции. Стремление польских помещиков отстоять свои земельные владения в крае, подталкивало в ряды “Союза 17 октября” белорусских крестьян. Поэтому по сравнению с великорусскими губерниями, местные организации октябристов были крупнее и включали в себя представителей простого народа. Сложные межнациональные отношения определили и большой консерватизм белорусских октябристов по программным вопросам. Они выступали как защитники сильной монархической власти и единства Российской империи, борцы с национальным сепаратизмом, и в этом плане сближались с крайне правыми.

Наиболее последовательно антипольскую линию проводил один из активнейших деятелей Минского отдела “Союза 17 октября” Д.В. Скрынченко. Уроженец Воронежской губернии, выпускник Казанской духовной академии, он с 1903 г. жил в Минске, преподавая историю и латинский язык в Минской духовной семинарии, одновременно редактируя “Минские епархиальные ведомости”. С 1906 г. Д.В. Скрынченко также являлся постоянным автором, а затем и редактором главного органа местных октябристов – газеты “Минское слово”. Со страниц печати он активно выступал за укрепление позиций православной церкви и государственной власти в Северо-Западном крае. Д.В. Скрынченко разработал проект мероприятий по ослаблению польского влияния на Беларусь, который предложил для реализации правительству. Проект предполагал, во-первых, обязательное преподавание в школах истории местного края для того, чтобы внушить детям, что белорусские земли были искони русскими и православными, что белорусы вовсе не поляки, что “изменниками родному народу и истории явились паны, раньше бывшие русскими и православными”. Во-вторых, по мнению Д.В. Скрынченко, необходимо было наладить издание миллионов листов по краевой истории, обязав все церкви и школы края на них подписаться. В-третьих, надо было уволить с государственных должностей в крае всех католиков, чтобы “местная власть, чиновники и военные были все православными” [8, с. 10–12]. Таким образом, проект, по сути, носил

не только антипольский, но и антикатолический характер.

“Союз 17 октября” боролся с польскими и литовскими политиками, которые соответственно зачисляли белорусов в состав польской или литовской нации.

Своеобразно хотели октябристы решить аграрный вопрос в Беларуси. Они предлагали воспользоваться прусским опытом: принудительно выкупить земли польских помещиков. “Пусть государство не пожалеет средств, чтобы выкупить польские земли, и если само оно будет не в силах, то пусть установит те цены, по которым помещики обязаны будут продать русским свои земли”, – считал Д.В. Скрынченко [8, с. 14].

Деятельность белорусских октябристов, направленная на ограничение влияния польской шляхты и костела на территории Беларуси, против предоставления автономии Царству Польскому, отдала их от ЦК “Союза 17 октября”, стремившегося к достижению компромисса с польской элитой. Зато подходы местных октябристов к решению польского вопроса сблизили их с региональными монархическими организациями.

Самой близкой к октябристам местной партией было “Северо-Западное Русское Вече” (СЗРВ), образованное в Вильно в декабре 1905 г. В данной организации, насчитывавшей около 500 членов, состояли, главным образом, чиновники, учителя и священники. Много было и старообрядцев. СЗРВ издавало газету “Белая Русь”. Лидеры организации рассматривали свою партию как оборонительную организацию русского населения, которая в будущем, возможно, превратится в национально-либеральную партию. Белорусов “вечевики” считали частью русского народа, хотя и признавали, что они имеют свои национальные особенности. Для противодействия натиску поляков, идеологи СЗРВ считали возможным содействовать пробуждению национального сознания у белорусов, ратовали за создание начальной школы с преподаванием на белорусском языке [9]. Особая позиция СЗРВ в белорусском вопросе объяснялась желанием сохранить Северо-Западный край для Российской империи.

Под влиянием “Союза 17 октября” попытались выработать собственную политическую платформу старообрядческие общества белорусских и смежных губерний. В Северо-Западном крае старообрядцы выступали в качестве социальной опоры правительственной политики, являлись носителями русского самосознания, стремившимися укрепить связь с коренной Россией.

В феврале 1906 г. при активном участии виленьских и минских октябристов начал создаваться Русский окраинный союз (РОС), поставивший своей целью добиться предоставления русскому населению края права выбирать

отдельных представителей в Государственную думу. Данная идея получила мощную поддержку со стороны российских монархических сил. Один из авторитетнейших русских славистов А.С. Будилович тогда же писал: "...русскому человеку должно быть предоставлено на окраинах надлежащее представительство как в местных учреждениях, так и в Государственной думе, хотя бы для этого пришлось сделать некоторые отступления от общей системы выборов в последнюю" [10, с. 23]. Борьба за отдельное представительство для русского (в т. ч. белорусского) населения западных губерний в законодательных палатах стала главным направлением деятельности октябристов и их союзников. 7–9 октября 1906 г. в Вильно состоялся "съезд русских людей западных окраин". Собравшиеся постановили возбудить ходатайство перед правительством о дополнении избирательного закона: разделении выборщиков на национальные курии. Председатель Совета министров П.А. Столыпин пообещал в этом содействовать [11, с. 658]. Тогда же завершилось создание Русского окраинного союза.

В конечном итоге кампания, начатая белорусскими октябристами и их сторонниками, по "защите" интересов "русского" населения Северо-Западного края принесла им политические дивиденды. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II утвердил новый избирательный закон, по которому в Виленской губернии была образована особая "русская" курия.

Летом 1907 г. в Вильно русский внепартийный избирательный комитет слился с местным отделом РОС, который с этого момента стал представлять значительную часть русского населения Вильно. В своем предвыборном обращении союз по-прежнему позиционировал себя как главного защитника русской культуры на западных окраинах: "Далекий от всякой мысли о русификации остальных проживающих на окраинах народностей, Союз признает за ними право на сохранение их национальной самобытности, настаивая только на безусловной необходимости общегосударственного языка, как в школе, так и во всех проявлениях общественной жизни. Но вместе с тем Союз ставит себе задачей отстаивать равноправие местного русского населения, не допуская даже и мысли о возможности мириться со случаями преследования или гонения русских на религиозной или национальной почве" [12, с. 518]. Особо подчеркивалась угроза для русских со стороны поляков: "...коренному русскому населению [т. е. и белорусам. – Д.Л.] грозит потеря того, что дорого всякому – веры и языка а, следовательно, и национальности; русскому же государству грозит, в случае осуществления польских планов, отторжение громадной области (т. е. всего Северо-Западного края. – Д.Л.) с 80% русского и в подавляющем большинстве православ-

ного населения и образование вместе с тем на западной границе исторически враждебного ему польского государства" [12, с. 518]. Русский окраинный союз приобрел по сути антипольский характер.

Из российских либеральных партий, чьи отдели действовали на территории Беларуси, только конституционные демократы выступали за автономию Царства Польского, снятие национальных и конфессиональных ограничений, равные права и возможности для представителей всех национальных групп [1, с. 327–330]. Поляки были представлены в большинстве кадетских организаций белорусских губерний, а также в центральных органах партии. В I и II Государственных думах осуществлялось сотрудничество между кадетами и польскими национальными группами, однако, в силу короткого срока работы первых созывов Думы, решение польского вопроса не переросло в конкретные мероприятия.

Заклучение

Подводя итоги, можно отметить, что царскому правительству оказались наиболее близки подходы к решению национальных проблем, которые предлагали умеренные монархисты, в основном из числа местных представителей "Союза 17 октября", поддержанных редакцией столичного еженедельника "Окраины России" во главе с П.А. Кулаковским. Ведущую роль среди белорусских октябристов играли, в отличие от центральной России, представители городской интеллигенции и чиновники, сторонники русификации края. Среди рядовых членов союза было много старообрядцев и зажиточных православных крестьян. Деятельность в многонациональных и поликонфессиональных губерниях детерминировало формирование у местных октябристов более консервативных политических воззрений, направленных на сохранение сильной монархической власти, противодействие польскому национальному движению, укрепление социально-экономических и культурных позиций православного населения. Белорусы при этом рассматривались, как правило, в качестве составной части триединого (великороссы, малороссы и белорусы) великого русского народа. На этой почве произошло сближение белорусских октябристов с крайне правыми и создание Русского окраинного союза. В итоге длительной борьбы октябристам и их союзникам из правомонархического лагеря удалось добиться изменения избирательного закона в Государственную думу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост.: В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова; отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.

2. **Коцюбинский, Д.** Кулаковский Платон Андреевич / Д. Коцюбинский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия / ред. коллегия.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 290.
3. **Кулаковский, П. А.** Новый вид сепаратизма – белоруссофильство / П. А. Кулаковский // Окраины России. – 1907. – 19 мая. – С. 305–308.
4. **Кулаковский, П. А.** Вопрос о Варшавском университете и польский школьный законопроект 1907 г. – СПб. : Тип. Г. Скачкова с С-ми, 1913. – XII, 226 с. – (Русский русским).
5. **Кулаковский, П.** Вопрос о “русско-польском примирении” и польские задачи. Статья “Славянолюба” / П. Кулаковский / Отд. оттиск из “Русского Вестника”. – СПб. : Типо-литография В. В. Комарова, 1903. – 66 с.
6. **Кулаковский, П.** Поляки и вопрос об автономии Польши / П. Кулаковский. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1906. – 24 с.
7. **Кулаковский, П. А.** Рецензия на книгу: Грабенский, Влад. История польского народа / под ред. Н. Ястребова. – СПб., 1910 / П. А. Кулаковский / Оттиск из “Журнала Министерства народного просвещения”. – [СПб., 1910]. – С. 316–324.
8. **Скрынченко, Д. В.** Трагедия белорусского народа / Д. В. Скрынченко. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1908. – 18 с.
9. **Митрок, З.** Белорусская школа как средство борьбы против полонизации края / З. Митрок // Белая Русь. – 1906. – 2 марта. – С. 2.
10. **Будилович, А. С.** Вопрос об окраинах России, в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства / А. С. Будилович. – СПб. : Тип. Воейкова, 1906. – 26 с.
11. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – 26 ноября. – С. 656–661.
12. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильно // Окраины России. – 1907. – 1–8 сентября. – С. 518–520.

Поступила в редакцию 16.11.2015 г.
 Контакты: e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru
 (Лавринович Дмитрий Сергеевич)

Lavrinovich D. S. POLISH QUESTION IN ACTIVITIES OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE AND LIBERAL POLITICAL PARTIES AND ORGANIZATIONS IN BELARUS IN 1905–1907.

The article reveals the approaches to the Polish national question in the Russian Empire on the part of the all-Russian conservative and liberal parties, which departments were functioning on the territory of Belarus during the revolutionary events of 1905–1907: the Union of the Russian people, “the Union of October 17”, and the Constitutional Democratic Party. Particular attention is drawn to the views of the publisher of the magazine “Outskirts of Russia” P.A. Kulakovsky whose ideas formed the basis of the political platform of the Russian Suburban Union.

Key words: political parties, conservatism, liberalism, the First Russian Revolution, Polish question, Catholic church.

УДК 94(476) "1920-е гг."

**СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ
НОМЕНКЛАТУРНОЙ СИСТЕМЫ В БССР
(1920-е гг.)**

С. А. Елизаров

доктор исторических наук, доцент,
ГГТУ имени П. О. Сухого (Гомель, Беларусь)

В статье представлена попытка дать анализ процессам становления номенклатурной системы в БССР в 1920-е гг. Процесс организационного оформления номенклатуры начинается с 1923 г.: создаются специальные партийные учетно-распределительные структуры, формируются номенклатурные списки, создается система ведомственного учета ответственных работников центральных и местных государственных, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных органов. Отмечается, что номенклатурный подход противоречил официально провозглашенному принципу выборности всех органов власти, закреплённому в советских конституциях.

Ключевые слова: БССР, Советы, органы государственной власти и управления, кадровая политика, коммунистическая партия, номенклатура.

Введение

Номенклатура практически на всем протяжении советской истории была центральным элементом кадровой политики, на деле закрепившем роль коммунистической партии как главной реальной структуры власти и управления, обеспечивавшем ее монополию на определение и реализацию как стратегических, так и тактических задач развития советского общества. Исследование проблемы генезиса советской номенклатуры начинается лишь в условиях перестройки с выхода работы М.С. Восленского, стимулировавший научный интерес к ее дальнейшей разработке [1]. Из публикаций современных российских историков можно выделить монографию Е.Г. Гимпельсон [2], а также работу Т.П. Коржихиной и Ю.Ю. Фигатнер [3]. В белорусской же историографии специальные исследования по этой проблеме отсутствуют, а ученые лишь используют номенклатурный феномен как историческую данность для изучения различных аспектов советского прошлого. В представленной статье автор предпринял попытку проанализировать процессы становления номенклатуры в БССР в 1920-е гг. При этом более детально рассмотрены вопросы номенклатурного генезиса применительно к структурам местной государственной власти и управления, игравших основную роль в реализации директив союзного и республиканского партийно-советского руководства.

Основная часть

С первых дней советской власти большевики, создавая новый государственный аппарат, целенаправленно стремились обеспечить за

собой руководящие позиции в этих новых властных структурах, взяв под свой контроль все вопросы кадровой политики (подбор и расстановка советских кадров). Состоявшийся в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) (18–23 марта 1919 г.) в резолюции по организационному вопросу совершенно ясно сформулировал задачу завоевать “безраздельное политическое господство в Советах” и установить “фактический контроль над всей их работой”, выдвигая “на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов” [4, с. 77]. Уже практика первых лет советской власти свидетельствовала, что большевистские органы на деле определяли решение кадровых вопросов не только в самой партии, но и в Советах, профсоюзах, хозяйственных и кооперативных организациях.

Номенклатурная система в ее институциональной форме стала складываться первоначально как система партийного учета руководящих кадров. В БССР работа по учету ответственных работников была проведена в мае 1922 г. в соответствии с указаниями и инструкциями ЦК РКП(б) [5, л. 78]. Формально формировавшаяся система учета и распределения касалась лишь членов коммунистической партии, но фактически распространялась на всех работников, занимавших в течение шести месяцев одну из руководящих должностей. Учет ответственных работников велся местными партийными комитетами от укомов до ЦК в соответствии с тремя утвержденными масштабами (учетными сетками): губернским, уездным и волостным. Инструкцией по учету ответственных работников определялся конкретный перечень должностей каждого из масштаба, изменить самостоятельно который местные парторганы не имели права. К ответственным работникам губернского и уездного масштабов по советской административной работе относились председатели соответствующих исполкомов, члены их президиумов и зав. отделами. В волостной масштаб включались председатели, секретари и члены волисполкомов, волостные финансовые и продовольственные инспектора. Внутри каждого масштаба должности подразделялись на группы (губернский масштаб – 16 групп, уездный – 14 групп, волостной – 11 групп), каждая из которых в свою очередь включала перечень конкретных должностей.

При этом сами занимаемые должности еще не были единственным критерием отнесения к тому или иному масштабу. Требовалось также учитывать способности и склонности работников, их практический стаж и т.п. Работники, не являвшиеся “достаточно квалифицированными” по группе того или иного масштаба, а также работники, чьи способности не были четко выяснены, прикреплялись к группе низшего масштаба [6, с. 4–12].

Все назначения и перемещения ответственных работников губернского и уездного масшта-

табов проводили только по постановлению коммунистических губкомов. Они имели право снимать с должностей сотрудников различных ведомств, но при этом требовалось согласие самого ведомства либо прямая санкция ЦК РКП(б). Распределением рядовых работников в пределах уезда могли самостоятельно заниматься укомы, а также вышестоящие партийные органы вплоть до ЦК [6, с. 28–30].

В прямой и незавуалированной форме претензии руководства большевистской партии на тотальный контроль за назначением, перемещением и смещением всех управленческих кадров были зафиксированы в 1923 г. XII съездом РКП(б) (апрель 1923 г.). В резолюции съезда «По организационному вопросу» заявлялось, что «очередной задачей партии является усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности, хозяйственных и других органов, что должно осуществиться при помощи правильно и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций». Для практической реализации этой задачи предполагалось значительно расширить и укрепить учетно-распределительные партийные структуры «в центре и на местах» [4, с. 454].

Это решение съезда стало организационно оформляться с лета 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) 12 июня 1923 г. приняло постановление «О назначениях», а в октябре того же года – решение об основных задачах учетно-распределительной работы. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 12 ноября 1923 г. впервые появился термин «номенклатура» и два списка номенклатуры должностей (номенклатура № 1 и номенклатура № 2) [2, с. 79–80; 3, с. 26].

Соответственно и на местах, в том числе и в БССР, приступили к перестройке системы организации учетной и распределительной работы. Новая специальная партийная учетно-распределительная структура – учетно-распределительный отдел Оргбюро ЦК КП(б)Б во главе с Е.Ф. Кролем – была создана весной 1924 г. В округах учетно-распределительной работой занимались учетно-статистические подотделы орготделов окружкомов КП(б)Б. Райкомы первоначально могли распределять только рядовых работников (как командированных окружкомом в их районы, так и уже состоявших в районных парторганизациях) [7, л. 138].

К 1 февраля 1924 г. в БССР на партийном учете состояло 123 ответственных работника губернского масштаба, 817 – уездного и 716 – волостного. Портрет среднестатистического ответственного работника губернского масштаба выглядел следующим образом: мужчина в возрасте от 31 до 40 лет, коммунист, еврей, служащий с низшим образованием. Работник уездно-

го масштаба отличался от него возрастом (от 24 до 30 лет), волостного – возрастом (от 24 до 30 лет), социальным происхождением (крестьянин) и национальностью (белорус) [8, л. 139–141].

В начале 1920-х гг. в СССР и БССР в результате политических процессов и преследований со стороны советских властей прекратили свое существование социалистические партии. Многие из членов этих партий еще ранее стали коммунистами и составляли значительную часть ответственных работников республики: на 1 февраля 1924 г. из 1656 лиц данной категории 314 (19%) являлись выходцами из других политических партий. Преобладали бывшие бундовцы (135 человек), меньшевики (40) и эсеры (33). С повышением масштаба возрастала и доля лиц, бывших ранее членами других политических партий. Если среди ответственных работников волостного масштаба выходцы из других партий составляли 6 %, то уездного – уже 26%, а губернского – 50% [подсчитано по: 8, л. 139–141]. Как видно, в первой половине 1920-х гг. некоммунистическое прошлое еще не являлось серьезной преградой для продвижения по карьерной лестнице.

Для организации конкретной учетно-распределительной работы местных партийных органов совещанием зав. участатами окружкомов КП(б)Б, состоявшемся при ЦК КП(б)Б 28–30 октября 1924 г., было принято положение «О распределительной работе парткомов Белоруссии». Партийные организации нацеливались прежде всего на регулирование «насыщенности партийными работниками отдельных отраслей работы... чтобы обеспечить партийное влияние во всех отраслях работы». Выдвижение на ответственные должности беспартийных допускалось лишь как исключение при условии отсутствия квалифицированных работников-коммунистов и сохранения «партийного влияния» в учреждении. Партийные комитеты имели право смещать работников с занимаемых ими должностей в пределах своих организаций, направлять их в нижестоящие и иные организации. Положением была предпринята попытка дифференциации кадровой ответственности партийных органов по вертикали. Кадровые изменения среди работников губернского масштаба, но занимавших должности по первой номенклатуре, должны были проводиться постановлением ЦК КП(б)Б. Секретариат ЦК КП(б)Б решал вопросы кадров уездного масштаба и ниже, включенных во вторую номенклатуру. Работников третьей (ведомственной) номенклатуры распределял учраспред ЦК КП(б)Б в общем порядке организационной работы. Окружкомы ведали работниками уездного и волостного масштаба, а также рядового масштаба, но выполнявших работу уездного масштаба. Райкомы занимались перемещением рядовых работников [9, л. 150–152]. Правда,

списки соответствующих номенклатур предстояло еще создать, ориентируясь на образец номенклатуры ЦК РКП(б).

К началу 1925 г. был определен перечень должностей, занятие которых проходило решением ЦК КП(б)Б. Такой должностной учет в то время осуществлялся по четырем основным группам: партийной, советской, хозяйственно-кооперативной и профсоюзной. По советскому аппарату к номенклатуре ЦК КП(б)Б относились все председатели и члены президиумов ЦИК и окрисполкомов, наркомы и их заместители, руководители отделов окрисполкомов (в том числе два беспартийных секретаря окрисполкомов, нескольких зав. окружными отделами) – всего 252 человека [10, л. 25].

Также к началу 1925 г. было разработано положение и инструкция о ведомственном учете, составлена номенклатура должностей по республиканским ведомствам [7, л. 96]. Этот учет должен был поставить под партийный контроль вопросы назначения на руководящие должности и смещения с них во всех ведомствах и учреждениях республики [10, л. 27].

Официально появление института номенклатуры в СССР большинство исследователей относят к осени 1925 г.: 16 ноября 1925 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “О порядке подбора и назначения работников” и инструкцию “О формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений”. Постановлением утверждались переработанные номенклатуры должностей, занятие которых в разной степени контролировалось ЦК РКП(б). Номенклатура № 1 содержала расширенный список должностей (в том числе и выборных), назначение на которые проходило только постановлением ЦК “вне зависимости от того, является ли назначаемый членом РКП или беспартийным”. Номенклатура № 2 включала должности, получение которых требовало обязательного согласования с орграспредом ЦК. Номенклатура № 3 (ведомственная номенклатура) состояла из должностей, подбор и назначение на которые производились по списку, определявшемуся самостоятельно каждым центральным ведомством по согласованию с орграспредом ЦК, но с обязательным уведомлением последнего о состоявшихся назначениях.

ЦК национальных компартий, губкомам и крайкомам предлагалось также разработать номенклатуру должностей, назначение на которые производится по согласованию с местными партийными органами или после утверждения ими [11, л. 2–6].

ЦК КП(б)Б соответственно союзной номенклатуре разработал свою. Должностной учет дифференцировался по 14 группам: партийная, пропагандистско-воспитательная, профессиональная, охрана здоровья и социального обес-

печения, советская административная, судебно-карательная, промыслово-производственная, финансовая, кредитная, кооперативная, торговая, плановая, земельная, транспорт и связь. На февраль 1926 г. по советской административной группе номенклатура № 1 (список должностей, назначение и смещение по которым осуществлялось в соответствии с решениями Бюро или Секретариата ЦК КП(б)Б) включала 13 позиций, в том числе по местным органам – председателей окрисполкомов. В номенклатуру № 2 (список должностей, назначение и смещение с которых требовали предварительного утверждения в учетно-распределительном подотделе ЦК КП(б)Б) входили должности заместителей председателей окрисполкомов, заведующих окружными отделами народного образования, здравоохранения, финансов, земельного управления, председателей окружных инспекций труда, начальников окружных отделений ГПУ. В список номенклатуры № 3 включались должности, состоявшие на учете в учетно-распределительном отделе ЦК КП(б)Б: инструкторы и заведующие всеми (не входившими во вторую номенклатуру) окротделами, председатели райисполкомов, заместители зав. окротделом финансов и земельного управления [12, л. 1–9]. Всего по советской административной группе к концу 1927 г. на учете в учраспреде ЦК КП(б)Б состоял 61 человек (из 1235 проходивших по всем трем номенклатурам) [13, л. 246].

Свои номенклатуры составляли и окружкомы КП(б)Б: первую, куда входили должности, назначение на которые осуществлялись решением окружкома, вторую – по предварительному согласованию с окружкомом, третью – самостоятельно учреждениями с уведомлением учстата окружкома. В первую номенклатуру окружкомов в обязательном порядке включались все должности окружного масштаба первой и второй номенклатур ЦК КП(б)Б. В номенклатуры № 1 и № 2 окружкомов вошли по советской работе председатели окрисполкомов и их заместители, секретари и члены президиумов окрисполкомов, окрвоенкомы, инструкторы окрисполкомов, председатели райисполкомов, зав. всеми окружными отделами и статбюро, председатели окружных земкомиссий и земуправлений, плановых комиссий, уполномоченные РКИ.

В августе 1926 г. была утверждена и первая районная номенклатура (без дифференциации), в которую вошли должности председателей и секретарей райисполкомов, зав. культотделами, земельными и финансовыми частями райисполкомов, председателей и секретарей сельсоветов и др. [9, л. 21–39].

Главной проблемой в номенклатурной работе считалась слабость организации ведомственного учета. В июле 1926 г. все окружкомы КП(б)Б получили инструкцию и положение об учете ответственных работников в местных государ-

ственных, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных органах. Ведомственный учет включал персональный учет ответственных работников, а также общий количественный учет всех работников в ведомстве или организации. С помощью персонального ведомственного учета предполагалось собирать всю информацию о деятельности каждого номенклатурного работника, а также осуществлять персональный подбор кадров. Количественный учет ставил цель установить общее количество ответственных и рядовых работников ведомства или организации, порядок их распределения по отдельным районам, организациям, отраслям, а также изучить «их по отдельным признакам (социальное положение, партийность, практический стаж ведомственной работы и т. п.)». На каждую должность составлялась должностная карточка, где отражались все персональные изменения, происходившие по этой должности (вносились все лица, занимавшие эту должность – как партийные, так и беспартийные). В свою очередь на каждого номенклатурного работника заводилось личное дело, состоявшее из личного листка, автобиографии, деловых отзывов о работе, сведений о конкретной работе сотрудника (выполнение тех или иных видов работ, специальных заданий, наличие перерывов на ответственной работе, налагавшиеся на него взыскания), а также сообщений о его перемещениях по должностям и организациям [9, л. 1–13].

В октябре 1926 г. наркоматы и центральные учреждения БССР получили утвержденное ЦК КП(б)Б положение о ведомственном учете ответственных работников. В каждой организации создавался специальный учетно-распределительный аппарат, где концентрировалась вся работа «по учету, назначениям, смещениям и перемещениям работников учреждения и подчиненных учреждений-филиалов». Учраспред ведомства являлся «подсобным, вспомогательной ячейкой» учраспреда ЦК КП(б)Б. Каждое ведомство разрабатывало свою номенклатуру, которая в обязательном порядке утверждалась в ЦК партии. При этом подчеркивалось, что под контролем учраспреда учреждения (ведомства) должны были находиться вопросы назначения, смещения и перемещения всех кадров, в том числе и не входивших в номенклатуру [14, л. 171–173].

Заключение

Таким образом, в 1920-е гг. начал складываться номенклатурный принцип в кадровой политике, классическое оформление которого было осуществлено позже, к концу 1930-х гг. Руководители разного уровня советской вертикали власти включались в номенклатурные списки, в результате чего сложился особый слой номенклатурных работников. Прямой и непосредственный партийный контроль за замещени-

ем руководящих должностей во всех структурах власти и управления всеми без исключения сферами жизнедеятельности общества представлял собой в условиях советской модели модернизации действенное средство закрепления за коммунистической партией роли носителя реальной политической власти, главного распорядителя всеми властными ресурсами и вершителя судеб советских граждан. То, что номенклатурный подход противоречил официально провозглашенному принципу выборности всех органов власти, закреплению в советских конституциях, достаточно просто преодолевался произвольным толкованием понятия «советская демократия», которое корректировалось в зависимости от задач того или иного этапа социалистического развития и приспособлялось к этим задачам. В частности, в 1920-е гг. необходимость определения партийными органами персонального состава органов советской власти на всех уровнях объяснялось угрозами делу строительства социализма со стороны «внутренних и внешних врагов», необходимостью в таких условиях формировать местные властные структуры «последовательными и идейными» работниками, которыми могли быть (исходя из логики однопартийной системы) только представители правящей коммунистической партии или (в крайнем случае) те, кому эта партия доверяла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Восленский, М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – М. : Советская Россия, Октябрь, 1991. – 622 с.
2. *Гимпельсон, Е. Г.* Советские управленцы, 20-е годы: Руководящие кадры государственного аппарата СССР / Е. Г. Гимпельсон. – М. : ИРИРАН, 2001. – 225 с.
3. *Коржихина, Т. П.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) : в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 8-е изд., испр. и доп. – Москва : Политиздат, 1970–1984. – Т. 2 : 1917–1924 гг. – 1970. – 543 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048. Протоколы совещаний заведующих учетно-статистическими подотделами оргинструкторских отделов укомов и райкомов КП(б)Б г. Минска, проект положения об учетно-распределительном отделе Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) и др. 1923–1924 гг.
6. Сборник инструкций по учету и распределению партработников / ЦК РКП(б). – Москва : Главполитпросвет, 1923. – 135 [2] с.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1350. Протоколы совещания заведующих учетно-статисти-

- ческими подотделами орготделов окружкомов КП(б)Б при ЦК КП(б)Б от 28–31 октября 1924 г., отчеты о работе учетно-распределительного подотдела орготдела ЦК КП(б)Б с 1 мая 1924 г. по 1 января 1925 г., сведения о работе учетно-статистических подотделов орготделов окружкомов КП(б)Б и др. 1924 г.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1352. Материалы к VIII съезду КП(б)Б 1924 г.
 9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2550. Циркуляры, инструкции ЦК КП(б)Б и положение о порядке проведения учета, перемещения и подбора ответственных работников, номенклатуры должностей, назначение и смещение с которых проводится постановлением бюро и секретариата ЦК КП(б)Б и др. 1924 г.
 10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1269. Протокол заседания расширенного Пленума ЦК и ЦК КП(б)Б совместно с секретарями окружкомов и др. 1924 г.
 11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2015. Постановление и инструкция оргбюро ЦК РКП(б) от 16 ноября 1925 г. о порядке подбора и назначения кадров, формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений с приложением номенклатуры должностей центральных учреждений и местных органов, по которым назначения и смещения работников производятся постановлением ЦК РКП(б). 1925 г.
 12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2560. Перечни должностей по ЦК КП(б)Б, входящих и не входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б), номенклатура должностей учреждений и организаций БССР республиканского значения и их местных органов. 1926–1927 гг.
 13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2035. Документы об учете и распределении ответственных работников местных партийных органов, учреждений и организаций БССР. 1925–1927 гг.
 14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2016. Постановления, циркуляры, инструкции ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б, списки должностей, входящих в номенклатуры ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)Б и окружкомов КП(б)Б, номенклатуры должностей учреждений и организаций БССР республиканского значения. 1925–1926 гг.
- Поступила в редакцию 08.09.2015 г.
 Контакты: e-mail: sergeyelisarov@mail.ru
 (Елизаров Сергей Александрович)
- Yelizarov S. A. THE FORMATION OF THE SOVIET SYSTEM OF NOMENCLATURE IN BSSR (1920s.).**
The article attempts at the analysis of the nomenclature system formed in BSSR in the 1920s. The process of organizational registration of the nomenclature begins since 1923: special party registration and distribution structures are created, nomenclature lists are formed, the system of the department accounting of high ranking officials of the central and local government, economic, cooperative and trade-union bodies is formed. It is noted that the nomenclature approach contradicted the officially proclaimed elective principle for all authorities fixed in the Soviet constitutions.
- Key words:** BSSR, the Soviets, bodies of state power and management, personnel policy, the Communist Party, nomenclature.

УДК 94(476)“1921/1928”:323.2-053.8

**АРГАНІЗАЦЫЯ ПАЛІТЫЧНАЙ АСВЕТЫ
МОЛАДЗІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ
Ў 1921–1928 гг.**

В. В. Даніловіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дырэктар Інстытута гісторыі
НАН Беларусі (Мінск)

Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы арганізацыі палітычнай асветы моладзі Савецкай Беларусі ў 1921–1928 гг. Сцвярджаецца, што кіраўніцтва кампартыі ў працы па палітычнай асвете юнакоў і дзяўчын абаліралася на камсамольскія структуры, але яны ўцэлым недастаткова кантралявалі гэту працу. Тым не менш меліся станоўчыя вынікі ў справе арганізацыі і пашырэння палітычнай асветы маладога пакалення. Увогуле 1921–1928 гг. былі этапам складаючага, але паступальнага развіцця палітычнай асветы юнацтва.

Ключавыя словы: Савецкая Беларусь, моладзь, палітычная асвета, палітыка кампартыі, дзейнасць камсамола.

Як вядома, кіраўніцтва кампартыі лічыла адной з важнейшых задач палітычна-асветную і агітацыйна-прапагандыскую працу сярод насельніцтва ў адпаведнасці з ажыццяўляемай партыяй палітыкай. Гэта датычылася і юнага пакалення.

Таму адной з асноўных задач, пастаўленых перад камсамолам, была арганізацыя палітычнай асветы ці т. зв. ліквідацыі палітычнай непісьменнасці юнакоў і дзяўчын (у першую чаргу камсамольцаў). Увогуле Галоўныя палітыка-асветныя камітэты (Галоўпалітасветкамы) РСФСР і ССРБ ва ўсёй працы па палітасвеце юнацтва абаліраліся менавіта на камсамольскія структуры [1, с. 3].

У 1921 г. сярод камсамольцаў Савецкай Беларусі рэгулярна праводзіліся палітгутаркі, чыткі газет і часопісаў, палітычнай літаратуры. Камсамольскія арганізацыі выдзялялі губернскім і павятовым палітасветкамам кіраўнікоў студый і лектараў. Палітасветадзел ЦК КСМБ распрацаваў і разаслаў у мясцовыя камітэты саюза праграмы і планы палітвучобы. Больш 200 камсамольскіх актывістаў былі прыняты на навучанне ў партыйныя школы. Ва ўсіх паветах ССРБ дзейнічалі палітгурткі і меліся школы па ліквідацыі палітнепісьменнасці, у якіх навучаліся па 200–250 маладых людзей у асноўным на рускай мове (толькі ў Бабруйска была 1 яўрэйская група), але школам не хапала дапаможнікаў, новых формы культасветпрацы выкарыстоўваліся рэдка. Акрамя таго да II з'езда камсамола рэспублікі, які адбыўся 20–24 красавіка 1921 г., маладзёжная палітасветпраца ў ССРБ вялася несістэматычна (галоўным чынам у напрамку ліквідацыі палі-

тычнай непісьменнасці і тое не паўсюль), а пасля пэўнага з'ездаўскага ажыўлення зноў заціхла. Увогуле сувязь КСМБ з Галоўпалітасветкамам рэспублікі была слабой, падтрымка з боку апошняга працы саюза была зусім недастатковай. Такое становішча можна растлумачыць тым, што ў сакавіку 1921 г. на кожны павет прыпадала не больш аднаго палітасветработніка, які да таго ж быў перагружаны партыйнай і савецкай працай [2, л. 31; 3, л. 12; 4, л. 9, 11, 65; 5, л. 58; 6, л. 1; 7, л. 3; 8, с. 103].

У 1922 г. аб'ектам прыярытэтнай палітасветпрацы камсамола ССРБ сталі юнакі і дзяўчыны ва ўзросце ад 18 да 20 гадоў з вучнёўскага, саматужніцкага і люмпенпралетарскага асяроддзя. Гэта гаворыць аб вузкай выбарачнай скіраванасці палітасветы ў гэты час. З 15 лютага 1922 г. у ячэйках саюза было ўведзена вывучэнне гісторыі рэвалюцыйнага руху Расіі. У структуры КСМБ дзейнічалі 3 палітшколы і 2 гурткі рэвалюцыйнага руху. Але палітасвета вялася камсамольцамі слаба нават у Мінску. Матэрыяльны стан клубаў амаль усюды быў дрэнны. Таму з 11 красавіка 1922 г. у марксісцкіх гуртках камсамола рэспублікі была ўведзена самаадукацыя [9, л. 1, 19].

Камсамольская палітасветпраца сярод маладых сялян увогуле знаходзілася на нізкім узроўні: адсутнічалі палітгурткі, сувязь з павятовымі палітасветкамамі і паветкамамі КП(б)Б, слабой была клубная праца. Спадзяванні на дэмабілізаваных чырвонаармейцаў як на актывістаў палітасветы не спраўдзіліся. У сувязі з гэтым па ініцыятыве КСМБ пры Мінскай партшколе была створана юнацкая секцыя для падрыхтоўкі менавіта вясковых работнікаў [10, л. 2].

З-за недахопу фінансавых сродкаў з чэрвеня 1922 г. былі адменены штатныя пасады палітработнікаў ва Усенавучы (сістэме абавязковай ваеннай падрыхтоўкі грамадзян). Палітпрацу тут сталі весці кіраўнікі, выдзеленыя ў большасці ячэйкамі камсамола. Аднак сярод усіх камсамольцаў, якія былі на кіруючай палітрабоце ва Усенавучы, сістэматычна назіралася пасіўнасць і слабая дысцыпліна, што адмоўна адбівалася на іх працы [11, л. 12–13].

Увогуле ў КСМБ было гранічна мала паліткіраўнікоў (толькі 22), але за год яны правялі 347 гутарак, 17 мітынгаў і іншых масавых мерапрыемстваў [12, л. 15], што даволі значна для такой колькасці людзей.

Як бачым, на пачатковым этапе разглядаемага перыяду маладзёжная палітасветпраца вялася галоўным чынам на рускай мове, несістэматычна і выбарачна, не хапала паліткіраўнікоў, неабходных дапаможнікаў і фінансавых сродкаў. Ахоп палітасветай камсамольцаў і іншай моладзі быў мізэрным, асабліва на вёсцы, узаемадзеянне з палітасветкамамі і камітэтам КП(б)Б не было належным чынам арганізавана.

Толькі ў 1923 г. становішча з маладзёжнай палітасветай пачало змяняцца. Калі ў першай

палове года камсамол Савецкай Беларусі праанейшаму слаба яе разгортваў, нават унутры-саюзную, то з сярэдзіны года камсамольская палітасветпраца ўзмацнілася, КСМБ была наладжана сталая сувязь з Галоўпалітасветкамам ССРБ праз камісію па агітацыі і прапагандзе [13, л. 5; 14, л. 13, 41; 15, л. 4; 16, л. 21].

Актывізацыя камсамолам палітасветы патрабавала ўзмацнення метадычнага кіраўніцтва ёю. З гэтай мэтай пры ЦК КСМБ была створана метадалагічная камісія па палітасвеце, якая працавала сістэму арганізацыі палітасветы камсамольцаў і юнага пакалення. Першай ступенню сталі палітгурткі, праграма навучання ў якіх была разлічана на 4 месяцы (аднак паспяхова яны працавалі толькі ў Мінску). Акрамя гэтага арганізаваліся палітгурткі спецыяльнага характару. У асноўным жа ліквідацыя палітнепісьменнасці праводзілася ў палітшколах ніжэйшай і вышэйшай ступеняў пры клубах. Ніжэйшыя азнаямлялі з элементарнымі палітведамі з марксісцкай кропкі гледжання, вучылі чытаць партыйныя газеты. Такіх школ было 21 (у іх навучалася 665 чалавек), але не ва ўсіх з іх хапала кіраўнікоў груп. Вышэйшыя былі прызначаны для тых, хто ўжо вывучаў гісторыю народнай гаспадаркі і рэвалюцыйнага руху. Існавала 12 такіх школ (ахоплівалі 328 чалавек). Курс навучання ў школах абодвух тыпаў займаў прыкладна 4 месяцы [14, л. 69–70].

Дзейнічалі і прапагандысцкія камсамольскія калектывы, якія кіраваліся палітасветкамісіямі паветгаркамаў ці райкамаў саюза. Гэтыя калектывы збіраліся не менш чым раз на тыдзень, але абслугоўвалі толькі агульныя сходы ячэек. Да таго ж за ячэйкамі былі замацаваны палітработнікі [14, л. 153, 155–156].

Аднак палітасветпраца вясковых камсамольскіх ячэек, у многіх з якіх меліся палітгурткі, да лістапада 1923 г. не мела сістэматычнага характару, бо не хапала актывістаў. Таму ў вёсках камсамол у мэтах палітасветы разгарнуў сетку хат-чыталень і выкарыстоўваў агітацыйныя перасоўкі. Таксама вясковыя камсамольцы выклікаліся ў гарады для ліквідацыі палітнепісьменнасці на казарменным становішчы [14, л. 79, 81–82].

Камсамольская палітасветпраца сярод рабочых юнакоў і дзяўчын з ліку членаў прафсаюзаў, выяўлялася ва ўцягванні іх у агульнаадукацыйныя школы, спартыўныя групы, экскурсіі, вечарыны і клубы, арганізацыю ячэек саюза па вытворчаму прынцыпу. У Мінску і Бабруйску былі створаны прафесійныя клубы для рабочага юнацтва. Уся гэта праца рабілася з максімальным выкарыстаннем сіл і сродкаў прафсаюзных органаў. Так, культкамісіі прафсаюзаў адлічвалі на яе паўны праэнт са сваіх сум [17, л. 12–13].

На беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР у 1923 г. кіраўніцтва палітасветпрацой сярод маладога пакалення ажыццяўлялі ваенныя, бо

адпаведных прадстаўнікоў РКСМ у паветах не было з-за адсутнасці пайкоў і штатаў. Нягледзячы на гэта, у шэрагу паведаў палітасветпраца вялася актыўна, але ў першую чаргу, з-за зразумелай зацікаўленасці ваенных, яна была накіравана на дапрызыўнікоў. У выніку ліквідацыя палітнепісьменнасці сярод іх мела станоўчую дынаміку [18, л. 24, 28].

Маладзёжная палітасвета звязвалася з палітычнымі кампаніямі. Так, камсамольцы актыўна ажыццяўлялі дэкрэт аб выдаленні “шкоднай” літаратуры з бібліятэк [19, л. 18]. У Савецкай Беларусі было шырока разгорнута дасыланне прывітанняў У. Леніну, у якіх ад імя камсамольцаў, рабочай і сялянскай моладзі давалася абяцанне аддаць выконваць заветы кампартыі [20, с. 2; 21, л. 48; 22, с. 136–137, 159, 163, 175–176; 23, л. 37; 24, л. 130]. У сувязі са смерцю У. Леніна КСМБ арганізаваў камсамольскія сходны, а 26 студзеня 1924 г. (у дзень пахавання правадыра) – шэсце юнакоў і дзяўчын у Мінску. Чарговыя нумары “Чырвонай змены”, “Маладога аратэга”, “Юнгер арбайтэра” цалкам былі прысвечаны У. Леніну, а тыраж гэтых газет павялічаны ў 2 разы [25, л. 4].

У пачатку 1924 г. назіраўся рост адпаведнасці ўсёй выхаваўчай працы камсамола БССР запытам і патрэбам рабоча-сялянскага юнацтва [26, л. 13; 27, л. 14].

Аднак сістэма маладзёжнай палітасветы не была канчаткова адладжана. Так, восенню 1924 г. у ЦК ЛКСМБ не было дакладных лічбаў па становішчы палітасветпрацы на месцах. Нават у гарадскіх арганізацыях саюза налічвалася да 75% палітнепісьменных. Пры гэтым асабліва слабым месцам было веданне сучаснай палітычнай сітуацыі. З-за дрэннай палітпадрыхтоўкі ў 1924 г. з 1-й на 2-ю ступень навучання былі пераведзены толькі ад 30 да 35% камсамольцаў, а з 2-й на 3-ю – ад 10% да 15%. Таму ў першай палове лістапада 1924 г. усе арганізацыі камсамола БССР былі падзелены на гурткі палітасветы (усяго іх налічвалася каля 30). У гарадах гурткі будаваліся па вытворчаму прынцыпу. Камсамольскія гурткі палітасветы ўцягнулі ў свой склад таксама значную колькасць іншай моладзі. Найбольш паспяхова працавалі гурткі 1-й катэгорыі. Іх наведванне складала 90%. Аднак заняткі ў гуртках адбываліся толькі раз у тыдзень, замест запланаваных 2-х разоў. Нават пры ЦК ЛКСМБ гурток палітасветы актыва не веў рэгулярнай працы з-за халатнасці і несур’ёзных адносін да яго саміх актывістаў. Таксама напрыканцы 1924 г. слабымі заставаліся партыйная праслойка сярод кіраўнікоў камсамольскіх палітасветгурткоў (у першую чаргу вясковых, асабліва ў Мінскім і Магілёўскім паветах), іх кваліфікацыя, а таксама сувязь гэтых гурткоў з грамадскім жыццём. Праграма вясковых палітгурткоў саюза цалкам сябе не апрадала з-за цяжкасці. На вёсцы дзейнічалі і партыйныя шко-

лы-перасоўкі, якія ахоплівалі некаторую колькасць камсамольцаў, але не прыносілі асаблівай карысці. Да таго ж сістэма палітасветы была адарвана ад агульна-адукацыйнай падрыхтоўкі гурткоўцаў [28, л. 24–26; 29, л. 19–23].

Разам з тым, з глыбокай прапрацоўкай у камсамоле і ў звязцы з агульнай сістэмай усёй палітсаветы праводзіліся асноўныя палітычныя кампаніі: гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі і вызвалення Беларусі, камсамольскае раство, юбілей ЛКСМБ, ленинскія дні, “Не Керзону!”, “Аб падзеях у Германіі” і інш. Адпаведныя матэрыялы друкаваліся ў “Чырвонай змене” і выходзілі як дадатак да “Маладога аратага” і “Камсамольскага вечара”. У выніку гэтыя кампаніі мелі масавы характар сярод юнацтва (асабліва на вёсцы) [28, л. 29].

Ва ўсіх гарадах БССР працавалі прапагандысцкія калектывы, якія складаліся ў большасці з актыву ячэек і раённых камітэтаў (РК) камсамола рэспублікі. У некаторых мястэчках таксама існавалі прапагандысцкія калектывы. На вёсцы ва ўсіх акругах дзейнічалі раённыя, а ў некаторых акругах – куставыя прапагандысцкія калектывы, якія аб’ядноўвалі па 5-6 камсамольскіх ячэек у раёнах, дзе іх сетка была моцна раскідана. Раённымі куставымі прапагандысцкімі калектывамі было ахоплены 75 % вясковага камсамольскага актыву [29, л. 22]. Разам з тым, у працы некаторых прапагандысцкіх калектываў назіраліся пэўныя скрыўленні, але яны хутка выпраўляліся [28, л. 27].

Для ўцягвання ў практычную дзейнасць больш шырокага кола камсамольскіх актывістаў пры ўсіх прапагандысцкіх калектывах былі створаны секцыі (вясковая, палітасветная, дзіцячага руху, эканамічна-прававая). Ставіліся задачы рыхтаваць актывістаў з ліку юных працоўных горада і вёскі, вылучаць дзяўчын з гэтага асяроддзя ў бюро ячэек і камітэтаў, абавязкова навучаць актывістаў у партыйных ці камсамольскіх марксісцкіх гуртках [27, л. 21]. Ва ўсіх гарадах БССР былі створаны кабінеты камсамольскага актывіста, якія ў асноўным выдавалі дапаможныя палітасветныя матэрыялы. [28, л. 28]. Усё гэта сведчыць аб значнай увазе партыйнага і камсамольскага кіраўніцтва да паляпшэння і ўдасканалення маладзёжнай палітасветпрацы.

Неабходна адзначыць і своеасаблівы кіруючы склад палітасветработнікаў. Так, на 1 лістапада 1924 г. сярод 10 палітасветработнікаў акруговых камітэтаў (АК) ЛКСМБ было 3 сяляніна (30%), 7 служачых (70%), 3 беларусы (30%), 7 яўрэяў (70%), 2 члены КП(б)Б (20%), 8 кандыдатаў у члены КП(б)Б (80%) [28, л. 18]. Як бачым 2/3 гэтых палітасветработнікаў складалі яўрэі непарлетарскага паходжання і толькі 1/5 паўнапраўныя камуністы. Зразумела, што такі склад кіруючых работнікаў накладваў пэўны адбітак на характар і вынікі камсамольскай палітасветпрацы. У прыватнасці на яе ідэалагічную слабасць і пераважную арыентацыю на горад.

Увогуле шэраг галін палітасветпрацы недастаткова кіраваўся палітасветкамісіяй ЦК камсамола БССР (асабліва фізкультурная і дапрызыўная падрыхтоўка), культгала своечасовасць, адказнасць і дакладнасць пры выкананні яе заданняў [27, л. 13].

Да таго ж палітправерка паказала, што камсамольскія палітгурткі давалі толькі кніжныя веды, а не веды рэчаіснасці (многія камсамольцы не ведалі нават якія рэспублікі ўваходзяць у склад СССР). У членаў саюза адсутнічала цікаўнасць да газет і разуменне газетных паведамленняў, назіралася абыякавасць да бягучых падзей. Вясковыя ячэйкі ЛКСМБ раслі за кошт зусім палітычнанепісьменнага юнацтва, што не ўлічвалася пры палітасветработце. Таму палітгурткі і аграгурткі на вёсцы праваліліся [27, л. 5; 30, л. 45].

Але, нягледзячы на ўсе хібы, палітасвета сярод камсамольцаў рэспублікі пашыралася. Так, калі ў пачатку 1924 г. ёй былі ахоплены 82 % членаў саюза, то ў 1925 г. – 90% [31, л. 45].

Зімой 1924–1925 гг. ЛКСМБ перайшоў да абноўленай сістэмнай палітвучобы. Палітасветпраца саюза вялася праз тры ўзроўні гурткоў. Палітгурткі 1-й катэгорыі прызначаліся для самых палітычнанепісьменных камсамольцаў, каб яны навучыліся разбірацца ў асноўных элементарных пытаннях грамадска-палітычнага жыцця ў адпаведнасці з палітыкай кампартыі. Палітгурткі 2-й катэгорыі ахоплівалі членаў саюза, якія маглі самастойна разбірацца ў асноўных элементарных пытаннях палітычнага жыцця краіны, і давалі веды па асновах мясцовай эканомікі, становішчы тэхнікі і яе развіцці; барацьбе класаў; палітыцы савецкай улады, кампартыі і камінтэрна ў сувязі з сучасным міжнародным становішчам; перспектывах партыйнага і савецкага будаўніцтва. Палітгурткі 3-й катэгорыі былі разлічаны на вывучэнне ленинізма найбольш падрыхтаванымі камсамольцамі. Веды палітгурткоўцаў напрыканцы заняткаў абавязкова правяраліся. Таксама з членаў саюза ўтвараліся добраахвотныя групы чытання на даму, для прапрацоўкі атрыманых у гуртках ведаў. Маса вясковых камсамольцаў была ахоплены палітгурткамі са спецыяльнай праграмай для вёскі і адпаведнымі групамі чытання [29, л. 18; 32, л. 15, 17–18, 24].

На Гомельшчыне ў гэты час палітасветпраца сярод моладзі ажыццяўлялася пераважна праз партшколы. У іх дзейнічалі ячэйкі РКСМ, якія шэфствавалі над мясцовымі вясковымі камсамольскімі ячэйкамі. Колькасць маладых людзей ва ўзросце ад 18 да 30 гадоў у асобных партшколах даходзіла да 87%, пры чым большасць навучэнцаў складалі яўрэі. Аднак туды не заўсёды накіроўвалі лепшыя кадры [33, л. 92; 34, л. 3–4, 19–20]. Як бачым, на Гомельшчыне сярод актывістаў палітасветы пераважала яўрэйскае юнацтва. Сама ж сістэма камсамольскай

палітасветы не была такой структурызаванай як у БССР і таксама мела пэўныя хібы.

У 1925 г. паляпшэнне эканамічнага становішча рабочых юнакоў і дзяўчын на грунце пад'ёму прамысловасці, шырокая дзейнасць усіх палітычных структур дзяржавы (у сувязі з курсам кампартыі на максімальнае ажыўленне іх працы), спрыялі росту імкнення юных рабочых да павышэння ўзроўню сваіх палітычных ведаў [35, л. 2].

Таму камсамол актывізаваў палітсветпрацу, выкарыстоўваў розныя яе формы, шмат у чым пераймаў вопыт кампартыі ў справе арганізацыі сістэмы палітычнага выхавання [36, с. 201].

Дзейнічалі сотні палітгурткоў, у тым ліку гурткі бягучай палітыкі для камсамольскіх актывістаў. У гарадах і буйных мястэчках БССР быў ажыццёўлены пераход на школьную сістэму палітасветы. У палітшколах 1-й ступені разам з праграмай і статутам ВЛКСМ, рашэннямі партыйных і камсамольскіх з'ездаў вывучалі геаграфію, рускую і беларускую мовы, бо многія камсамольцы не мелі нават пачатковай адукацыі. У палітшколах 2-й ступені навучаліся больш падрыхтаваныя члены саюза, якія вывучалі гісторыю кампартыі і камсамола, а таксама асобныя працы У. Леніна. Групы ў камсамольскіх палітшколах займаліся 2 разы на тыдзень, акрамя таго 1 раз у тыдзень збіралася група чытання. 3-я катэгорыя палітузроўню была перададзена ў партыйную сетку, бо камсамол з ёй не спраўляўся. Паступова стала традыцыйным вывучэнне ў палітшколах важнейшых партыйных рашэнняў, твораў К. Маркса, Ф. Энгельса, У. Леніна. Палітсвета ўвязвалася з курсам грамадазнаўства ў школах рабочай моладзі. У праграму палітшкол таксама былі ўключаны пытанні беларузнаўства. Заняткі ў іх ішлі на беларускай, рускай, яўрэйскай, польскай і латышскай мовах, што сведчыць аб імкненні да шырокага ахопу маладых людзей розных нацыянальнасцяў. На вёсцы палітсвета вялася праз партыйныя перасоўкі і часткова стацыянарныя партшколы, а таксама праз камсамольскія палітгурткі, якія займаліся на беларускай мове і збіраліся таксама двойчы на тыдзень. У дробных мястэчках з вялікай колькасцю камсамольцаў-яўрэяў гурткі працавалі на яўрэйскай, беларускай і рускай мовах. Асноўнымі метадамі заняткаў у сістэме палітасветы з'яўляліся бяседы і чыткі. Ва ўсіх акругах рэспублікі была праведзена падрыхтоўка кіраўнікоў палітасветы для гарадскіх палітшкол і вясковых палітгурткоў праз гарадскія, акруговыя і раённыя курсы [37, л. 66–68; 38, л. 33–34; 39, л. 12].

Канчаткова аформіліся і пачалі больш інтэнсіўную працу прапагандысцкія калектывы. Пры іх дзейнічалі семінары для эканамічных, аграрных і вясковых работнікаў, палітсветнікаў. Прапагандысцкія калектывы з семінарамі існавалі ў большасці акруг БССР [38, л. 36].

У выніку ў чэрвені 1925 г. сетка палітасветустаноў ЛКСМБ як мінімум задавальняла запыты камсамольцаў [30, л. 25].

Аднак хібамаі палітнавучання юнакоў і дзяўчын заставаліся недастаткова падрыхтаваны склад кіраўнікоў, частыя змены праграм, недахоп дапаможнікаў і іншай літаратуры, малое выкарыстанне газет (хаця ў камсамольскім друку спецыяльна для палітасветы рэгулярна змяшчаліся артыкулы на розныя тэмы). У БССР яшчэ мелася вельмі значная колькасць палітнеписьменных камсамольцаў (да 50% к лету 1925 г.), некаторыя з іх нават не бачылі розніцы паміж царскай эксплуатацыяй і савецкім ладам, многія несвядома адносіліся да палітнавучання [28, л. 7, 30; 35, л. 18; 38 л. 32; 39, л. 9; 40, л. 17].

На канец 1925 г. пры РК і АК камсамола рэспублікі працавалі 137 прапагандысцкіх калектываў (3542 чалавек). З іх 47 – пры ячэйках саюза і 85 – на рускай мове. Дзейнічалі таксама 456 палітгурткоў і палітшкол 1-й ступені (9188 чалавек), 142 палітшколы 2-й ступені (2758 чалавек), 13 палітшкол 3-й ступені (599 чалавек), яшчэ 2728 камсамольцаў былі ахоплены партыйнай палітсеткай. На вёсцы налічвалася 733 палітгурткі, 132 гурткі палітчытання і 2430 груп калектываўнага чытання [41, л. 2; 42, л. 1 – 2].

Як бачым, 68 % прапагандысцкіх калектываў працавалі на рускай мове. На вёсцы адсутнічала камсамольская школьная сетка палітадукацыі, там пераважалі палітгурткі і гурткі палітчытак. Частка камсамольцаў навучалася ў партыйнай сетцы палітасветы (але іх агульная колькасць складала ўсяго некалькі працэнтаў ад усіх членаў ЛКСМБ). Увогуле палітасветай было ахоплены менш паловы членаў саюза.

З 15 лістапада 1925 г. рэгулярнае вясчанне на тэрыторыі БССР пачала радыёстанцыя ў Мінску. Гэта быў магутны сродак для агітацыйна-прапагандысцкай працы, які выкарыстоўваў і камсамол рэспублікі. Так, з 1926 г. "Чырвоная змена" пачала выходзіць і ў фармаце радыёгазеты. Да таго ж пры кіраўніцтве радыёстанцыі дзейнічаў савет, у які разам з прадстаўнікамі рэспубліканскага Галоўпалітасветкама, ЦК КП(б)Б, іншых дзяржаўных структур уваходзіў і прадстаўнік ЦК ЛКСМБ [43, с. 160–161; 44, л. 20].

У 1926 г. канчаткова аформілася сетка палітшкол камсамола БССР і большасць камсамольцаў была ахоплены палітнавучаннем. Асабліва актыўная праца на вёсцы вялася камсамольскімі гурткамі палітчытання. У выніку некалькі ўзрос працэнт паспяховасці палітасветы маладых сялян [31, л. 139; 45, л. 162; 46, л. 1; 47, л. 2].

У сувязі з пашырэннем сістэмы палітасветы камсамольцаў і юнацтва неабходна была вялікая колькасць прапагандыстаў. Таму з дапамогай камітэтаў КП(б)Б ствараліся акруговыя, гарадскія і раённыя курсы камсамольскіх прапагандыстаў, якія ў 1926 г. скончылі звыш 1 тыс. чалавек. Прапагандысты таксама павы-

шалі свае веды на пастаяннадзейнічаючых раённых семінарах [8, с. 150–151].

Разам з тым, захоўваліся і недахопы палітасветы: неаднародны склад слухачоў палітшкол па палітузроўні і агульным развіцці (у палітшколах нават меліся непісьменныя і малапісьменныя камсамольцы); слабы рост узроўня палітычных ведаў камсамольцаў (у тым ліку актывістаў); недастаткова здавальняючы матэрыяльны стан палітшкол; слабая цікаўнасць камсамольскіх ячэек да іх працы і кантролю навучання; разнабой у характары палітгурткоў у ВНУ і тэхнікумах; адсутнасць сувязі з грамадазнаўствам; малая колькасць партыйцаў сярод кіраўнікоў гарадскіх палітшкол, слабая іх метадычная падрыхтаванасць і частая змена; недавальняючы склад кіраўнікоў палітчытак на вёсцы; нізкі ўзровень падрыхтоўкі камсамольцаў-прапагандыстаў, асабліва на вёсцы; няпоўны ахоп навічоў-камсамольцаў і слабы ахоп маладых сялян-адзіночак; незаважана праграмы ў шэрагу вяскоўных палітгурткоў з-за позняга выхаду асноўнага падручніка; непрыстасаванасць праграмы вяскоўных палітгурткоў да камсамольцаў з больш высокім палітузроўнем (часта адбывалася звычайнае механічнае завучванне гатовых формул і лозунгаў); слабая разгорнутасць на вёсцы груп калектыўнага чытання; недастатковая сувязь палітнавучання з пытаннямі сучаснай палітычнай сітуацыі ў горадзе і амаль поўная адсутнасць гэтай сувязі на вёсцы; слабое метадычнае кіраўніцтва палітасветаў; недахоп палітасветнай літаратуры і поўная яе адсутнасць на нацыянальных мовах; слабое развіццё палітычнай самаадукацыі ў горадзе і вёсцы [38, л. 35, 37; 48, л. 9, 22–24, 27; 47, л. 2–3; 49, л. 4].

Каб павысіць узровень падрыхтоўкі работнікаў камсамольскай палітасветы ЦК ВЛКСМ напрыканцы сакавіка 1926 г. выдаткаваў на іх перападрыхтоўку для ЛКСМБ 2600 руб. і для камсамола Гомельскай вобласці – 800 руб., а таксама ў жніўні накіраваў у БССР 15 перасоўных палітасветных школ (з іх 5 для нацменшасцей) і 4 перасоўныя палітасветныя школы – у Гомельскую вобласць [50, л. 18, 30–31]. Напрыканцы верасня 1926 г. з гэтай жа мэтай пры ЦК ЛКСМБ быў створаны гурток палітэканоміі і гістарычнага матэрыялізму [51, л. 91].

Усебеларуская нарада агітатараў-прапагандыстаў, якая адбылася 30 чэрвеня 1926 г. канстатвала развіццё сеткі камсамольскіх палітшкол у гарадах і буйных райцэнтрах, што забяспечвала больш планамерную і рэгулярную палітасвету ў гарадскіх камсамольскіх арганізацыях (у прыватнасці ўпершыню адбылося поўнае і планавае заканэнне праграм палітадукацыі ў большай частцы гарадскіх палітшкол); большы працэнт паспяховасці вучняў палітшкол, узмацненне іх інтарэсу да вучобы; некаторы рост увязкі праграмы палітнавучання (асабліва там, дзе ў яе былі ўключаны агульнаадукацыйныя прадме-

ты) з пытаннямі сучаснага палітычнага жыцця; ахоп большай часткі вяскоўных камсамольцаў палітвучобай праз палітгурткі і часткова праз сетку партшкол [47, л. 2].

На 1926/1927 навучальны год ЦК КП(б)Б для камсамола рэспублікі былі зацверджаны 33 палітшколы ў горадзе на 6 тыс. чалавек, 32 палітшколы ў буйных райцэнтрах на 3200 чалавек і 1435 палітгурткоў на вёсцы на 28 тыс. чалавек. На матэрыяльнае забяспячэнне гэтай сеткі было адпушчана 37 тыс. руб. Для падбору і перападрыхтоўкі кадраў камсамольскіх прапагандыстаў былі праведзены 2-тыднёвыя акруговыя курсы местачкоўных прапагандыстаў і 100 раённых курсаў кіраўнікоў камсамольскіх палітчытак (2-тыднёвыя і 10-дзённыя), а ў значнай часткі гарадоў – вячэрнія курсы [42, л. 3].

У выніку значна ўзрос ахоп камсамольцаў БССР сеткай партасветы ў горадзе і вёсцы (4524 члена саюза ці 11 % ад яго агульнага складу), некалькі ўзрос палітузровень вяскоўных камсамольцаў. Палепшыліся склад і падрыхтаванасць гарадскіх прапагандыстаў, а таксама павялічылася колькасць партыйцаў сярод іх (у Мінску і Віцебску – да 90 %). У рэспубліцы налічвалася 8 камсамольскіх школ-перасоўвак, вырасла колькасць палітгурткоў павышанага тыпу, асабліва на вёсцы. Пры палітшколах дзейнічалі газетныя гурткі, а таксама тэматычныя і бягучай палітыкі [52, л. 34; 53, л. 12; 54, л. 101; 55, л. 42; 56, л. 29].

У 1927/1928 навучальным годзе звыш 90% членаў ЛКСМБ рэгулярна займаліся ў палітшколах і палітгуртках, палепшыліся партыйны склад і агульная падрыхтоўка камсамольскіх прапагандыстаў [8, с. 150; 54, л. 100].

Аднак, нягледзячы на ўсе захады, адзначалася значная бягучасць і адсеў слухачоў палітшкол (да 40% па некаторых акругах), асабліва ў палітшколах 1-й і 2-й ступеняў. Гэта было звязана з тым, што камсамольцы часта механічна і фармальна залічваліся ў палітшколы, а таксама з ростам запатрабаванняў маладога пакалення да атрымання агульнаадукацыйных ведаў і якасці навучання. Хібама палітасветы заставаліся неадэкватныя памеры палітшкол: буйныя ці вельмі малыя (напрыклад, у Мінску была толькі адна палітшкола, а ў іншых месцах яны фактычна зводзіліся да простых палітгурткоў); наяўнасць у палітвучобе элементаў зубрысцікі; слабы ахоп палітвучобай вяскоўных камсамольцаў, асабліва з ліку сялян-адзіночак, на вёсцы пераважнай формай ахопу заставаліся гурткі палітчытак, з-за чаго была нізкая якасць палітвучобы, неглыбока разумелася палітыка кампартыі ў вёсцы; слабая падрыхтоўка і адказнасць кіраўнікоў вяскоўных палітгурткоў, частка з іх нават сама прапускала заняткі; слабая палітычна-выхаваўчая праца сярод моладзі на мастацкай вытворчасці, а таксама ў вёсцы; нізкі палітычны ўзровень масы камсамольцаў, у прыватнасці,

шараговыя члены саюза слаба засвойвалі пытанне аб будаўніцтве сацыялізму ў адной краіне; недахоп прапагандыстаў (асабліва на вёсцы), тым больш грунтоўнападрыхтаваных (адсутнічала іх планавая падрыхтоўка, у шэрагу месц семінары прапагандыстаў увогуле не працавалі); слабая ўвага да якасці агітацыйна-прапагандысцкай працы (ячэйкі камсамола слаба, а часта ўвогуле не надавалі ўвагі палітвучобе сваіх членаў, не кантралявалі гэта пытанне); палітасвета слаба ўвязвалася з рэчаіснасцю і часта не давала адказу на надзённыя пытанні агульнага становішча краіны; недахоп палітасветнай літаратуры, асабліва на нацыянальных мовах [42, л. 5; 45, л. 117; 54, л. 48; 57, л. 2–3; 58, л. 1; 59, л. 76].

У 1928 г. дзяржава і кампартыя ўзмацнілі ўвагу да палітычнай адукацыі юнага пакалення. Асабліва пільная ўвага была звернута на маладзёжныя газеты і часопісы. Сам І. Сталін трымаў іх пад асабістым кантролем і выказваў у друку свае меркаванні аб накіраванасці публікацый маладзёжных СМІ [60, с. 363–364]. Такую ўвагу можна растлумачыць абстраэннем палітычнай барацьбы І. Сталіна з унутрыпартыйнай апазіцыяй.

Несумненна, што гэта паспрыяла пачатку з 1928 г. росту палітычнага ўзроўню юнакоў і дзяўчын БССР, асабліва ўцягнутых у гаспадарчае будаўніцтва [61, л. 1; 62, л. 129].

Такім чынам, кіраўніцтва кампартыі ў працы па палітасвецце юнакоў і дзяўчын у Савецкай Беларусі абапіралася на камсамольскія структуры.

На пачатковым этапе разглядаемага перыяду маладзёжная палітасветпраца вялася галоўным чынам на рускай мове, несістэматычна і выбарачна, не хапала паліткіраўнікоў, неабходных дапаможнікаў і фінансавых сродкаў. Ахоп палітасветай камсамольцаў і іншага юнацтва быў мізэрным, асабліва на вёсцы, узаемадзеянне з палітасветкамі і камітэтамі КП(б)Б не было належным чынам арганізавана.

Толькі ў 1923 г. становішча з маладзёжнай палітасветай пачало змяняцца, яна звязвалася з палітычнымі кампаніямі. КСМБ была распрацавана сістэма арганізацыі палітасветы камсамольцаў і маладога пакалення. На беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР кіраўніцтва палітасветработай сярод моладзі ажыццяўлялі ваенныя, бо адпаведных прадстаўнікоў РКСМ у паветах не было з-за адсутнасці пайкоў і штатаў.

У пачатку 1924 г. назіраўся рост адпаведнасці ўсёй выхавальчай працы камсамола БССР запытам і патрэбам рабоча-сялянскага юнацтва. Аднак сістэма маладзёжнай палітасветы не была канчаткова адладжана. Яна яшчэ была ідэалагічна слабой і мела пераважную арыентацыю на горад. Таму значная ўвага партыйнага і камсамольскага кіраўніцтва надавалася паляпшэнню і ўдасканаленню маладзёжнай палітасветпрацы. У выніку, нягледзячы на ўсе

хібы, палітасвета сярод камсамольцаў рэспублікі пашыралася.

Зімой 1924–1925 гг. ЛКСМБ перайшоў да абноўленай сістэмнай палітвучобы. Палітасветпраца саюза вялася праз тры ўзроўні гурткоў са спецыяльнай праграмай для вёскі. На Гомельшчыне ў гэты час палітасветпраца сярод юнага пакалення ажыццяўлялася пераважна праз партшколы. Сама ж сістэма камсамольскай палітасветы там не была такой структурызаванай як у БССР і таксама мела пэўныя хібы.

У 1925 г. паляпшэнне эканамічнага становішча рабочых юнакоў і дзяўчын на грунце пад'ёму прамысловасці, ажыўленне дзейнасці ўсіх палітычных структур дзяржавы спрыялі росту імкнення юных рабочых да павышэння ўзроўню сваіх палітычных ведаў.

Таму камсамол актывізаваў палітасветпрацу, выкарыстоўваў розныя яе формы, у тым ліку радыёперадачы, шмат у чым пераймаў вопыт кампартыі ў справе арганізацыі сістэмы палітычнага выхавання. Увогуле КП(б)Б аказвала па меры магчымасці падтрымку і дапамогу гэтай камсамольскай дзейнасці. ЛКСМБ імкнуўся ахапіць палітасветпрацай шырокія колы юнацтва праз працу палітасветы на нацыянальных мовах і ўвязку яе з агульнаадукацыйнымі прадметамі. Канчаткова аформіліся і пачалі больш інтэнсіўную працу прапагандысцкія калектывы, якія складаліся галоўным чынам з камсамольцаў і пераважна працавалі на рускай мове.

Аднак у першай палове 1920-х гг. незадавальняючым быў матэрыяльны стан палітшкол. На вёсцы камсамольская школьная сетка палітадукацыі зусім адсутнічала, там пераважалі палітгурткі і гурткі палітчытак. Увогуле палітасветай было ахоплены менш паловы членаў саюза.

У 1926 г. канчаткова аформілася сетка палітшкол камсамола Савецкай Беларусі і большасць камсамольцаў была ахоплены палітнавучаннем. ЛКСМБ пачаў атрымліваць матэрыяльную падтрымку ў гэтай справе з боку ЦК ВЛКСМ.

У 1928 г. дзяржава і кампартыя ўзмацнілі ўвагу да палітычнай адукацыі юнага пакалення, асабліва на вёсцы. Гэта можна растлумачыць абстраэннем палітычнай барацьбы І. Сталіна з унутрыпартыйнай апазіцыяй. Такая ўвага паспрыяла пачатку з 1928 г. росту палітычнага ўзроўню моладзі Савецкай Беларусі, асабліва ўцягнутай у гаспадарчае будаўніцтва.

Увогуле ў 1920-я гг. у Савецкай Беларусі адчуваўся недахоп падручнікаў і неабходнай дапаможнай літаратуры для палітасветы; не хапала паліткіраўнікоў, тэарэтычнай і метадычнай падрыхтоўка іх была слабой; назіраўся нізкі палітычны ўзровень масы камсамольцаў, у тым ліку пэўнай колькасці актывістаў; структуры камсамола недастаткова кантралявалі палітасветпрацу.

Аднак у цэлым 1921–1928 гг. былі этапам хоць і складанага, але паступальнага развіцця палітасветы моладзі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Витебского губернского политико-просветительного комитета. – 1921. – 20 апреля.
2. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). – Ф. А-2313. Воп. 1. Спр. 154.
3. ДАРФ. – Ф. А-2313. Воп. 1. Спр. 251.
4. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. М-1. Воп. 23. Спр. 32.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 7.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 6.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 7.
8. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1975. – 536 с.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 18.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 12.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 13.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 15.
13. ДАРФ. – Ф. А-2313. Воп. 1. Спр. 293.
14. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 19.
15. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 29.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 31.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 23.
18. РДАСПГ. – Ф. М-1. Воп. 23. Спр. 171.
19. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 22.
20. Звезда. – 1923. – 23 марта.
21. НАРБ. – Ф. 359. Воп. 1. Спр. 48.
22. Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину. 1917–1924. – Минск : Беларусь, 1980. – 206 с.
23. РДАСПГ. – Ф. 461. Воп. 1. Спр. 32917.
24. РДАСПГ. – Ф. 461. Воп. 1. Спр. 37929.
25. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 33.
26. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 26.
27. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 27.
28. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 37.
29. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 89.
30. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 51.
31. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 53.
32. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 30.
33. ДАРФ. – Ф. А-2313. Воп. 1. Спр. 86.
34. ДАРФ. – Ф. А-2313. Воп. 4. Спр. 156.
35. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 46.
36. Гісторыя Беларусі. – Минск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. – 613 с.
37. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 44.
38. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 54.
39. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 42.
40. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 133.
41. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 103.
42. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 251.
43. **Гужалоўскі, А. А.** Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цензуры ў БССР / А. А. Гужалоўскі. – Минск : Рэдакцыя газеты “Звязда”, 2012. – Кн. 1. – 304 с.
44. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 2014.
45. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 62.
46. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 274.
47. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 248.
48. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 420.
49. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 58.
50. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 249.
51. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 60.
52. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 66.
53. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 69.
54. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 358.
55. НАРБ. – Ф. 312. Воп. 1. Спр. 89.
56. НАРБ. – Ф. 291. Воп. 1. Спр. 59.
57. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 252.
58. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 252.
59. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 359.
60. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 4. – 575 с.
61. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 355.
62. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 452.

Паступілі ў рэдакцыю 07.06.2015 г.
 Кантакты: Danilovich_V@mail.ru
 (Даніловіч Вячаслаў Віктаравіч)

Danilovich V. V. ORGANIZATION OF YOUNG PEOPLE POLITICAL EDUCATION IN SOVIET BELARUS IN 1921–1928.

The article investigates the problem of political education of the youth in the Soviet Belarus in 1921–1928. It is alleged that the leadership of the Communist Party relied on the Komsomol structures involved in the political education of young people, but on the whole they did not sufficiently monitored that work. However, there were positive results in the organization and expansion of political education among the younger generation. In general the mentioned period is characterized by a complex though progressive development of youth political education.

Key words: the Soviet Belarus, youth, political education, policy of the Communist Party, activities of the Komsomol (the All-Union Leninist Young Communist League).

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

ВАЕННАЯ ПАДРЫХОЎКА ШКОЛЬНАЙ МОЛАДЗІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

В. І. Крывуць

Кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт

Артыкул прысвечаны фарміраванню і развіццю сістэмы ваеннай падрыхтоўкі школьнай моладзі як часткі афіцыйнай маладзёжнай палітыкі ў міжваеннай польскай дзяржаве, у склад якой уваходзілі і акупаваныя заходнебеларускія землі. Падрабязна характарызуюцца этапы стварэння гэтай сістэмы і яе нарматыўная база, змест вайсковага навучання школьнікаў, узаемадзеянне кіраўніцтва польскай сістэмы адукацыі і армейскіх структур. Асобна разглядаюцца асаблівасці ваеннай падрыхтоўкі школьнай моладзі на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У артыкуле выкарыстоўваюцца разнастайныя дакументальныя матэрыялы.

Ключавыя словы: маладзёжная палітыка, ваенная падрыхтоўка, Западная Беларусь, сістэма адукацыі.

Уводзіны

Ваенная падрыхтоўка школьнай моладзі з'яўлялася неад'емнай часткай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі ў міжваеннай польскай дзяржаве. Гэта тычылася і тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая ў той час знаходзілася ў складзе 2-й Рэчы Паспалітай. Розныя аспекты дадзенай праблематыкі ў той ці іншай меры знайшлі адлюстраванне ў сучаснай польскай гістарыяграфіі. Што тычыцца айчынай гістарычнай навукі, то, на жаль, гэтае пытанне яшчэ не знайшло належнага адлюстравання. Мэтай артыкула з'яўляецца хаця б часткова запоўніць гэты прабел, разглядаючы змест і накірункі ваеннай падрыхтоўкі школьнікаў як важны элемент дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі, які аказваў пэўны ўплыў на маладое пакаленне заходнебеларускага рэгіёна. На нашу думку, гэта дазволіць складзіць больш аб'ектыўнае ўяўленне не толькі аб маладзёжнай палітыцы польскіх улад у міжваенны перыяд, але і аб грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі ў цэлым.

Асноўная частка

Галоўнай мэтай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі ў 2-й Рэчы Паспалітай было фарміраванне грамадзяніна-дзяржаўніка, працаўніка і байца ў адной асобе. У сувязі з гэтым кіруючыя колы дзяржавы рабілі значны націск на ваенную падрыхтоўку маладога пакалення. Неабходна падкрэсліць, што дадзены накірунак займаў значнае месца ў маладзёжнай палітыцы ўсіх дзяржаў міжваеннай Еўропы. Волыт Першай сусветнай вайны паказаў, што вайна перастала быць справай толькі ваеннай эліты і арміі. Так,

Р. Старжынскі, польскі ваенны тэарэтык, заяўляў: "Толькі сусветная вайна паказала, што нават лепшая кадравая сістэма, якая абавязана на ваенны абавязак, і самая моцная ўзброеная сіла не ў стане выконваць задачы, якія ставіць сучасная вайна. Стала зразумела, што весці вайну павінны не толькі ўзброеныя сілы асобных дзяржаў, але і ўсё грамадства, уся нацыя" [1, с. 43].

Падрыхтоўка насельніцтва 2-й Рэчы Паспалітай, у першую чаргу моладзі, да вайны павінна была адбывацца пад агульным кіраўніцтвам і кантролем арміі, але непасрэдна рэалізацыя праграм навучання даручалася грамадскім арганізацыям і школе. Заняткі праводзіліся як ваеннымі, так і цывільнымі спецыялістамі. Згодна з афіцыйнымі дакументамі, ваенная падрыхтоўка павінна была ахапіць "усю ваенна-падрыхтоўчую працу за межамі сталай арміі, дыферэнцыруючы яе ў залежнасці ад узросту і полу, ад стратэгічнага становішча мясцовасці і, нарэшце, ад этнаграфічнага складу і дзяржаўнага пацучця грамадзян" [2, с. 26].

Ваенная падрыхтоўка (ВП) з'явілася ў праграмах сярэдніх школ (гімназій і ліцэяў) 2-й Рэчы Паспалітай ужо ў пачатку 1920-х гг. У снежні 1922 г. выйшла сумесная пастанова міністра асветы і міністра ваенных спраў аб арганізацыі ваеннай падрыхтоўкі ў сярэдніх і прафесійных школах. Былі уведзены дабраахвотныя заняткі, мэтай якіх было "фарміраванне ў моладзі ўменняў і рыс, якія развіваюць сілу і характар будучага грамадзяніна Айчыны, дазваляючы яму выканаць ваенны абавязак у кароткі тэрмін і атрымаць воінскае званне ў больш хуткі тэрмін". Для гэтага ствараліся школьныя атрады ВП. У іх мог уступіць любы школьнік, які дасягнуў 16 гадоў і меў адпаведны медыцынскі дазвол. Інструктарам атрада мог з'яўляцца як афіцэр, так і цывільны чалавек, настаўнік дадзенай школы. Навучанне адбывалася на аснове праграмы, сумесна распрацаванай міністэрствамі асветы і ваенных спраў. Праграма распадалася на два курсы (ступені). Першая ступень адпавядала праграмам навучання радавога пяхоты, другая – праграме навучання пяхотнага падафіцэра. Курсы ваеннай падрыхтоўкі дапаўняліся летнімі ваеннымі лагерамі. Унутраны парадак і дысцыпліну ў школьных атрадах павінны былі падтрымліваць школьныя ўлады. Прадстаўнікі ваенных маглі наведваць такія атрады толькі з ведама і згоды школьнага кіраўніцтва. Навучанне завяршалася экзаменам. У склад экзаменацыйнай камісіі ўваходзілі прадстаўнікі школьных і ваенных улад [3, с. 2–5].

Праграма ВП была падзелена на некалькі частак: фізічнае выхаванне, стралковае навучанне, баявая падрыхтоўка, служба (муштра). Фізічная падрыхтоўка ўключала маршы, бег, кіданне гранаты, элементы фехтавання, спартыўныя гульні (футбол, баскетбол), лёгкую ат-

летыку, плаванне. Другая частка праграмы – стралковае навучанне – прадугледжвала вывучэнне зброі і навучанне стралковай справе [4, с. 7–9].

Баявая падрыхтоўка вучыла паводзінам у баі. Апошні раздзел уключаў у сябе страйкую падрыхтоўку, вывучэнне арганізацыі ўзброеных сіл, армейскіх статутаў, ведаў пра сучасную Польшчу, прынцыпаў захавання ваеннай тайны [5, с. 2].

Усяго на кожную ступень ВП адводзілася па 110 гадзін вучэбнага часу. Яшчэ 105 гадзін прызначалася на працу ў летніх лагерах. Як правіла, заняткі па ВП праводзіліся рэгулярна, адзін-два разы на тыдзень. Навучанне завяршалася ў летніх лагерах (толькі для другой ступені). Менавіта ў лагерах праводзіўся заключны экзамен, мэтай якога было вызначэнне ступені падрыхтаванасці юнакоў. Пры гэтым рэкамендавалася экзаменаваць па тым раздзеле праграмы, на вывучэнне якіх адводзілася менш часу. Пасля паспяховай здачы экзаменаў выдавалася пасведчанне аб завяршэнні другой ступені ВП. Умовы атрымання гэтага пасведчання прадугледжвалі: завяршэнне першай ступені ВП, год працы ў атрадзе другой ступені, атрыманне “Польскай спартыўнай адзнакі”, праходжанне прадугледжаных праграмай маршаў і стрэльбаў, заплыў (25 м вольным стылем), дастатковае авалоданне прадметамі навучання [6, с. 28]. Пасведчанне аб другой ступені ВП давала права на атрыманне льгот у час вайсковай службы.

У далейшым школьная сістэма ваеннай падрыхтоўкі працягвала развівацца. У лютым 1931 г. было выдадзена новае распараджэнне, якое тычылася пытанняў арганізацыі ВП у школе. Згодна з ім, заняткі ў школьных атрадах становіліся абавязковымі для ўсіх юнакоў тых школ, дзе такія атрады існавалі. Адначасова ўзмацнялася роля армейскіх структур. Камандантам (кіраўніком) атрада павінен быў быць толькі афіцэр. Заняткі павінны былі праводзіць толькі афіцэры і падафіцэры. Педагагічнае кіраўніцтва атрадам даручалася аднаму са школьных настаўнікаў, афіцэру-рэзервісту. Дырэкцыя школы і настаўніцкі калектыў павінны былі ўзяць пад апеку працу і патрэбы атрада, прапагандаваць ідэю ваеннай падрыхтоўкі ў бацькоўскім асяроддзі, арганізоўваць пры дапамозе бацькоў матэрыяльную дапамогу школьнаму атраду ВП [7, с. 87–91].

Апошні раз ваенная падрыхтоўка ў школе была рэарганізавана ў другой палове 1930-х гг. Было вырашана, што падрыхтоўка школьнай моладзі да абароны краіны будзе рэалізоўвацца толькі ў школе і выключна праз школу. Трэба адзначыць, што да гэтага моманту частка школьнай моладзі магла праходзіць ваеннае навучанне ў некаторых грамадскіх арганізацыях, у першую чаргу ў Стралецкім саюзе ці Саюзе польскага харцарства. ВП дзялілася на агуль-

ную падрыхтоўку да абароны краіны і непасрэдна ваенную падрыхтоўку. Агульная падрыхтоўка ажыццяўлялася праз усю выхаваўчую і дыдактычную дзейнасць школы, ваенная падрыхтоўка – на занятках у школьных атрадах. Згодна з пастановай ад 10 верасня 1937 г. ваенная падрыхтоўка стала абавязковым школьным прадметам. Уся школьная моладзь, якая дасягнула 15 гадоў, павінна была наведваць заняткі ў школьных атрадах ВП. Юнакі праходзілі ваенную падрыхтоўку, дзяўчаты – падрыхтоўку да дапаможнай вайсковай службы. Ад заняткаў вучні вызваляліся толькі часткова і толькі з дазволу школьнага доктара. Функцыі камандантаў школьных атрадаў выконвалі выключна настаўнікі, але абавязкова афіцэры-рэзервісты [8, с. 439–440]. Апошні момант быў выкліканы тым, што ў сувязі з пераўзбраеннем Войска Польскага ўзрасла патрэба ў прафесійных афіцэрскіх кадрах. Таму вайсковае кіраўніцтва лічыла мэтазгодным выкарыстоўваць прафесійных афіцэраў у лінейных частках, а не ў сярэдняй школе [2, с. 117].

Тым не менш, цеснае супрацоўніцтва паміж сістэмай адукацыі і польскай арміяй захоўвалася. У студзені 1937 г. ваенны міністр выдаў распараджэнне аб узаемадзейні камандуючых ваенных акруг са школьнымі куратарамі. Аналагічнае распараджэнне выдала і міністэрства асветы. Трэба адзначыць, што гэтыя рашэнні непасрэдна адносіліся і да заходнебеларускага рэгіёна. Падкрэслівалася, што ў інтарэсах бяспекі і абароназдольнасці дзяржавы неабходна ўмацаванне польскага фактара на памежных і нацыянальна змешаных землях. Асноўным сродкам рэалізацыі гэтай задачы была абвешчана школа [9, с. 228].

У другой палове 1930-х гг. ішла праца над зменамі ў праграмах навучання сярэдніх школ. Пры вывучэнні асобных прадметаў неабходна было рабіць націск на тыя элементы ведаў, якія маюць дачыненне да абароназдольнасці дзяржавы. Напрыклад, на ўроках геаграфіі рэкамендавалася вывучаць элементы тапаграфіі, на занятках па фізіцы і хіміі вывучалася праца рухавікоў унутранага згарання, радыёпрыёмнікаў, элементы супрацьхімічнай і супрацьпаветранай абароны [9, с. 228]. Таксама ў мэтах падрыхтоўкі да абароны краіны выкарыстоўваліся і гуманітарныя прадметы. Галоўная ўвага звярталася на іх выхаваўчыя магчымасці. Пры дапамозе гуманітарных прадметаў вучань павінен быў зразумець “неабходнасць павелічэння абарончага патэнцыялу” [10, с. 809]. Акрамя таго, рэкамендавалася на канкрэтных прыкладах з гісторыі Польшчы і іншых народаў паказаць, “як помсціла за сябе палітычная слабасць, якая выцякае з неразумення неабходнасці абароны” [10, с. 812]. На ўроках гісторыі вучні павінны былі знаёміцца з гісторыяй узброеных сіл Рэчы Паспалітай. Для юнакоў гэтыя веды павінны былі адыграць ролю

“пачатковай прафесійнай адукацыі будучага афіцэра польскай арміі” [10, с. 813].

Ваенная падрыхтоўка вучняў гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі, як і ва ўсёй 2-й Рэчы Паспалітай, пачалася ў 1923/1924 навучальным годзе. Так, адзін з першых школьных атрадаў ВП узнік у Пінскай дзяржаўнай гімназіі восенню 1923 г. Да вясны 1929 г. у яго з дазволу бацькоў маглі дабраахвотна запісацца вучні IV–VIII класаў. З восені таго ж года ў атрад павінны былі абавязкова ўвайсці ўсе вучні VII–VIII класаў (за выключэннем вызваленых па стану здароўя). Такім чынам, абавязковая прыналежнасць да атрада ВП у Пінскай гімназіі была ўведзена яшчэ да адпаведнай міністэрскай пастановы 1931 г. Але колькасць членаў пінскага школьнага атрада, якія прайшлі летнія лагеры ВП, была невялікай. Так, калі ў 1925 г. 25 вучняў прайшлі падрыхтоўку ў летніх лагерах пры 30-й пяхотнай дывізіі, то праз тры гады, у 1928 г., такіх было 8 чалавек, а ў 1929 г. – толькі 3. Аўтары афіцыйнай справаздачы прызнавалі, што пад прымусам колькасць членаў атрада расла, а наведванне летніх лагераў заставалася нізкім. Прычынай гэтаму было цяжкае матэрыяльнае становішча моладзі, якая летнім часам займалася рэпетытарствам ці працавала на мясцовых тартаках, каб зарабіць сабе на адзенне і іншыя патрэбы [11, с. 196–197].

Некаторыя цяжасці ўзніклі пры правядзенні ваеннай падрыхтоўкі і ў Вільні, дзе знаходзілася значная колькасць гімназій. Пра гэта сведчыла сакрэтная запіска, накіраваная 19 мая 1932 г. кіраўніцтву Віленскай школьнай акругі В. Жарноўскім, педагогічным кіраўніком атрада ваеннай падрыхтоўкі Гімназіі айцоў езуітаў у Вільні (атрад быў створаны ў гімназіі ў 1927/1928 навучальным годзе).

Аўтар запіскі адзначаў, што заняткі па ваеннай падрыхтоўцы выклікаюць сярод моладзі расчараванне ў вайскавай службе, антыпатыю ў адносінах да камандзіраў атрада, крах дысцыпліны, а сярод бацькоў вучняў – незадаволенасць тым, што заняткі адбываюцца ў святочныя дні. Таксама бацькі былі незадаволеныя тым, што шматгадзінныя зборы, парады, слаборніцтвы і практыкаванні часта праводзіліся пры дрэнным надвор’і, што прыводзіла да хвароб. Пры гэтым В. Жарноўскі меў на ўвазе сітуацыю не толькі ў сваёй гімназіі, а ва ўсіх сярэдніх навучальных установах Вільні, дзе існавалі атрады ваеннай падрыхтоўкі. Галоўнай прычынай такога становішча ён лічыў шматлікія арганізацыйныя хібы. Галоўнай з іх, на яго думку, была непадрыхтаванасць інструктарскіх кадраў да педагогічнай працы са школьнай моладдзю. Інструктары ставіліся да школьнікаў як да рэкрутаў у воінскіх частках і таму трэніравалі іх як дарослых, фізічна развітых людзей, а не падлеткаў [12, с. 220–221].

Непадрыхтаванасць інструктараў магла прывесці і да канфліктаў паміж імі і школьным кіраў-

ніцтвам. Напрыклад, падобны канфлікт адбыўся ў той жа Гімназіі айцоў езуітаў ў Вільні ў 1937 г. Прычынай яго стала выкарыстанне камендантам атрада ваеннай падрыхтоўкі і інструктарамі неадпаведных выхаваўчых метадаў. Яны зняважліва ставіліся да падлеткаў, шырока ўжывалі ненарматыўную лексіку, акрамя таго, у час заняткаў камендант неаднаразова негатыўна выказваўся адносна ордэна езуітаў. В. Жарноўскі ад імя кіраўніцтва школы накіраваў камандаванню 5-га пяхотнага палка легіёнаў (школьны атрад знаходзіўся пад яго вайскавай апекай) просьбу памяншаць інструктараў. Трэба адзначыць, што ваенныя ўлады задаволілі гэтую просьбу. Ужо ў чэрвені 1937 г. школьнае кіраўніцтва накіравала палкавому камандаванню пахвальны ліст, у якім было адзначана, што новыя афіцэры, якія працуюць у атрадзе, “вызначаюцца выключнымі якасцямі з маральнага, педагогічнага і прафесійнага пункту гледжання” [12, с. 222].

Неабходна адзначыць, што ў цэлым польскія ўлады здолелі наладзіць ваенную падрыхтоўку моладзі са старэйшых класаў сярэдніх школ. Школьнікі даволі ахвотна прымалі ўдзел у працы школьных атрадаў. Як адзначалі справаздачы вайсковых улад, у гарадах менавіта школьная моладзь выяўляла найбольшую схільнасць да працы ў сферы ваеннай падрыхтоўкі маладога пакалення. Тая ж справаздачы падкрэслівалі, што сярод гарадской пазашкольнай моладзі ў гэтую працу ўцягваюцца толькі адзінкі, у першую чаргу члены Стралецкага саюза і Саюза польскага харчарства. У сельскай мясцовасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі большасць моладзі ставілася да ВП даволі абыхавава, не разумеючы яе значэння, ці нават варожа [13, с. 57]. На дадзеную сітуацыю ўплывала не толькі дзейнасць кіраўніцтва сістэмы адукацыі і армейскіх улад. Справа ў тым, што значную частку вучняў гімназій і ліцэяў складалі палякі, якія вельмі часта лічылі працу ў школьных атрадах ВП сваім патрыятычным абавязкам. Сельская ж моладзь, якая ў асноўным складалася з беларусаў, наадварот, даволі насцярожана ставілася да акупацыйнага польскага рэжыму і не вельмі імкнулася рыхтавацца да яго абароны.

Нягледзячы на актыўнае развіццё сістэмы ваеннай падрыхтоўкі школьнай моладзі, яна проста фізічна не магла ахапіць значнай колькасці маладога пакалення Заходняй Беларусі. У першую чаргу гэта было звязана з тым, што для большасці вучняў сярэдняй школы была проста недасягальнай па прычыне даволі высокай платы за навучанне. Адначасова, пачынаючы з канца 1920-х гг., на тэрыторыі Заходняй Беларусі назіраўся працэс скарачэння колькасці гімназій. Так, калі ў 1927/1928 навучальным годзе іх было 85 (17 800 вучняў), то ў 1938 г. – 58 (15 900 вучняў) [14, с. 222]. Зразумела, што, акрамя усяго іншага, гэта значна зніжала эфектыўнасць і ма-

савасць працы па ваеннай падрыхтоўцы школьнай моладзі Заходняй Беларусі.

Заклучэнне

Такім чынам, неабходна прызнаць, што ў міжваенны перыяд польскія ўлады надавалі значную ўвагу падрыхтоўцы школьнай моладзі да абароны краіны, што з'яўлялася важнай часткай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Афармленне сістэмы ваеннай падрыхтоўкі ў сярэдняй школе, у тым ліку і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, пачалося яшчэ ў пачатку 1920 г., калі былі створаны дабраахвотныя школьныя атрады ВП. У 1930-я гг., пасля шэрагу сумесных распараджэнняў адпаведных міністэрстваў, гэтая структура страцілі свой дабраахвотны характар, а сама ваенная падрыхтоўка ператварылася ў абавязковы прадмет праграмы сярэдняй школы. У выніку ўсе вучні старэйшых класаў былі абавязаны праходзіць дзве ступені ВП. Адначасова рабіліся спробы выкарыстаць у мэтах падрыхтоўкі да абароны краіны і іншыя прадметы школьнай праграмы. Таксама было наладжана цеснае супрацоўніцтва паміж школай і вайсковымі структурамі. Аднак, шэраг суб'ектыўных і аб'ектыўных фактараў значна перашкаджаў эфектыўнаму развіццю дадзенай сістэмы. Галоўнай перашкодай сталі неспрыяльныя сацыяльна-эканамічныя ўмовы, якія пазбаўлялі большасць заходнебеларускай моладзі магчымасці атрымаць сярэднюю адукацыю. Гэта, у сваю чаргу, рабіла немагчымым распаўсюдзіць мерапрыемствы па ваеннай падрыхтоўцы на ўсё падростаючае пакаленне рэгіёна.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Starzyński, R.** Przystosowanie wojskowe narodu pod bronią / R. Starzyński. // Bellona. – 1927. – Т. XXV – S. 42 – 59.
2. **Keşik, J.** Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939 / J. Keşik. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
3. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych w sprawie Organizacji Przystosowania Wojskowego w Szkolach Średnich i Zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 2 – 5.
4. Tymczasowy program przystosowania wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 7–9.
5. Szkoła Junaka. Podręcznik instruktora Przystosowania Wojskowego. Służba. – Warszawa : Główna Księgarnia Wojskowa, 1935. – 470 s.

6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 67 сч. Камандаванне акругі корпуса № 9. Воп. 2. Спр. 197.
7. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych z dnia 4 lutego 1931 r. w sprawie organizacji przystosowania wojskowego w szkołach średnich ogólnokształcących, seminarjach nauczycielskich i szkołach zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 3. – S. 86–91.
8. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministra Spraw Wojskowych z dnia 10 września 1937 r. w sprawie organizacji przystosowania młodzieży szkolnej do obrony kraju // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1937. – № 12. – S. 439–441.
9. **Jabłonowski, M.** Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935–1939 / M. Jabłonowski. – Warszawa : ASPRA, 2001. – 476 s.
10. **Bornholtz, T.** Przygotowanie do obrony kraju w programach przedmiotów humanistycznych szkoły ogólnokształcącej / T. Bornholtz // Oświata i wychowanie. – 1937. – № 9–10. – S. 806–813.
11. **Śliwiński, F.** Gimnazjum państwowe w Pinsku w 1919–1930 r. Zarys monografii szkoły / F. Śliwiński. – Pińsk: Nakładem Gimnazjum państwowego, 1930. – 306 s.
12. Gimnazjum Ojców Jezuitów w Wilnie w latach 1922–1940 (monografia) / Red.: R. Cybulski, A. Houwalt, J. Jasiński. – Bydgoszcz, 1999. – 522 s.
13. ДАБВ. – Ф. 1. Палескае ваяводскае ўпраўленне. Воп. 2. Спр. 2402.
14. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.

Паступіў у рэдакцыю 02.09.2015 г.
Контакты: krivut@mail.ru
(Крывуць Віталій Іванавіч)

Krivuts V. I. MILITARY TRAINING OF SCHOOL YOUTH OF WEST BELARUS IN THE INTERWAR PERIOD.

The article is devoted to the formation and development of military training of schoolchildren as a part of the official youth policy in the interwar Poland which occupied West Belarus. The stages and the legal framework of the system creation are characterized in detail as well as the content of the military training and the interaction between the management of the Polish system of education and military structures. The features of schoolchildren military training in West Belarus are considered separately. The article uses a variety of documentary materials.

Key words: youth policy, military training, West Belarus, education system.

УДК 316.422:327.7-029:9“1970/2005”

**ИНСТИТУЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФРАНКОФОНИИ –
(1970–2005 гг.)**

О. В. Митькина

кандидат исторических наук, докторант отдела истории международных отношений и внешней политики Украины Института истории Украины НАН Украины

Статья раскрывает историю формирования институтов Международной организации франкофонии, анализирует особенности институциональных реформ, которые оказали непосредственное влияние на расширение деятельности организации и повышение ее роли на международной арене.

Ключевые слова: франкофония, неправительственные организации, организационная структура, институты.

Франция принадлежит к числу тех государств, которые сделали большой вклад в историю человечества и развитие мировой культуры. На протяжении нескольких веков Франция находилась в авангарде исторического развития. Зарожденные в ней идеи, ее язык и культура, в дальнейшем получили распространение во многих странах мира.

После распада колониальной системы, ища новые механизмы сотрудничества, бывшие колонии Франции инициировали создание объединения на культурно-лингвистической основе. Будучи основанной в 1970 г. Международная организация франкофонии (МОФ) сегодня объединяет 70 стран мира на пяти континентах, что составляет приблизительно одну треть членов Генеральной Ассамблеи ООН.

Международная организация франкофонии оказалась в состоянии создать уникальную модель взаимодействия на основе идеологических и культурных ценностей, которая оказалась привлекательной и приемлемой для многих стран мира различных по своему политическому устройству, уровню экономики, вероисповеданию населения и т.д. Постоянно возрастающая роль МОФ на международной арене подчеркивает необходимость изучения и анализа ее феномена. Актуальность теме исследования придает тот факт, что с 2006 г. Украина получила статус наблюдателя в организации; в связи с чем, возникает необходимость подготовки почвы для разработки стратегии дальнейшего сотрудничества.

Целью данной статьи является изучение одного из аспектов развития и становления франкофонного движения на международной арене, а именно ее институциональной составляющей, истории формирования структур Международной организации франкофонии.

Развитие концепции организованной франкофонии и формирование официальных институтов происходило постепенно. Общественные организации еще с 1950-х гг. возродили идею единения франкофонов мира, сформулированную Онезимом Реклю в 1880 г. Именно общественный сектор инициировал создание межправительственной организации. В связи с этим, весьма логичным является факт тесного сотрудничества МОФ с неправительственными организациями.

Прародителем Международной организации франкофонии было Агентство культурного и технического сотрудничества (АКТС), основанное в 1970 г. в качестве первой межправительственной организации. Согласно уставу, АКТС имело следующую структуру: Генеральная конференция, Комитет по реализации программ, Административный и Консультативный советы, Секретариат. 10 ноября 1978 г. Агентство культурного и технического сотрудничества получило статус наблюдателя в ГА ООН (Резолюция 33/18) [1], тем самым подтвердив свой статус международной организации и получив мировое признание.

Следующие десятилетия Международное франкофонное сотрудничество постоянно углублялось и расширяло горизонты своей работы. При этом приоритетными были направления в области образования, обучения грамотности и дистанционного обучения [2]. АКТС же стало по сути координационным учреждением межправительственного уровня, которое тесно сотрудничало с общественным сектором.

В 1986 г. по приглашению президента Франции Ф. Миттерана в Париже была созвана первая Конференция глав государств и правительств, совместно использующих французский язык (принятое короткое название – Саммит), на котором были обсуждены актуальные проблемы дальнейшего развития Франкофонии в целом и АКТС конкретно.

В связи с изменениями на международной арене и эволюцией потребностей членов АКТС, участники Саммита (23 государства) единодушно согласились с необходимостью реорганизации Агентства. С этой целью было принято решение о создании при АКТС временного Международного исполнительного комитета [3]. Главным заданием комитета было проанализировать современное состояние АКТС и внести предложения относительно структурного развития организации. Международный исполнительный комитет, несмотря на свой временный статус, получил достаточно полномочий для контроля деятельности АКТС и определения его дальнейшей судьбы. Саммит же был признан высшим органом международной франкофонии, который собирался раз в два года. Поскольку Саммиты должны были стать регулярными, была создана еще одна структура – Международный комитет по подготовке саммитов. Кро-

ме того, участниками первого Саммита 1986 г. был утвержден международный проект по созданию франкоязычного телеагентства ТВ5.

Следующим шагом в реструктуризации Агентства культурного и технического сотрудничества стало его объединение с неправительственным сектором. В 1988 г. впервые общественная организация франкофонного движения, Международная ассоциация франкоязычных парламентариев, вошла в структуру межправительственного Агентства культурного и технического сотрудничества.

На Саммите 1989 г. прежде всего, говорилось о мероприятиях повышения роли организации на международной арене и пути частичной отмены опеки над ним Международного исполнительного комитета. Большая часть рекомендаций была одобрена делегатами Саммита в частях А, В, С, D Резолюции № 10, принятой Саммитом "Относительно будущего институтов франкофонии и механизмов соблюдения решений Саммита Дакара" [4].

На данном саммите также было принято решение о создании в Александрии (Египет) еще одной структуры Франкофонии – Международного университета французского языка на службе развития Африки, названного Университетом имени Л.С. Сенгора. Университет стал уникальным высшим учебным заведением по подготовке и переподготовке профессиональных кадров для стран Африканского континента.

Также по решению Саммита АКТС в 1989 г. Университетское агентство Франкофонии было приглашено стать основным оператором в области высшего образования и научных исследований. При этом, следует отметить, что оно сохранило статус свободного и независимого объединения университетов, хотя в административный совет кроме ректоров и президентов университетов отныне вошли и представители глав государств и правительств [5].

Таким образом, состоянием на 1989 г. АКТС помимо высших органов управления в своей структуре имела уже трех исполнителей, т. н. операторов: ТВ5, Университет им. Сенгора, Университетское агентство франкофонии, а также консультативный орган – Международную ассоциацию франкоязычных парламентариев.

Дальнейшие реформы полностью были реализованы в 1991 г. Международный исполнительный комитет и Международный комитет по подготовке Саммитов были полностью распущены. Вместо этих структур для подготовки и выполнения решений Саммитов были созданы новые учреждения, которые поглотили их функции. Так, главной задачей новообразованного Постоянного совета франкофонии, в который вошли представители 15 членов, стало обеспечение непрерывности в работе между съездами Саммитов [6]. Второе структурное подразделение – Конференция министров Франкофонии,

должна была обеспечить выполнение решений предыдущего и подготовку предложения к следующим Саммитам [7]. Такие изменения дали серьезный толчок дальнейшему развитию АКТС.

АКТС постепенно расширяла направления своей деятельности. На начало 90-х гг. организация занималась уже не только вопросами культуры и образования, а также связи, окружающей среды, развития демократии и т. д. На пятом Саммите 1993 г. были приняты решения относительно мероприятий по усилению политической роли Франкофонии на международной арене в целом и в отдельных международных организациях [8]. С 1995 г. Международная ассоциация франкофонных мэров стала исполнительной организацией франкофонии и получила статус оператора АКТС [9].

Устав Агентства культурного и технического сотрудничества был впервые пересмотрен на Саммите в 1997 г. Основные изменения, согласно новому уставу, касались организационной структуры. Прежде всего, АКТС было переименовано в Агентство франкофонии. Агентство было провозглашено основной исполнительной организацией Франкофонного движения. К высшим органам Франкофонии, которые разрабатывают основные направления развития Агентства и осуществляют контроль над их выполнением, были отнесены: Конференция глав государств и правительств, которые совместно владеют французским языком (Саммит); Конференция министров Франкофонии и Постоянный совет Франкофонии. Нововведением стала должность Генерального секретаря.

Генеральный секретарь стал "ключом, который логически замыкает институционную систему франкофонии" [10]. Он представляет Агентство франкофонии на международной арене, приводит в жизнь политическую и дипломатическую линии организации согласно уставу франкофонии, развивает многостороннее сотрудничество франкофонных стран [11].

Таким образом, структурное функционирование было рационализировано. Но, как утверждают аналитики, устав 1997 г. нуждался в пересмотре, поскольку он не полностью раскрывал тонкости взаимоотношений между Агентством франкофонии и Генеральным секретарем с одной стороны, а с другой – Агентством и главными операторами [12].

Так, в 2005 г. была осуществлена еще одна реформа. Новый устав внес некоторые изменения и дополнения относительно разных структур франкофонии. Агентство было вновь переименовано уже в Международную организацию франкофонии (МОФ).

Была также осуществлена переоценка роли и функций Генерального секретаря, повышен уровень его ответственности. Если, согласно Уставу 1997 г., Агентством франкофонии руководил Главный администратор, то устав 2005 г.

закрепил руководство Международной организацией франкофонии за Генеральным секретарем, а администратору была отведена второстепенная роль с правом выполнения функций Генерального секретаря по его поручению. Также согласно уставу 2005 г. к структуре МОФ примкнули в качестве постоянно действующих институтов Конференция министров образования и Конференция министров молодежи и спорта.

Реформа 2005 г. стала последней, внесшей изменения в организационную структуру Международной организации франкофонии. Она окончательно утвердила функции и распределила обязанности институтов, установила принципы их взаимодействия. На сегодняшний день структура Международной организации франкофонии выглядит следующим образом (схема):

Для того чтобы правильно оценить сложную организационную структуру франкофонии следует учесть, что франкофонный проект не был спланирован в глубинах государственных учреждений, а во многом возник в результате деятельности неправительственных организаций. Именно благодаря этим инициативам определились основные приоритеты и задачи Франкофонии: укрепление мира, безопасности, демократии, развитие прав и свобод человека, диалог равных культур, экономическая солидарность между странами Севера и Юга, защита и распространение французского языка, сохранение национальных языков и местных диалектов и т. д.

[13]. Разные институты общественного характера, которые постепенно вошли в состав межправительственной организации франкофонного движения и сложили его институционную систему.

Важнейшими этапами формирования организационной структуры франкофонии стало создание в 1970 г. Агентства культурного и технического сотрудничества и проведение с 1986 г. Конференций глав государств и правительств, а также две важные реформы 1997 и 2005 г. Период с 1986 по 2005 г. можно назвать периодом активного формирования организационной структуры франкофонии, роста ее политической составляющей.

Таким образом, сегодняшняя институциональная структура Международной организации франкофонии представляет собой совокупность гибких и разнообразных организаций, которые работают каждая в своей области, пронизывая практически все сферы жизни общества. Громоздкость организационной структуры не является препятствием развитию Франкофонии. Поскольку именно наличие множества разнообразных институтов обеспечивает охват наибольшего количества участников франкофонного движения, популяризирует его и повышает его авторитет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция A/RES/33/18. О статусе наблюдателя для Агентства по культурному и техническому сотрудничеству в Генеральной Ассамблее. – 10 ноября 1978 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/360/36/IMG/NR036036.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 20.08.2015.
2. **Roy, J.-L.** La francophonie. Le projet communautaire / Jean Louis Roy. – P. : Editions Hurtubise, 1993. – P. 188.
3. **Le Scouarnec, F.-P.** La Francophonie / Francois-Pierre Le Scouarnec. – Quebec : Boreal, 1997. – P. 76.
4. Resalution № 10. Relative à l'avenir des institutions francophones et aux mécanismes du suivi du Sommet de Dacar // Actes de la troisième Conférence des chefs d'Etat et de Gouvernement des pays ayanten commun l'usage du francais. Dakar, 1989. – Dakar : Press de l'imprimerie du midi, 1990. – P. 499–502.
5. **Léger, J.-M.** La francophonie : grand dessein, grande ambiguïté / Jean-Marc Léger. – Quebec : Hurtubise, 1987. – P. 130.
6. Annexe 48. Composition du Conceil permanent de la Francophonie // Actes de la quatrième Conférence des chefs d'Etat et de Gouvernement des pays ayanten commun l'usage du francais. Paris, 1991. – Paris : La documentation francaise, 1992. – P. 305.
7. **Tetu, M.** Qu'est-ce que la Francophonie? / Michel Tetu. – P. : Hachette-Edicef, 1997. – P. 277.
8. Resalution № 12. Sur le francaise dans les organisation international // Actes de la ciqueme Conférence des chefs d'Etat et de Gouvernement des pays le francais en partage. Maurice, 1993. – P. 105–106.
9. **Le Scouarnec, F.-P.** La Francophonie / Francois-Pierre Le Scouarnec. – Quebec : Boreal, 1997. – P.87.
10. Rapport du Secretaire general de la Francophonie 2004–2006 / sous la dir. de Hugo Sada. – P. : Lys impressions graphique, 2006. – P. 125
11. **Le Marchand, V.** La Francophonie / V. Le Marchand. – Milan : Milan, 1999. – P. 16.
12. Rapport du Secretaire general de la Francophonie 2004–2006 / sous la dir. de Hugo Sada. – P. : Lys impressions graphique, 2006. – P. 125.
13. **Gilder, A.** Alerte francophone / Alfred Gilder, Albert Salon. – P. : SEFI-Arnaud Franel, 2004. – P. 61.

Поступила в редакцию 26.10.2015 г.
Контакты: MitkinaOlga@i.ua
(Митькина Ольга Витальевна)

Mitkina O. V. INSTITUTIONAL FORMATION OF THE INTERNATIONAL ORGANISATION OF LA FRANCO-PHONIE (1970–2005).

The article reveals the history of the formation of the institutions of the International Organisation of La Francophonie, analyzes the peculiarities of the institutional reforms which influenced the extension of the organization activities and its growing role on the international level.

Key words: francophonie, non-governmental organizations, organizational structure, institutions.

УДК 78.06

**МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕВРЕЕВ
ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)****И. И. Вавренюк**

соискатель

БрГУ имени А. С. Пушкина (Брест)

Музыкальное искусство евреев является сложным явлением, состоящим из нескольких постоянно меняющихся направлений. В статье на основе анализа различных источников рассмотрен процесс развития музыкальной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.), отмечены нововведения периода, особенности музыкальной культуры.

Ключевые слова: музыка евреев, синагогальная музыка, кантор, клезмерская музыка, музыка хасидов.

Введение

В 1921 г. после подписания Рижского мирного договора западнобелорусские земли оказались в составе Польского государства. В культуре полиэтничного и поликонфессионального общества еврейская культура в 1921–1939 гг. занимала значительное место, что было обусловлено в первую очередь демографическим доминированием евреев в городах и местечках Западной Беларуси, во-вторых, их активностью в культурной жизни, в-третьих, спецификой развития культуры евреев.

Все национальные меньшинства в Польше находились под защитой двусторонних международных договоров, их права декларировались и в Конституции 1921 г. Польского государства. Однако в реальной жизни отношение к национальным меньшинствам со стороны властей было отнюдь не одинаковым. Правящие круги Польши не видели угрозы государственным интересам в существовании еврейского национального меньшинства на территории своего государства по ряду причин, и в силу этого евреи получили ряд преимуществ по сравнению с другими национальными меньшинствами.

Целью работы является анализ музыкального искусства евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: выявить главные тенденции и специфику музыкального искусства евреев, определить структуру музыкальной жизни, выявить нововведения периода.

Проблему музыкальной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) затрагивали в своих работах М. Фукс, Е. Хаздан, А. Клюгман, М. Житка, Т. Вашкевич и др. В целом, необходимо отметить отсутствие комплексного исследования по данной проблеме, как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Основная часть

Обстановка позволила еврейской обществу активизировать деятельность в области культуры. Главная роль в сохранении традиционных и формировании новых ценностей принадлежала культурным центрам, вокруг которых развивалась духовная жизнь еврейского населения. Такими центрами в западнобелорусском регионе были культурно-просветительные организации, театры, кинотеатры и пр. Они являлись уникальными учреждениями с собственной иерархией ценностей, где происходили процессы модернизации и сохранения традиционной культуры. Культурные центры выполняли не только культурно-просветительные и образовательные функции, но и содействовали организации досуга населения. Так, в Бресте, центре Полесского воеводства, активно действовали в области культуры "Товарищество вечеров для рабочих-евреев", "Союз ремесленников-евреев", школы "Хатехия", "Тахкемоне", "Бейс Яков", гимназия "Тарбут", "Товарищество помощи студентам-евреям", "Еврейский эмиграционный союз рабочих" и др. [1, с. 65–68]. Они проводили в городе музыкальные и театрализованные представления, концерты, балы, выставки, организовывали публичные лекции, финансировали еврейские периодические издания и библиотеки, занимались краеведением. Под их непосредственным руководством проводились творческие вечера, на которых анализировались литературные произведения ("Новая жизнь" Ш. Аша, "Голем" Д. Фришмана и др.) [2, л. 15–26]. 11 марта 1933 г. еврейский рабочий спортивный клуб "Хапоэль" провел вечер памяти Трумпельдорфа и погибших евреев во время боев с арабами 1920 и 1929 гг. в Палестине. Мероприятие началось с лекции о жизни и смерти Трумпельдорфа, потом хор исполнял песни на идише о погибших, также выступили мандолинисты [3, л. 20]. 13 июля 1933 г. в Большой синагоге Бреста над Бугом состоялось мероприятие памяти Теодора Герцля, на котором кроме выступлений Вольфа и Менахема Бегинов, звучал гимн Израиля "Хатиква" [4, л. 3]. Наиболее влиятельным в Западной Беларуси было еврейское культурно-просветительное товарищество "Тарбут" ("Культура"). Большинство организованных мероприятий состояло из двух или трех частей: постановка, чтение стихов, танцы [5, с. 97].

Все более популярным становился светский театр. Активной деятельностью отличался в Бресте театр Сарвера, собиравший до 200 человек. В здании театра проводились съезды, конференции, благотворительные вечера, танцевальные концерты, музыкальные вечера. Полную аудиторию собирали различные развлекательные мероприятия, где звучала музыка [6, л. 8–14]. Важным объектом культурной жизни Вильно был театр "Палас", на сцене которого выступала постоянная еврейская труппа. Руко-

водство этой труппы поддерживало постоянные хорошие отношения с “Белорусской драматической мастерской” и представляло ей свою сцену для выступлений. Совместные творческие вечера сопровождались исполнением музыкальных произведений как белорусской, так и еврейской музыки [7].

Интенсивно проникал в жизнь городов и местечек кинематограф. Развитие звукового кинематографа в регионе было проблематичным по материальным причинам, вследствие чего самыми распространенными были сеансы немого кино польской, западноевропейской, американской киноиндустрии, сопровождавшиеся исполнением живой музыки. Среди еврейского населения местечек Западной Беларуси популярными были документальные фильмы “Дорога молодых” (1936 г., оператор Ст. Липиньски) и “Шесть лет” (1938 г., режисеры братья Госкинд). Аккомпанимент музыкального оркестра производил значимый эффект. В кинозалах специально для оркестра или музыкальных коллективов строили сцену [5, с. 101].

Анализ мероприятий, проводимых различными учреждениями, позволяет выделить обязательную составляющую – музыкальное сопровождение, причем музыка использовалась как западноевропейских, так и еврейских авторов: Шуберта, Бетховена, Мендельсона, Шопена и др.

На сценах Западной Беларуси часто выступали приглашенные исполнители, получившие образование за пределами Западной Беларуси (так как не было ни одного учебного заведения, которое готовило бы профессиональных музыкантов) и их деятельность проходила главным образом за пределами традиционной общины в качестве свободных музыкантов.

Тематика музыкальных постановок свидетельствует о развитии светской культуры среди евреев региона. Процессы десакрализации музыки евреев нашли свое отражение и в образовании. Принципиально новым явлением изучаемого периода было введение “Пения” как отдельного обязательного учебного предмета. Причем данный учебный предмет изучался как в светских, так и в религиозных учреждениях образования евреев. Так, “Пение” как учебная дисциплина фигурировала в расписании “Талмуд Торы I” города Гродно (1 час в неделю в 1–5 классах) [8, л. 86], начальных школах “Явне” Берёзы-Картузской Полесского воеводства (4 часа в 1-м классе, по 1 часу во 2–6-х) [9, л. 4об.] и “Тахкемоне” в Бресте над Бугом (по 2 часа в неделю в 1–3 классах), “Тель Хай” в Пинске (2 часа в 1-м классе) и др. Другим принципиально новым явлением являлось преподавание “Пения” в ортодоксальных школах для девочек “Бейс Яков” (по 1 часу в неделю в каждом классе) [10, л. 10–47], что полностью ломало традиционное представление иудеев, опирающееся на талмудическое изречение, запреща-

вшее женщинам петь: “Голос женщины – срам”. Вокальная сфера традиционно ранее была представлена исключительно мужчинами.

Фундаментальное место в культуре традиционного еврейского общества занимали ценности иудаизма. Еврейская музыкальная культура была привержена определенному укладу этическими и этническими ценностями, обусловленными иудаизмом. Музыкальные традиции евреев исчислялись традициями нескольких тысяч лет культуры и ранее были представлены двумя направлениями музыки: синагогальной и народной [11, с. 117–136]. Истоки синагогальной музыки уходят в древность, опираются на религиозные письменные источники. Так, в “Псалмах Давида” упоминаются сольные и хоральные пения, хороводы, танцы, марши, инструментальная музыка, более тридцати музыкальных инструментов. С древних времен в песнопении, исполняемом хором и кантором в синагоге, тесно переплетались панегирики, гимны, жалобные и просящие песни, праздничные песнопения [12, с. 357].

Характерным для мелодий древнего типа можно назвать их богатейший мелодический орнамент, который пронизан специфической ритмикой. Синагогальная музыка гомофонична – одноголосна. Наиболее древние напевы евреев построены преимущественно в архаических пятиступенных ладах; более поздние – строго диатоничны. Специфичность и национальная особенность еврейской мелодии – в его мелодической орнаментации и в проникающей его эмоции, которую можно охарактеризовать как патетическую, аффектированную, динамическую [13, с. 13–15].

В 1921–1939 гг. синагогальная музыка претерпела ряд изменений, стала более европеизированной, впитав в себя ряд черт европейской музыки в силу заимствований европейской нотации, широкого применения органа, хора и т. п. Стали создаваться музыкальные композиции, стиль которых был почти полностью сориентирован на западноевропейскую музыку, хотя тексты писались на иврите и идише (в виде цитат канонических еврейских текстов либо в свободной поэтической версии). Происходило освоение типовых европейских форм еврейской музыкальной культурой. Результатом стало введение во внутриобщинную синагогальную жизнь европеизированной музыки, базисом которой был западноевропейский стиль, сочетаемый со специфически еврейскими элементами на вербальном и музыкальном уровнях. Необходимо отметить, что европеизированные образцы синагогальной музыки являлись не эпизодическими явлениями в чуждом еврейской культуре европейском музыкальном стиле, а тенденцией.

Важно подчеркнуть, что почти во всех слоях синагогальной музыки характеристика “Художе-

ственной” (“Art”) – профессиональной, композиторской, академической музыки – сосуществовала с характеристикой “Традиционной” (“Folk”) музыки. Оба элемента в 1921–1939 г. демонстрировали заимствования из окружающих музыкальных культур, что являлось следствием равнинистического отношения к музыке, сформированного ранее. Песни и гимны во славу Бога были признанными, допускались и даже поощрялись. “Ни один человек Израиля во всем мире не обходится без них” – записано в Ветхом Завете [14, с. 133]. В то же время голосовая сфера была представлена в синагоге средствами, которые отнести к вокальным можно только лишь с натяжкой. Исследователь Юдит Фригиши разделила все типы синагогальных песнопений на 7 групп от молчаливого или еле слышного чтения (например, общинное чтение амиды) до богато орнаментированных и мелодически разработанных импровизаций хазана. Согласно вышеуказанной классификации, чтение раввина может быть отнесено к следующим группам: почти речевая, как бы немusыкальная, быстрая речитация; простая мелодическая речитация на нескольких нотах без больших мелодических включений (типична в будничных службах и в домашнем служении); близкая к ней, но более разработанная мелодия, в которой более выражено деление на строфы [15, с. 414–418].

В синагогальном ритуале богослужение проводил баал тфила. Им мог быть, хоть и не обязательно, духовный раввин, который интонировал первые фразы молитв, проговариваемых полупрошепотом (обычно читаемых с молитвенника) верующими. Однако, в больших синагогах главная роль во время богослужения и религиозных праздников принадлежала канторам (хазанам). Канторы были интерпретаторами и создателями стиля, формы, мелодии и ритма сакральной вокалистики [16, с. 55]. Синагогальная музыка существовала как традиционная, принципиально монодическая, опирающаяся на систему интонационных модусов и принцип кантиляции в рамках нусаха (порядка интонирования текстов). Вокальное искусство канторов основывалось на интерпретации и импровизации исполняемых произведений [17, с. 140].

Искусство канторов достигло в 1921–1939 гг. в Западной Беларуси своего особого расцвета, так как традиционная литургия претерпела ряд изменений. Часто хороший голос и музыкальные способности обеспечивали хазану уважение общины, славу и неплохие заработки. Из различных источников известны имена следующих хазанов: Файвеля Березовского, Ноаха Желудковского из Гродно; братьев Кусевичких, Шимона Альтера, Ефрема Шляпок из Сморгони; Якова Илитовича, Рабиновича, или “Желтого кантора”, Вайнхауса из Лиды, Элайзера Рабиновича, Моше Брука из Новогрудка, Элияху Бусла из Дятлово [18, с. 242]. Более 30 лет в

Вильно работал надкантор Абрахам Моше Бернштейн, который кроме исполнения своих функциональных обязанностей, занимался издательской деятельностью и изучением еврейского фольклора. Были изданы три его сборника синагогальных произведений и молитв, а после смерти была издана в 1937 г. его работа “Диариуш музыкальный”. Надкантор из Вильно Мордехай Хершман часто приглашался проводить службы в варшавской синагоге имени Ножиков. Также он давал концерты светской музыки, во время которых исполнял еврейские народные песни [17, с. 142].

Религиозные иудейские гимны по мере материальных возможностей содержали кантора и хор, что считалось признаком престижа общины. Так, брестская иудейская гмина до 1939 г. лишь приглашала кантора на праздники и особые службы в Большую синагогу за 200 злотых в год [19, л. 143]. В 1938 г. гмина потратила на хор 400 злотых, на кантора – 900 злотых в год [20, л. 5]. 1 июля 1939 г. были найдены средства взять на работу постоянного кантора М. Медовского с оплатой 110 злотых в месяц и руководителя хора (20 человек) М. Зыскинда с оплатой 150 злотых в месяц [21, л. 7], но политические события 1939 г. помешали их работе.

В Польском государстве прославились организаторы и руководители хоров, знаменитые музыканты и певцы: Лео Лиов, Моше Шнеур, Изразль Файвышыс, Якуб Гладштейн, Абрахам Слип, Абрахам Цви Давидович и др. [17, с. 143].

Религиозная музыкальная практика, признанная раввинами, не была ограничена только литургической практикой. На праздниках по поводу таких случаев как обрезание, свадьба или Пурим, музыка не только допускалась, но и была предписана. Учитывая общий характер равнинистических указаний, у музыкантов открывались достаточно большие возможности. Способ, которым они могли воспользоваться для реализации своих намерений, зависел от вкуса, ресурсов, музыкальной образованности и исполнительского опыта, что и обусловило возникновение феномена “Art music” (авторской, композиторской музыкальной традиции) в рамках синагоги или за ее пределами. Исполнение музыки, сочиненной “по случаю”, происходило на “специальные шаббаты”, например Шаббат Нахаму, празднование свадьбы или обрезания, праздники Шавуот, Симхат Тора, Хошана Раба, а также на ежегодные праздники общины (Посвящение синагоге или Свитку Торы). Иногда мелодии из подобных произведений переходили в устную форму бытования, закреплялись в общине, приобретали статус анонимной традиционной мелодии [14, с. 293–294].

Что касается молитв, произносимых дома, то о них практически ничего не известно. Классификации для таких молитв, чтения священных текстов, например, в Талмуд Торе, нет. На-

циональная бытовая музыка была представлена аспектами религиозной, ритуальной или народной музыки, характеризовалась консерватизмом [13, с. 3].

На стыке сакральной и народной музыки существовала музыка хасидов, религиозного мистического направления в иудаизме, количество приверженцев которого на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. было значимым. Основатель хасидизма Баал Шем Тов утверждал, что «музыка поднимает настроение, дает радость». Один из руководителей хасидизма Нахман Браславер называл пение «дорогой к Богу». Молитвенная практика хасидов сопровождалась характерным пением без слов, мелодиями (нигунами).

При дворах цадиков, харизматических предводителей хасидов, оформились различные модели музыки. Характерной чертой этой музыки являлось заимствование фрагментов молитв, текстов литургических (Псалмы, Песнь Песней, Книги Пророков) в сочетании с типично еврейскими мотивами, в результате чего они напоминали популярные марши, польки и др. Часто в музыке хасидов появлялись славянские мотивы. Над музыкой инструментальной доминировало коллективное пение, временами без слов, но обязательно эмоциональное и даже забавное. Часто использовали тексты библейские, молитвенные, древнееврейские, иногда припевки на идише и иврите, а также белорусском и польском языках. Популярными были песни застольные, эйфоричные, радостные, полные оптимизма. У хасидов не существовало разделения пения литургического и синагогального, не использовались приглашенные канторы или канторский стиль [17, с. 119–121]. В целом, музыка хасидов оценивалась польскими властями как оптимистическая, радостная, а их самих зачастую называли «танцующими радостными евреями» [22, л. 8].

Основными носителями народной музыки светской культуры были клезмеры, а в межвоенный период на западнорусских землях в штетлах наблюдался расцвет клезмерского искусства. Из различных источников известны имена следующих клезмеров: Гродно – Реувен Вигдорович (скрипка), Яков Мительмаер, Скидельский (скрипка); Новогрудок – Озер (скрипка), Феликс и Мечислав Каган (скрипка), Арчик (скрипка), Шимон (скрипка); Сопоткин – Рифка (скрипка), Меер Барановский (кларнет); Лида – Хайкл Вишневский (скрипка), Давид Гинзбург (скрипка), Ноах, Даше, Янкель Рентовичи (скрипка); Кореличи – Моллер (скрипка), Винер (флейта), Мойша Гершиновский, Борух Зелкович (кларнет), Ключко, Давид Слуцкий, Реувен Бегин; Василишки – Янкель Коссак (кларнет), Мойша Коссак (труба), Нишек Коссак (баритон), Шлёма Долинский (скрипка) [18, с. 244–245].

Основной функцией ансамблей было сопровождение еврейской свадьбы. В штетлах и го-

родах функционировали клезмерские ансамбли, которые обслуживали общины; их деятельность регламентировалась Торой и Талмудом. В клезмерскую капеллу входили скрипка, кларнет, бас, бубен или барабан; по другой версии – кларнет, труба, одна или две скрипки, контрабас. Состав капелл на протяжении веков постоянно менялся, в них могли входить скрипка, альт, виолончель, контрабас, кларнет, флейта, труба, тромбон, валторна, барабан. Самым любимым инструментом оставалась скрипка. На свадьбах первый скрипач, руководитель клезмерской капеллы, выступал как солист с темами для вариаций традиционных белорусских народных мелодий для молодоженов, родителей невесты, гостей и специальной мелодией «до столу»; а танцевальные мелодии выполняла вся капелла под его руководством. В свадебном обряде можно выделить два принципиальных момента: 1) центральная, доминирующая роль отведена инструментальной музыке, а музыкант здесь – всегда профессионал; 2) не звучит не только женское пение, но и пение совместное – женщин и мужчин. Песни как этот жанр понимаются сегодня фольклористами, в еврейском свадебном обряде отсутствуют.

Музыканты принимали участие практически во всех эпизодах свадебной церемонии. В еврейской свадьбе: могли передавать приглашение на свадьбу, играть и на «пиру нищих», и в канун свадьбы – в домах жениха и невесты на *khosn-mol* (мальчишнике) и *meudn-mol* (девишнике). День хупы (свадьбы) начинался звуками клезмерской капеллы: музыканты (иногда вместе с бадхеном) приходили к дому жениха и невесты и исполняли пьесы-приветствия «*Dobriden*». Одним из центральных моментов становилось усаживание невесты. Многие инструментальные эпизоды свадебного обряда связаны с движением, перемещением: выезд навстречу поезду жениха, шествие под хупу («*Tsu der khupe*») и от хупы («*Fun der khupe*»), приглашение к столу («*Tsum tish*»), отъезд новобрачных («*Zayt gezunt*»), проводы гостей («*Dobranoch*») и сопровождение их до дома («*Gas-nign*»).

В пятницу вечером мехутоним посылали клезмеров и бадхена к близким друзьям, родственникам и друзьям сыграть «Каболес-шабес». При приходе в один из домов, бадхен объявлял, в честь кого исполняется «Каболес-шабес», а клезмеры играли марш. В свою очередь клезмеры получали угощение и деньги. Этот обычай считался оригинальным приглашением на хасене. Не посылка клезмеров и бадхена к кому-либо из знакомых и родственников для исполнения «Каболес-шабес» считалась большим оскорблением. Оскорбленные в таких случаях не приходили на свадьбу [23, с. 338–356].

Музыканты были как бы за пределами обычных социальных правил. У евреев бадхен

и клезмеры – единственные мужчины, которые присутствовали на *bazetsns*. Обряд состоял из следующих элементов: усаживание невесты на квашне или на стуле, расплетание волос, заплетенных в этот день в мелкие косы, срезание волос и оплакивание девичьей жизни. Другим свидетельством особого статуса музыкантов является их помещение во время свадебного пира таким образом, что они могут видеть как мужскую, так и женскую половину свадебного зала.

Хупа является пиком, переломом всего обряда свадьбы. Музыка, звучащая во время обручения, имеет очень четкую структуру. Во время хупы исполнялись непосредственно одна за другой медленная часть музыкального произведения и – после обручения, сразу после того как разбивался стакан, – живой, яркий энергичный танец. Во всех других моментах свадьбы эти жанры существуют отдельно. Такой тип произведений сформировался, скорее всего, в творчестве бродерзингеров и в раннем идишском театре.

Еврейская свадьба в первую очередь – инструментальна. Музыка, звучавшая в ключевые моменты свадьбы, выполняла обрядовые функции и не считалась увеселением. Но в еврейской свадьбе при исключительно высокой роли инструментальной музыки, присутствует и вокальное начало. Если точнее, ряд эпизодов проводится с участием голоса. Причем это ключевые, центральные эпизоды обряда. В церемониях хупы и *базецнс* соединяются речитация или *кантилляция* и инструментальная музыка. При этом в обоих случаях не происходит их смешения: импровизации *бадхена* или интонирование раввином или кантором *псалмов*, чтение раввином *благословений* (“*sheva brokhes*”) не совмещаются с игрой музыкантов, а чередуются с ней.

После хупы и поднесения подарков, во время свадебного пира, *бадхен* развлекал молодых и гостей. Именно в этой части свадьбы могли, помимо шуток, анекдотов, розыгрышей, загадок, звучать и песни – любые, самого разного содержания. Это были неприуроченные песни, и их исполнял один человек, а все остальные – слушали.

В свадебном обряде существовали разные по времени возникновения фольклорные жанры. Значительную часть инструментального репертуара составляли заимствования (особенно это касается танцев). В еврейской традиции звучали и карагод, и полька, и кадрили, и лансье, и рондо.

Практически все обрядовые ситуации в еврейской традиции строились на модели, которая предполагает разделение на исполнителя и аудиторию. Здесь доминирует сфера наррации, куда исследователь относит также “описательную импровизацию солистов”. Для большинства присутствующих участием становится активное слушание, нередко – оценка услышанного, ре-

акция на него, его последующее обсуждение. Такими моментами становятся предсвадебное экзаменование жениха, его вызов к *Торе*, а во время самой свадьбы – усаживание невесты, речь жениха (или чтение наставлений для него *бадхеном*), благославления под хупой, характеристика – представление гостей *бадхеном* и увеселение им народа во время пира, включающее также и пение [15, с. 414–418].

Можно выделить три репертуара клезмеров: 1) собственные фантазии, импровизации; 2) мелодии нееврейского происхождения, в основном белорусские и польские; 3) еврейские народные и религиозные песни. Наиболее популярными у клезмеров были танцы “Хора”, “Сирба”, “Шер”, которые танцуются не индивидуально, а в кругу.

Инструментальная музыка сопровождала такие праздники, как *Пурим*, *Ханукка*, *Рош ХаШана*, *Песах*. Например, на праздник *Пурим*, принято было разыгрывать шуточные театрализованные представления – *пуримшпили* [24, с. 19–53].

Заклучение

Музыкальная культура евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) – оригинальная национальная культура, обогащенная приобретениями полиэтнического окружения. Музыкальное искусство евреев являлось понятием сложным, составным. В 1921–1939 гг. наиболее целесообразно рассматривать музыкальную культуру евреев в следующих формах: музыка *сакральная*, искусство канторов, музыка *хасидов*, фольклор, светская музыка. В основе музыки евреев Западной Беларуси 1921–1939 гг. лежала музыка религиозно-синагогальная и фольклор. Если ранее музыкальная культура евреев Западной Беларуси рассматривалась только в двух формах – вокальной (синагогальное пение, искусство канторов, бытовое пение) и инструментальной (искусство клезмеров), которые не соприкасались, то в 1921–1939 гг. необходимо отметить ряд нововведений, которые изменили форму. Широкое распространение в синагогах органов, хоров, приглашенных канторов и руководителей хоров, заимствование интонаций и мотивов – все это сделало сакральную музыку культуру более открытой. Стали создаваться музыкальные композиции, стиль которых был почти полностью сориентирован на западноевропейскую музыку, хотя их тексты писались на иврите и идише – в виде цитат канонических еврейских текстов либо в свободной поэтической версии. Синагогальная музыка впитала черты светской европейской культуры и тем самым обогатилась. В целом, еврейская традиционная культура перестала быть закрытой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Суворов, А.* Культурная жизнь еврейского населения Бреста в межвоенный период /

- А. Суворов, А. Никонев // Евреи Беларуси: история и культура ; Израил. культ.-информ. центр ; Открытый университет Израила в Беларуси. – Минск, 1997. – Ч. 1. – С. 65–68.
2. Заявления и сообщения общественных организаций о проведении лекций и др. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. р-2. Оп. 1. Д. 385.
 3. Сведения о составе и деятельности еврейской социал-демократической рабочей партии в Бресте над Бугом // ГАБО. – Ф. р-93. Оп. 1. Д. 1607.
 4. Сведения о деятельности еврейской национально-религиозной гмины в Домачево и список членов управления указанной гмины // ГАБО. – Ф. 16 с/р-93. Оп. 1. Д. 1621.
 5. **Войтешик, А. С.** Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. С. Войтешик. – Гродно, 2013. – 203 с.
 6. Список учреждений и предприятий с указанием их местонахождения в г. Бресте // ГАБО. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 3079.
 7. У Беларускай драматычнай майстроўні // Змаганне. – 1924. – № 3. – 6 студзеня.
 8. Документы о деятельности еврейских начальных и частных школ Гродненского повета (14 января – 28 декабря 1926 г.) // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 56. Оп. 1. Д. 37.
 9. Отчет дирекции начальной еврейской школы “Явнее” в местечке Берёза-Картузская об организации учебы за 1932/1933 уч.г. // ГАБО. – Ф. 310. Оп. 1. Д. 121.
 10. Отчеты директоров частных школ общего обучения об организации учебы в их школах на 1932–1933 уч. г. (21 сентября 1932 г. – 6 октября 1937 г.) // ГАБО. – Ф. р-59. Оп. 2. Д. 664.
 11. **Żytka, M.** Psalmista – Klezmerzy – 3000 lat muzyki żydowskiej / M. Żytka // Po żydowsku... Tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze. Pod red. D. Kalinowskiego. – Słupsk, 2005. – 255 s.
 12. Żydzi w Polsce. Dzieje i kultura. Leksykon / red. J. Tomaszewski, A. Żbikowski. – Warszawa : Wydawnictwo Cyklady, 2001. – 572 s.
 13. **Сабанеев, Л.** Еврейская национальная школа в музыке / Л. Сабанеев. – Москва : Издательство общества еврейской музыки, 1924. – 33 с.
 14. **Халево, Т.** Феномен музыкального иудеобарокко: европеизация синагогальной музыки в Западной Европе в XVII – первой половине XVIII вв. / Т. Халево // Тирош – труды по иудаике. Вып. 13. – Москва : Серия “Judaica Rossica”, 2013. – С. 133–142.
 15. **Хаздан, Е.** Музыка ашкеназской свадьбы: сфера голоса / Е. Хаздан // Научные труды по иудаике : материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике : в 2 т. – Т. 1 : Академическая серия. Выпуск 45. – Москва : Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах “Сефер”, 2013. – С. 409–421.
 16. **Klugman, A.** Żyd – co to znaczy? / A. Klugman. – Warszawa : Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2003. – 223 s.
 17. **Fuks, M.** Chóry żydowskie i kantorzy w Polsce / M. Fuks // Kalendarz żydowski – almanach. 1989–1990. – Warszawa : Zakład Poligraf. Agpol. – S. 140–148.
 18. **Вашкевич, Т. А.** Еврейские музыкальные традиции в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX веков / Т. А. Вашкевич // Актуальные проблемы мировой художественной культуры [редкол.: Т. Г. Барановская (гл. ред.) и др.]. – Гродно : Издательство ГрГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 244–245.
 19. Бюджет брестской еврейской гмины за 1933 г. и заявления ее жителей об отсрочке и уменьшении налогов (8 июня – 14 ноября 1933 г.) // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2296.
 20. Проект бюджета гмины на 1938 г. // ГАБО. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 10.
 21. Объяснительная записка к бюджету брестской еврейской гмины на 1939 г. // ГАБО. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 15.
 22. Переписка с поветовыми старостами, городскими магистратами и др. об утверждении планов на постройку синагог и молелен, о выборе членов управления гмин и др., с приложением списков парафий и синагог // ГАБО. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2390.
 23. **Хаздан, Е.** Музыка и музыканты в еврейской и белорусской свадьбе / Е. Хаздан // “Старое” и “новое” в славянской и еврейской культурной традиции : сборник статей / отв. ред. О. В. Белова. Академическая серия. Выпуск 39. – Москва : Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах “Сефер” ; Институт славяноведения Российской Академии наук, 2012. – С. 338–356.
 24. **Gal – Ed, E.** Księga świąt żydowskich / E. Gal – Ed. – Warszawa : Wydawnictwo Cyklady, 2005. – 317 s.
- Поступила в редакцию 29.10.2014 г.
 Контакты: irisha7474@mail.ru
 (Вавренюк Ирина Ильинична)
- Vavrenyuk I. I. JEWISH MUSICAL ART IN WEST BELARUS (1921–1939).**
Jewish musical art is a complex phenomenon consisting of several constantly changing directions. On the basis of the analysis of various sources the development of the Jewish musical culture in West Belarus (1921–1939) is traced, the innovations of the period and the traits of the music culture are outlined.
Key words: Jewish music, synagogue music, cantor, klezmer music, Hasidic music.

УДК 904:72

**ПРИХОДНО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ
МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ
КЕРАМИКИ ГОРОДА МОГИЛЕВА**

Н. П. Шуткова

аспирант, Институт истории НАН Беларуси

В данной статье рассматриваются выпуски ИЮМов, содержащие приходно-расходные книги города Могилева, являющиеся ценным источником для изучения архитектурно-строительной керамики последней четверти XVII в. – первого десятилетия XVIII в. Большинство записей о кирпиче, черепице и изразцах связаны с расходами по проведению строительных или ремонтных работ, которые выполняли мастера и поденщики. Сохранились записи с именами продавцов производителей. Выделена такая категория как “Услуги”. Отдельным подразделом рассмотрены изразцовые печи.

Ключевые слова: кирпич, черепица, изразцы, изразцовая печь, приходно-расходные книги, стоимость, услуги, магистрат, Могилев.

Введение

Приходно-расходные книги города Могилева не раз становились объектом изучения, поскольку они являются очень ценным сохранившимся источником по истории города второй половины XVII – начала XVIII в. Общая характеристика и структура серийного издания ИЮМов была дана в работе Н.Н. Улащика “Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода” (1973 г.) [1, 170–202]. Публикация приходно-расходных книг города Могилева началась на страницах издания “Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном витебском архиве” (далее: ИЮМ) в 1871 г. [2, с. 1]. Витебский архивариус А.М. Сазонов стал инициатором издания ИЮМов. После его смерти должность архивариуса занял М.П. Веревкин. Последние тома издания редактировал Д.И. Довгяло. Опубликованные актовые документы могилевского магистрата содержат ценные сведения по материальной культуре города, в том числе и по архитектурно-строительной керамике Могилева [3, с. 1; 4, с. 1–49; 5, с. 1–60; 6, с. 1–49; 7, с. 1–38; 8, с. 4; 9, с. 35; 10, с. 46–55; 11, с. 36–37; 12, с. XI–XII]. Всего вышло 32 тома ИЮМов [1, с. 110]. Приходно-расходные книги города Могилева, изданные в составе ИЮМов, охватывают период с 1679 г. по 1716 г.

Материалы из приходно-расходных книг города Могилева были использованы в работах В.Н. Рябцевича, Ш.И. Бектинеева, И.А. Марзалюка, О.А. Трусова, И. Колобовой при рассмот-

рении таких аспектов из повседневной жизни горожан, как материальная культура, топографическое расположение разных категорий горожан и их занятия, рыночные цены на товары и услуги, денежная система и питание в Могилеве в данный период [13, с. 76–84; 14, с. 29, 30, 40, 43, 44, 45, 46, 49, 50, 52, 67, 125, 126, 128, 129, 141, 142, 143; 15, с. 68–72; 16, с. 46; 17, с. 54–81; 18, с. 230–237].

В нашем исследовании обращено внимание на изучение записей, связанных с архитектурно-строительной керамикой. Среди архитектурно-строительных керамических изделий в приходно-расходных книгах города Могилева встречаются такие названия как “цецгала” (кирпич), “даховка” (черепица), “кафля” (изразец) [19, с. 268; 20, с. 4].

Цель данной статьи: комплексный анализ архитектурно-строительной керамики, как важной составляющей городской материальной культуры того времени. В тексте обобщены данные, имеющиеся в приходно-расходных книгах магдебургского Могилева для каждого из этих видов архитектурно-строительной керамики. Информация об изразцовых печах будет рассматриваться в отдельном подразделе данной статьи.

Основная часть

Черепица

Черепица – керамическая плитка, которая служила для покрытия крыш зданий. Декоративная черепица использовалась также для покрытия печей [21, с. 294; 19, с. 268]. Здания, покрытые черепицей, в большинстве случаев были каменными. Поэтому сведения о черепице позволяют судить о строительстве и ремонте магистратом каменных построек города Могилева.

В приходно-расходных книгах записи о расходах на черепицу встречаются за 1681, 1682, 1688, 1690, 1691, 1692, 1695, 1697 и 1698 гг. [22, с. 186, 271; 23, с. 126–127; 24, с. 235, 240–241; 25, с. 145; 26, с. 161; 27, с. 159, 161; 28, с. 115; 29, с. 115]. Большинство записей содержат информацию о проведении строительных или ремонтных работ, для которых и покупали черепицу. Например, в 1681 г. было закуплено 30,9 тыс. штук черепицы для накрытия крыши ратуши [22, с. 186]; в 1682 г. – 45 штук для накрытия окна в ратуше [22, с. 271]. Ремонтные работы в зависимости от их сложности требовали разное количество мастеров, сроки выполнения тоже были разные. В 1688 г. на протяжении 5 дней велись работы по ремонту крыши ратуши “даховкою дирки напрововали” [23, с. 126–127]. Для проведения этих работ были наняты два “муляра” (“муляр”, мураль, мурар) – рабочий, который строит что-нибудь из камня или кирпича, этой же лексемой в старобелорусском языке обозначался печник [30, с. 224]) и на каждый день в помощь им нанимали от одного до трех

поденщиков. Оплата труда осуществлялась следующим образом: мастер получал за день работы 1 золотой, а поденщик – 18 осьмаков. Разница в оплате труда, таким образом, квалифицированного мастера и чернорабочего отличалась почти в 1,7 раза. Необходимо отметить, что и мастерам, и поденщикам еще дополнительно давали деньги “на пироги”.

Из записей приходно-расходных книг также следует, что изготовлением черепицы занимались гончары. Сохранились и некоторые имена с указанием на то, что это именно гончар, например, *Ананія* (1690 г.), *Гаврила* (1692 г.) [24, с. 241; 26, с. 16]. Но есть и имена (*Гавърыл и Иван, Сидор Сапронович* (1690 г.), *Гаврила Муляр, Дмитро Федкович, Анани* (1691 г.), *сын Акулин* (1692 г.)) без конкретного отнесения к гончарам, записи указывают лишь на то, у кого черепица была куплена [24, с. 240–241; 25, с. 78, 122, 145; 26, с. 161]

Интересен тот факт, что “отбирание” черепицы осуществлялось из горнов (1690 г.) [24, с. 241]. Это свидетельствует о местном могилевском производстве. Причем, из одного горна за несколько раз “отбирания” вывозили разное количество черепицы. По данным за 1690 г. из одного горна первый раз вывезли 1300 единиц черепицы, второй раз – 900 единиц [24, с. 241]. Таким образом, горн могли загружать разным количеством черепицы, в зависимости от того, какое количество единиц требовалось на ремонт или строительство здания.

Цены на черепицу варьировались не только в разные годы, но есть разные цены на нее в один и тот же год. Стоимость черепицы в 1681 г. составляла 15 золотых за тысячу [22, с. 186], в 1682 г. за 45 штук был уплачен 1 злотый [22, с. 271], в 1690 г. тысяча черепицы стоила 10 золотых [24, с. 241], для 1691 г. имеется две цифры – 10 и 7,5 золотых за тысячу [25, с. 122, 145], для 1692 г. тоже две цифры – 10 и 9 золотых за тысячу [26, с. 160, 161], в 1695 г. тысяча стоила 9 злотых [27, с. 161], а в 1698 г. – уже 15 злотых за тысячу [29, с. 186]. Анализируя эти цифры можно условно говорить о том, что стоимость за тысячу штук снижалась на протяжении 90-х гг. XVII в. С 1698 г. вновь наблюдается рост цен на данный вид архитектурно-строительной керамики, что связано с увеличением масштабов каменного строительства в городе.

Стоимость за тысячу кирпичей и тысячу черепицы была примерно одинакова. Если сравнивать стоимость черепицы с другими товарами, то в 1690 г. на 10 золотых можно было купить 10 мешков хмеля для пива, или 100 ушатков кваса, или 60 горшков для патоки [24, с. 28, 30, 32],

В приходно-расходных книгах нет указаний на саму форму черепицы. В XVII в. наибольшее распространение имела черепица плоской формы (одна сторона которой была прямоугольной, другая – закругленной), что подтверждается на-

ходками, полученными во время археологических раскопок ратуши [31, с. 369; 32, с. 50]. Поэтому, возможно, это была стоимость именно такого вида черепицы. Нужно учитывать и тот факт, что есть находки коньковой черепицы, относящейся к этому времени, в конце XVII в. в обиход начинает входить волнистая черепица (голландская) [32, с. 50].

В приходно-расходных книгах есть сведения, которые условно можно отнести к такой категории как услуги по транспортировке, охране, учету и проведению ремонтных и строительных работ, которые оплачивались магистратом [25, с. 78; 27, с. 161; 24, с. 241; 28, с. 115].

Таким образом, у нас есть данные не только о стоимости данного вида архитектурно-строительной керамики, но и сведения о ее изготовлении в горнах мастерами, стоимость услуг по транспортировке, подсчету, ремонту и покрытию крыш черепицей.

Кирпич

Кирпич – искусственный строительный материал из глины или другого минерального сырья в виде брусков разнообразной формы [33, с. 390].

В приходно-расходных книгах о кирпиче, как строительном материале, имеется больше информации чем о черепице или изразцах. Кирпич использовали как при строительстве или ремонте каменных зданий (ратуша, брамы, каменницы), так и при возведении печей, что не могло не найти отражение в тех расходах, которые магистрат тратил на его покупку.

Рассматривая динамику строительных и ремонтных работ с использованием кирпича, можно отметить несколько интересных фактов. Максимальный пик активности всех строительных и ремонтных работ падает на июнь [34, с. 42, 73; 35, с. 91; 23, с. 58, 65, 112, 113; 24, с. 9; 27, с. 147, 160, 169; 29, с. 120], июль [22, с. 257; 36, с. 151; 24, с. 10, 224, 227; 25, с. 178, 179; 29, с. 111] и август [37, с. 177; 23, с. 113–115; 36, с. 152; 24, с. 238, 240; 26, с. 134–136; 28, с. 105] месяцы. Часто работы проводились в марте [36, с. 53; 27, с. 47] и ноябре [26, с. 112; 28, с. 135, 127; 15, с. 92]. В зимние месяцы все работы проходили внутри помещений [25, с. 134, 147; 28, с. 36; 38, с. 35].

Стоимость кирпича могла варьироваться не только по годам, но и на протяжении года. Это можно объяснить тем, что разные виды кирпичей стоили по-разному. В тексте приходно-расходных книг упоминаются следующие виды кирпичей: кирпич “*осовитый*” т. е. двойной (1686 г., 1690 г., 1695 г., 1697 г.) [39, с. 40; 37, с. 177; 23, с. 238; 27, с. 160; 28, с. 14]; “*цегла малая*” (1686 г.) [37, с. 177]; “*цегла грубая*” (1695 г.) [33, с. 169–171].

В приходно-расходной книге за 1686 г. есть указание на то, чтобы “*печь зробиць сь цеглаю*” нанимали ремесленников гончаров [37, с. 185].

Приходно-расходные книги содержат имена тех, у кого кирпич покупали: *Астап Свиста*, (1685 г.) [35, с. 91], *Васка Мамяка*, *Алексей Астапович Свинста*, *Клишка Тymoфеевич Момяка*, *у пана войта из горна Кондрата Свинсты*, *Иван Москаль*, *Федор Костинич* (1689 г.) [36, с. 151–152].

Обжиг кирпича осуществлялся в местных горнах. Из записей по *“отбиранию”* кирпича из горнов можно получить информацию о количестве горнов, количестве взятых из них кирпичей и их цене. У *Клишки Мотяки* (4 горна), у *Маскалева зятя* (1 горн), у *пана Яна Хомича* (2 горна), у *Свинты* (1 горн), у *Андрея Момяки* (2 горна), у *Артема Чулка* (3 горна), у *Кости* (2 горна), у *Ананию Юрковича* (1 горн) (1688 г.) [23, с. 113–116]; у *Клишки Мамяки* (2 горна), у *Васка Мамяки* (2 горна; есть указание, что Клишка является его братом), у *Артема Чулка* (3 горна), у *Свинсты Алексея Астаповича*, у *Андрея Николаевича Шалудка*, у *Ивана Мокаля* (1690 г.) [24, с. 238–239]. Максимальное количество горнов отмечается на 1688 г. у *Клишки Мотяки* – 4. Как свидетельствуют источники в последней четверти XVII в. в Могилеве было от 10 до 17 горнов. Их численность колеблется в зависимости от года. Цифры по количеству кирпичей, взятых из разных горнов, варьируются за 1688–1689 гг. от 2,3 до 9 тысяч. В большинстве случаев из одного горна *“отбирали”* более 5 тысяч единиц [24, с. 238–240]. Такую вариацию в цифрах можно объяснить размерами горнов, в которых обжиг осуществлялся. Наличие такого количества горнов свидетельствует о значительном каменном строительстве в Могилеве в конце XVII в.

Условно можно выделить следующие виды услуг по работе с кирпичом, которые оплачивались магистратом:

- транспортировка [11, с. 188; 25, с. 147; 34, с. 42; 23, с. 116; 36, с. 152; 24, с. 240; 25, с. 178; 26, с. 134; 27, с. 147, 160; 28, с. 36, 105; 29, с. 111–112, 120, 123, 125; 38, с. 35, 63; 23, с. 65];
- переборка [22, с. 18; 36, с. 53];
- *“футроване”* печи кирпичом [22, с. 191];
- установка навеса (*“повети”*) над кирпичом [23, с. 58];
- подсчет и охрана (*“доглядане”*) кирпича [23, с. 112, 114–116; 24, с. 227–228];
- *“вымощенне светлицы цекглюю”* [27, с. 47].

Таким образом, кирпич являлся важным материалом, без которого ни одни строительные или ремонтные работы, проводимые магистратом, не обходились. Кирпич шел на строительство и ремонт ратуши, брам, каменниц (например, Путьятиной) и печей разных видов. На страницах ИЮМов можно найти информацию не только о стоимости кирпичей и именах мастеров, но и более подробно, чем для черепицы и изразцов, описаны услуги или работы с кирпичом. Магистрат платил за транспортировку, подсчет и присмотр, *“футроване”* и перебирание

кирпича. Кирпич использовался не только для возведения стен зданий и печей. Его использовали и при мощении пола [27, с. 47].

Изразцы

Изразец – изделие из керамики для облицовки и декоративного украшения печи [40, с. 430].

На страницах приходно-расходных книг г. Могилева можно найти упоминание следующих видов изразцов: *“кафли белые”*, *“кафли помалеванные”* (1682 г.) [22, с. 284–285]; *“кафли зеленые”*, *“кафли белые”* (1686 г.) [37, с. 237]; *“поливанные белые”* (1691 г.) [25, с. 134]; *“кафли великие”*, *“кафли зеленые”*, *“кафли покощанные”* (т. е. глазурованные) [41, с. 83], *“белые кахли”* (1692 г.) [26, с. 34, 39, 156]; *“кафли покощанные”*, *“кафли поливанные”*, *“кафли поливанные зеленые”* (1695 г.) [27, с. 47, 183]; *“кафли покощанные”* (1697 г.) [28, с. 31–32]; *“кахли белые”* (1699 г.) [38, с. 143].

Изразцы, в отличие от кирпича и черепицы, закупали небольшими количествами для постройки новых печей или ремонта старых. Соответственно продавали их поштучно. Цены за единицу отличались по годам. Всегда шло указание на размер или цвет изразцов, в отношении вида (стенной, коронка, поясок, балясина и др.) используемого изразца записи единичны. Только в расходах за 1689 г. встречается слово *“корунки”* [36, с. 49]. *“Гістарычны слоўнік беларускай мовы”* дает определение *“корунка”* – коронка. Коронка – верхняя часть изразцовой печи, предназначенная для ее украшения [42, с. 27].

Есть и имена тех, кому платили за изразцы: *Апанасу “мурару”* (1680 г.) [5, с. 114], *Афанасу* (1681 г.) [22, с. 187], *Федору Юрковичу* (1682 г.) [5, с. 284], *Федору муралю* (1684 г.) [34, с. 153], *Ананию гончару*, *Будаку* (1692 г.) [26, с. 148, 156].

Необходимо отметить, что *“направованем”* печи, вставлением изразцов, занимались гончары, например, гончар *Васка Недосека* (1691 г.) [25, с. 65].

Условно можно выделить следующие виды услуг по работе с изразцами, которые оплачивались магистратом:

- транспортировка [22, с. 190; 26, с. 98];
- ремонтные работы, связанные с установкой новых и заменой старых или испорченных изразцов [22, с. 226–227; 38, с. 143].

Изразцовая печь

Печь, как основной источник получения тепла в холодное время года, требовала соответственного присмотра. Старые печи ремонтировали и возводили новые. Занимались этими работами в основном гончары, есть упоминания о мастерах, специализировавшихся только на изготовлении печей – *“печурах”* и о *“муралях”* [22, с. 196, 290; 35, с. 136; 37, с. 177–179; 23, с. 28]. На страницах приходно-расходных книг можно найти следующие имена мастеров: *Яков* (1681) [22, с. 191], *Мамята*, *мастер Федор*, *Васка*

(1682 г.) [22, с. 265, 284, 290]; *Андрей* (1683 г.) [34, с. 57]; *гончар Федор* (1684 г.) [34, с. 155]; *Астап Свинста, печур Павел* (1685 г.) [35, с. 119, 136]; *муралы Павел и Васка, Леон Савинич* (1686 г.) [37, с. 177–179, 193–194]; *Мамяка, Павел* (1688 г.) [23, с. 27, 28]; *Мотята* (1689 г.) [36, с. 34]; *Савинич* (1690 г.) [24, с. 156]; *гончар Мамяка, гончар Васка Недосека, гончар Анания* (1691 г.) [25, с. 41, 65, 134]; *мастер Недосека, муляр Игнат* (1692 г.) [26, с. 34, 107]; *гончар Гришка Кнушт* (1695 г.) [27, с. 47]; *печуры Иван Федорович и Гришка* (1697 г.) [28, с. 31–32].

Печи отличались по своим размерам, о чем говорят такие описания, как печь *“большая”* (1681 г.), печь *“меньшая”* (1682 г.) [22, с. 187, 225]. В зависимости от размеров и форм печей, при их возведении использовалось разное количество изразцов. Так, 194 изразца *“белых”* были куплены для печи в *“светлице кабачной”* (1682 г.) [22, с. 284]; 30 изразцов *“до светелки дворнику на печь”* (1684 г.) [34, с. 153]; 75 изразцов на печь светличную в каменицы Путятиной (1691 г.) [25, с. 147]; 42 изразца *“зеленых”* понадобилось на печь новую *“въ ратушу старомъ, где мешкаетъ Васка Сердюкъ”*; на две печи понадобилось изразцов *“зеленых”* 196 штук, каждый по 7 шелегов, и изразцов *“белых”* 121 штука, каждый по 1 осьмаку (1692 г.) [26, с. 148, 155]; 143 изразца *“поливанныхъ зеліонныхъ”* на печь в *“квардыкгарды”*; 240 изразцов *“поливанныхъ зеліонныхъ”* на печь в *“каменицы”* (1695 г.) [27, с. 183, 185]; 45 изразцов *“покощаныхъ”* и 36 изразцов *“поливанныхъ”* на печь в канцелярии (1697 г.) [28, с. 31–32].

Количество кирпича, использовавшегося для возведения печи, тоже отличалось: на печь *“до турмы”* – 400 штук (за 100 – 1 золотой) (1682 г.) [22, с. 264]; на печь светличную в Любуже – 1000 штук (за все 12 золотых и 15 осьмаков) (1686 г.) [37, с. 237]; на *“печь у дому купецкомъ на горе”* – 300 штук (за 100 штук по золотому) (1699 г.) [38, с. 142]; на печь в ратуше – 260 штук (за 2 золотых и 20 осьмаков) (1700 г.) [43, с. 101].

Кроме кирпича и изразцов важными компонентами при возведении и ремонте печи были:

- глина, оплата за которую шла за воз [22, с. 187; 22, с. 284; 34, с. 54; 35, с. 118; 37, с. 194–195; 23, с. 27; 24, с. 156; 26, с. 98, 148; 28, с. 30; 29, с. 91–92];

- яйца, сурик или *“миний”*, *“лазор”*, использовавшиеся для *“фарбованя печей”*. (Миний – это название сурика [30, с. 56]. Сурик – минеральный краситель красно-оранжевого или красно-коричневого цвета [44, с. 86]). Единицей измерения при покупке миния или лазора были *“четверть”*, *“полфунта”*, *“фунт”* [22, с. 192; 22, с. 285; 37, с. 194–195; 36, с. 49; 25, с. 134–135; 43, с. 101; 9, с. 28; 29, с. 91–92]. Яйца покупались поштучно [22, с. 192; 22, с. 285; 37, с. 194–195; 23, с. 28];

- *“пруце железное”*, которое покупали в готовом виде или закупали железо и оплачивали

работу кузнеца [37, с. 237; 26, с. 125; 27, с. 185; 38, с. 142; 43, с. 101]; скорее всего *“пруце железное”* было необходимо для изготовления челесников;

- покупали готовые заслонки и челесники, а также лучины:

- за *“заслонку”* железную для печи в ратуше в канцелярии – 12 золотых (причем оплата шла за фунт железа – 20 осьмак) (1684 г.) [34, с. 151]; за *“заслонку”* деревянную – 7 осьмаков (1686 г.) [37, с. 239]; *“до печи заслону”* – 3 осьмака (1688 г.) [23, с. 108]; *“заслонки купили до печей две”* – 16 осьмаков (1691 г.) [25, с. 153]; за *“заслонку до печи”* – 6 осьмаков (1695 г.) [27, с. 21];

- *“лучины плашка на подтопу до печей”* – 2 осьмака (1688 г.) [23, с. 29]; *“лучины до подпаленя въ ратушу до печей”* – 17 осьмаков (1692 г.) [26, с. 32]; *“лучины до подпаленя печей у ратушу”* – 4 осьмака (1695 г.) [27, с. 40];

- за челесники к печи – 12 осьмаков (1691 г.) [25, с. 148]; за *“челесникъ до печи избяной”* – 7 осьмаков (1692 г.) [26, с. 159].

Интересны сведения о минеи, сурике и яйцах, которые использовали для *“фарбованя”* печи. В источниках нет описаний, как осуществлялся процесс *“фарбованя”*. Сами необходимые ингредиенты закупались отдельно, либо с небольшим количеством изразцов. Отсюда можно предположить, что *“фарбовали”* не всю печь, а только подкрашивали места ремонта для более эстетического вида. Особенно это было актуально для печей из терракотовых изразцов.

Благодаря изучению источников можно проследить основные этапы строительства и ухода за печью. Первый этап был связан с подготовительными работами, которые включали подвоз и топтание глины для печи [22, с. 225; 34, с. 152; 25, с. 147; 25, с. 134–135]. Этот этап также включал закупку всех необходимых материалов для возведения печи и найм мастеров и поденщиков для проведения всех работ. На второй этап припадает строительство печи [14, с. 31–32; 22, с. 191, 201, 290, 226, 264, 265, 284; 27, с. 119; 35, с. 136; 37, с. 117, 194–195, 237; 23, с. 28; 24, с. 156; 25, с. 65; 28, с. 32; 38, с. 35, 143; 37, с. 177–179; 45, с. 96].

За 1686 г. есть сведения, которые наглядно показывают, как шли работы в Путятинской *“каменице”* по возведении *“печи новой и на примуроване верху светличнаго и комини”*. Для этого было закуплено кирпичей *“осовитых”* 500 штук, изразцов 2 копы и 8 штук, яйца и сурик для краски. Для работы были приглашены два мастера – Павел и Васка. При них работали два поденщика. Работы по *“направлению старой и наяржению новой комини светличной, и печь у коморце, и избную нарядили и зъ тылу засклепене”* заняли шесть дней [37, с. 177–179].

К третьему этапу можно отнести все работы, связанные с эксплуатацией печи, которые

включали ремонт и уход за ней [10, с. 34; 22, с. 72, 196; 25, с. 51; 28, с. 130, 138, 176; 34, с. 57; 35, с. 142; 36, с. 44; 37, с. 194–195; 23, с. 27, 108; 25, с. 41, 65, 147; 26, с. 34, 107, 121, 47, 185; 27, с. 41; 43, с. 16; 38, с. 38, 133, 143; 26, с. 97–98]. Уход за печью включал в себя топку, подготовку дров, мытье изразцовой печи. Оплата выдавалась за неделю работы и составляла около 1 золотого [25, с. 51; 28, с. 138].

Необходимо отметить тот факт, что магистрат осуществлял своего рода заботу о нанятых людях по уходу за печами. Об этом свидетельствуют следующие записи: *“деду старому Федору, што печи топить у ратушы, сермягу купили”* – 6 золотых (1690 г.) [24, с. 156]; *“Юрку, що въ печахъ ратушныхъ палиль недель пять, купили ему сермягу”* – 6 золотых и 15 осьмаков; *“Юрку, що въ печи палиль, ногу быть зламаль, дали ему на масть”* – 15 осьмаков (1692 г.) [26, с. 33, 37]; *“купили труну для померлого Ивана, который печи топиль въ Купецкомъ дому”* – 4 золотых и 15 осьмаков (1698 г.) [29, с. 70]; *“купили сторожу Ивану боты яловиче, за напалене печей у ратушу презъ зиму”* – 3 золотых и 10 осьмаков (1699 г.) [38, с. 28].

Заклучение

Выпуски ИЮМов, содержащие приходно-расходные книги города Могилева, являются ценным источником по изучению архитектурно-строительной керамики. Самые информативные из них – выпуски с первого по четырнадцатый. Последующие выпуски содержат мало сведений по рассматриваемой теме. Большинство записей о кирпиче, черепице, изразцах и изразцовых печах, связаны с расходами по проведению строительных или ремонтных работ. Обобщение всего массива записей позволят говорить о следующем:

- Стоимость изразцов, кирпича и черепицы варьировалась по годам и зависела от их вида. Для кирпича и черепицы стоимость в большинстве случаев указывалась за тысячу единиц, для изразцов – поштучно.
- В изготовлении изразцов, кирпичей и черепицы активное участие принимали гончары.
- Производство всех перечисленных видов архитектурно-строительной керамики является местным. Об этом свидетельствуют записи о наличии горнов, в которых шел обжиг, и откуда материалы поставляли на место строительства или ремонта.
- Приходно-расходные книги содержат имена мастеров, работавших с изразцами, кирпичом и черепицей.
- Записи из ИЮМов позволяют говорить о том, что в последней четверти XVII в. в Могилеве активно развивалось каменное строительство.
- В источниках прослеживается не только стоимость архитектурно-строительной керами-

ки города, но и технологические операции по их производству, имена мастеров, стоимость работ с этими материалами.

Источники позволяют охарактеризовать и процесс изготовления изразцовых печей. Все работы, связанные с их возведением и ремонтом, осуществляли гончары, “печуры” и “муралы”. Сохранились имена некоторых из них. Печи отличались своими размерами, о чем свидетельствует разное количество изразцов, которое шло на их возведение. Кроме кирпича и изразцов на страницах приходно-расходных книг есть сведения о таких важных компонентах в строительстве и ремонте печи как глина, яйца, сурик, “миний”, “лазор”, “пруце железное”, заслонки, челесники. Значительное внимание в приходно-расходных книгах уделено оплате работ, связанных с “направой” печи, “футрованем”, количеством использованной глины на печь, комплексом работ по ремонту или возведению печи, работами, относящимися к уходу за печами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белорусского феодального периода / Н. Н. Улащик. – Москва : Наука, 1973. – 302 с.
2. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцією архиваріуса сего архива Н. кн. Мещерского и М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правд., 1888. – Вып. 17. – 415 с.
3. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцією архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1884. – Вып. 15. – 528 с.
4. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцією архиваріуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1889. – Вып. 19. – 496 с.
5. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцією архиваріуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1890. – Вып. 20. – 512 с.
6. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцією и. д. архиваріуса

- сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1891. – Вып. 21. – 500 с.
7. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1891. – Вып. 22. – 501 с.
 8. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1892. – Вып. 23. – 512 с.
 9. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию и. д. архивариуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1893. – Вып. 24. – 516 с.
 10. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию и. д. архивариуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1894. – Вып. 25. – 508 с.
 11. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию и. д. архивариуса сего архива М. Веревкина). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1895. – Вып. 26. – 516 с.
 12. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию и. д. архивариуса сего архива Дм. 1в. Довгялло). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1899. – Вып. 27. – 461 с.
 13. **Колабава, І.** Рынкавыя кошты ў Магілёве другой паловы XVII – 70-х гг. XVIII стст. / І. Колабава // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў Трэцяй Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць” : у 2 ч. Ч. 1 / І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілёў, 2003. – С. 76–86.
 14. **Марзалюк, І. А.** Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / І. А. Марзалюк ; навук. рэд. Я. Р. Рыер. – Магілёў ; Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
 15. **Трусаў, А. А.** Магілёўская ратуша / А. А. Трусаў // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 68–80.
 16. **Гордеев, М. Ю.** “Осмак” в денежных системах Великого княжества Литовского XVI–XVIII вв. / М. Ю. Гордеев, Ш. И. Бектинеев // Наука и инновации. – № 8. – 2004. – С. 45–51.
 17. **Бектинеев, Ш. И.** Периодизация денежного обращения на территории Беларуси в IX–XVIII вв. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Інстытут гісторыі, 1957. – №15 : Археалогія эпохі сярэднявечча / [рэдкал.: П. Ф. Лысенка (галюны рэдактар) і інш.]. – 2008. – С. 54–81.
 18. **Рябцевич, В. Н.** Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 688 с.
 19. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 7 / пад рэд. А. І. Жураўскага, А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 303 с.
 20. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 15 : Катэ – коречный / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Беларуская навука, 1996. – 311 с.
 21. **Трусаў, А. А.** Дахоўка / А. А. Трусаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя ў двух тамах. – Т. 1. А–К. – Мінск, 2009. – С. 294.
 22. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871. – Вып. 1. – 377 с.
 23. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1874. – Вып. 5. – 416 с.
 24. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1876. – Вып. 7. – 511 с.
 25. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1877. – Вып. 8. – 530 с.
 26. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1878. – Вып. 9. – 546 с.
 27. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцию архивариуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1879. – Вып. 10. – 544 с.
 28. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в

- центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1880. – Вып. 11. – 534 с.
29. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1881. – Вып. 12. – 530 с.
30. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 18 : Местце – Надзавати / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 374 с.
31. **Трусов, О. А.** Раскопки Могилевской ратуши и Заславьского замка / О. А. Трусов // Археологические открытия 1979 г. – М., 1980. – С. 369–370.
32. **Трусаў, А.** Будаўнічая кераміка Магілёва XVII–XVIII стст. / А. Трусаў // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў Трэцяй Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць” : у 2 ч. Ч. 1 / І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілёў, 2003. – С. 47–50.
33. **Трусаў, А. А.** Цэгла / А. А. Трусаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя ў двух тамах. – Т. 2 : Л–Я. – Мінск, 2011. – С. 390–391.
34. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871. – Вып. 2. – 376 с.
35. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1872. – Вып. 3. – 444 с.
36. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1874. – Вып. 6. – 411 с.
37. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1873. – Вып. 4. – 432 с.
38. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1882. – Вып. 13. – 530 с.
39. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 32 : Смыковати – Струмень / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – 501 с.
40. **Трусаў, А. А.** Кафля / А. А. Трусаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя ў двух тамах. – Т. 1 : А–К. – Мінск, 2009. – С. 430–432.
41. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 26 : Позней – Поробтати / склад.: Т. І. Блізнюк [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – 444 с.
42. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 16 : Коржъ – Лесничанка / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 359 с.
43. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1883. – Вып. 14. – 528 с.
44. **Заяц, Ю. А.** Кафля и кафляныя печи / Ю. А. Заяц // Археалогія Беларусі : у 4 т. ; пад навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – С. 319–348.
45. ИЮМ (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подь редакцію архиваріуса сего архива Созонова). – Витебск : Тип. Губ. правл., 1885. – Вып. 16. – 510 с.
46. **Трусаў, А. А.** Манументальнае дойлідства Беларусі XI–XVIII стагоддзяў. Гісторыя будаўнічай тэхнікі. – Мінск, 2001. – 203 с.

Поступила в редакцию 14.11.2014 г.
Контакты: +375 29 744 05 20
(Шуткова Надежда Петровна)

Shutkova N.P. MOGILEV MAGISTRATE LEDGERS IN THE STUDY OF ARCHITECTURAL CERAMICS OF MOGILEV.

The article treats the issues of the account books of Mogilev which serve as a valuable source to study architectural pottery of the last quarter of the XVII century and the first decade of the XVIII century. Most notes of bricks, building tiles and Dutch tiles are associated with the expenditures for the construction or repair work carried out by masters and time workers. The recordings of the names of the salesmen and manufactures remain. Such category as services is pointed out. A separate section is devoted to tiled stoves.

Key words: bricks, roof tiles, stove tiles, tiled stove, account books, the cost of services, magistrate, Mogilev.

УДК 94(44) : 327 "1945/1949" : 355.355

**ФРАНЦУЗСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА В ГЕРМАНИИ
В 1945–1949 гг.**

Н. В. Величко,

кандидат исторических наук, доцент
ВГУ имени П. М. Машерова (Витебск)

В данной статье речь идёт об особенностях германской политики французских оккупационных властей и об отношении немецкого населения к мероприятиям, претворяемым в жизнь властями французской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг. Французы приложили максимум усилий, чтобы не допустить политического единства своей зоны оккупации, они сопротивлялись созданию на территории собственной зоны центральной немецкой администрации. Политику французских оккупационных властей называют амбивалентной или двойственной, так как она была направлена, с одной стороны, на политическую децентрализацию Германии, а с другой – на сохранение ее экономического единства, поскольку экономика послевоенной Франции зависела от союзнических поставок. В статье прослеживается реализация принципов "четырёх «Д»" во французской зоне оккупации и делается вывод о том, что наиболее успешными оказались результаты демократических преобразований.

Ключевые слова: Французская зона оккупации, французская оккупационная политика, французская военная администрация, принципы "четырёх «Д»", денацификация, демилитаризация, демонополизация (декартелизация), демократизация, амбивалентная (двойственная) политика.

Введение

После Второй мировой войны США, Великобритания, Франция и СССР разделили Германию на четыре оккупационные зоны, определив таким образом новую конфигурацию международных отношений в Западной Европе. Участие Франции в контрольном механизме над Германией на равной основе с СССР, США и Великобританией было определено дополнительным соглашением от 1 мая 1945 г. В Контрольном Союзе совете (КСС) Франция выступала за сохранение немецкого экономического единства, но ни в коем случае не хотела допустить централизации германского правительства. Поэтому политику, проводимую Францией в своей зоне оккупации в 1945–1949 гг., называют двойственной или амбивалентной. **Цель** данного исследования – определить особенности французской оккупационной политики в Германии в 1945–1949 гг. и проследить отношение немцев к этой политике. В современной отечественной и российской историографии рассматриваемая

проблема изучена очень слабо. В трудах советских историков французская оккупационная политика изучалась лишь в контексте формирования отношений между западными державами и СССР, которые привели к развязыванию "холодной войны" (В.Н. Белецкий, Н.Н. Молчанов, М.М. Наринский). В связи с этим основной упор при изучении данного вопроса делался на труды французских историков: П. Ла Горса, А. Гроссэра, Г. де Кармуа, Э. Морэна. При написании статьи автор обращался к воспоминаниям свидетеля французской оккупационной политики Пьера Пфлиммлена и ее непосредственных проводников Шарля де Голля и Пьера Дюрана. Очевидный интерес вызывают современные взгляды французских и немецких исследователей на поставленную проблему. Некоторые французские и немецкие историки подчеркивают неоднозначность французской оккупационной политики и отмечают ее положительные моменты для немецкого народа, в особенности в культурной и образовательной сферах (Э. Вольфрум, П. Жербэ).

Для написания данного исследования были использованы следующие источники: материалы американской, немецкой и советской прессы 1945–1948 гг.; стенограммы заседаний конференции министров-президентов немецких земель в Мюнхене (Бавария) 6–7 июня 1947 г., конференции министров-президентов, министров труда и министров хозяйства Объединенной Экономической зоны (Бизонии) в Висбадене 22 октября 1947 г., заседания Земельного совета американской зоны оккупации от 3 февраля 1948 г., доклад министра-президента С. Майера генералу Л. Клею, содержащиеся в "Актах к предыстории Федеративной Республики Германии" в качестве документов и материалов, а также документы из Архива внешней политики Российской Федерации.

Основная часть

Согласно известному германскому историку М. Оверешу, французская зона оккупации равнялась 42814 км². Она занимала 12% территории Германии, в то время как британская зона оккупации – 27,4%, американская – 30,1%, советская – 30,2% [1, с. 52–59]. В 1946 г. во французской зоне производилось в стоимостном выражении 10% промышленной и экспортной продукции. Входящая в состав зоны Саарская область по производству стали и добыче каменного угля уступала лишь Рурской области. "Из основных видов промышленной продукции можно назвать удобрения, синтетическое горючее, буна (каучук), производимые заводами И.Г. Фарбениндурии, оконное стекло, карбид кальция, запасные части для автомобилей, обувь и пр." [2, с. 82]. "Во французской зоне оккупации (Саарская область) меньше всего пострадали предприятия Фельклингер, входившие ранее в состав

концерна Рехлінга. Весной 1946 г. на этих предприятиях было занято около 4,5 тыс. рабочих. В начале года здесь производилось свыше 20 тыс. тонн стали и около 10 тыс. тонн проката в месяц" [3, с. 136].

Официально французская зона оккупации существовала до 21 сентября 1949 г. Первоначально в территориальном плане французская зона состояла из пяти земель или провинций: Рейнланд со столицей в г. Бад-Эмсе, затем в г. Кобленце, Баден со столицей в г. Фрибурге, Вюртемберг со столицей в г. Тюбингене, Саар со столицей в г. Саарбрюккене, Палатинат со столицей в г. Нестафте. После реорганизации 30 августа 1946 г. в ее состав входили три земли: Рейнланд-Пфальц со столицей в г. Майнце, Южный Баден со столицей в г. Фрибурге и Южный Вюртемберг-Гогенцоллерн со столицей в г. Тюбингене. Саарская область (столица г. Саарбрюккен) с ноября 1947 г. была отделена таможенной границей от французской зоны оккупации и присоединена в экономическом отношении к Франции.

По мнению М. Овереша, французская зона оккупации имела свои особенности. Немецкие земли оформились здесь только к осени 1946 г. Южный Вюртемберг с резиденцией в Тюбингене возглавил госсекретарь (статс-секретарь) Карло Шмидт, Южный Баден с резиденцией в Фрибурге – Лео Волеб, Рейнланд-Пфальц с резиденцией в Кобленце – Петер Альтмейер [1, с. 94]. Земельные властные структуры имели кроме государственных секретарей еще министерских директоров (министерияль-директоров). Ставка главнокомандующего французскими оккупационными властями находилась в г. Баден-Бадене в отеле Бреннер. Политико-экономическим центром французской зоны оккупации являлся г. Майнц [4, с. 31–32].

Французская военная администрация в Германии была создана 15 июня 1945 г. Ее возглавил генерал-лейтенант (в конце оккупационного периода – генерал армии) Пьер Кёниг. На заседаниях СКС П. Кёниг прилетал в Берлин из своей штаб-квартиры в Баден-Бадене и по окончании заседания немедленно улетал обратно, подчеркивая этим свое нежелание иметь что-либо общее с Берлином как центром Германии. В своем штабе он запретил произносить в его присутствии слово "центральное германское правительственное", а в документах французской военной администрации употреблять слово "рейх". Во всех названиях, где оно употреблялось в качестве прилагательного, его заменили словом "дойч" [5, с. 78].

В распоряжении П. Кёнига находились четыре помощника: главнокомандующий оккупационных войск, генеральный администратор военного правительства французской зоны оккупации, глава французского представительства в СКС, главнокомандующий французского сек-

тора Берлина. Главнокомандующим оккупационных войск был назначен генерал М. Монсабер, затем его сменил генерал Э. Севез. Генеральным администратором являлся генерал Э. Лаффон. Главой французского представительства в СКС был генерал Л. Кёльц, впоследствии его сменил генерал Р. Нуаре. Главнокомандующим французского сектора Берлина назначили генерала Т. Бошена, а затем его заместил на этом посту генерал Р. Ганевал. Кроме того, в распоряжении генерала Л. Кёнига находились политический советник (А. Франсуа-Понсэ) и экономический советник, выполнявшие консультативную роль [4, с. 31]. Гражданская администрация, главой которой был Э. Лаффон, состояла из двух главных отделов – Административного бюро и Бюро экономики и финансов, которое включало подотделы здравоохранения, экономики, финансов, миграции и др. Также существовало Бюро культуры, однако оно играло незначительную роль по сравнению с двумя предыдущими [4, с. 31]. "В оккупационной администрации собрались представители самых различных политических сил – от левых до крайне правых, включая бывших вишистов, которые использовали свое пребывание в Германии, чтобы укрыться от преследования за коллаборационизм" [5, с. 55].

Франция выступала против политического единства Германии и в течение 1945–1946 гг. отстаивала идею ее федерализации. Однако, учитывая отсталость регионов своей зоны, Франция ратовала за экономически единую Германию. Французы выступали против создания на территории своей зоны центрального немецкого органа. Во французской зоне был образован Министрат, вокруг которого группировались главы Секретариатов, под руководством генерала П. Кёнига. Секретариаты представляли собой правительства земель. Постепенно они были полностью поставлены под контроль военной администрации. После того, как весной 1947 г. во французской зоне оккупации прошли выборы в местные ландтаги, их главы получили название "министр-президенты" земель: в Рейнланд-Пфальце министр-президентом стал П. Альтмейер, в Южном Бадене – Л. Волеб, в Вюртемберг-Гогенцоллерне – Г. Мюллер. Под особым вниманием Парижа находилась Саарская область, которой управлял французский губернатор. Им был в первые послевоенные годы Жильбер Грандваль, ставший позже Верховным Комиссаром Саарской области (земли) [4, с. 31–32].

Генерал П. Кёниг создал разветвленный бюрократический аппарат, неспособный к управлению. Во французской зоне оккупации находилось, например, шесть различных полиций. Содержание 5880 французских администраторов и их помощников только в 1946 г. обошлось в миллиард франков [6, с. 29]. Генеральный администратор Э. Лаффон не имел контроля над

всеми департаментами, многие из которых напрямую зависели от военного управления П. Кёнига.

7 июля 1945 г. в Париже был создан Межминистерский комитет по немецким и австрийским делам, переименованный в декабре 1945 г. в Генеральный комиссариат по немецким и австрийским делам. Генеральным комиссаром был назначен Рене Майер. В газете «Дер Тагесшпигель» от 29 декабря 1945 г. говорилось «о назначении Рене Мейера, бывшего французского министра путей сообщения, генеральным уполномоченным французской зоны в Германии и Австрии. В его задачу входит, как сообщает газета, объединение всего административного аппарата зоны» [7, л. 33]. Генеральный комиссариат должен был выработать четкие принципы, которыми следовало руководствоваться административному аппарату французской зоны. Генеральный комиссариат подчинялся французскому правительству, которое так и не смогло выработать общие приоритеты, цели и методы в деле обращения с Германией. Следовательно, деятельность Генерального комиссариата была только формальной.

В советской, российской и отечественной историографии успешность политики оккупационных властей определяется реализацией Ялтинско-Потсдамских соглашений или принципов «четырёх «Д»». Западные историки в своих научных трудах не подразделяют эту политику на демилитаризацию, денацификацию, демонополизацию и декартелизацию, а акцентируют внимание на реформаторской деятельности оккупационных властей.

Политика Франции по отношению к своей оккупационной зоне преследовала две цели: компенсировать в какой-то мере ущерб, нанесенный ей Германией во Второй мировой войне, и создать модель организации общественной жизни, которую можно было бы предложить в качестве образца для других зон. А. Гроссер отмечал, что три принципа этой политики – «изъятия из текущего производства, ограничение объема производства, преобразование общественной и экономической жизни» – имели в виду «постоянное ослабление немецкой экономики» как основы немецкой политической и военной мощи [8, с. 46].

Американский историк К. Фридрих, исследователь темы американской оккупационной администрации в Германии, пишет, что французы «не участвовали в Потсдамском соглашении и на этом основании вообще не считали для себя обязательным решения по денацификации. Они считали, что могут проводить свою политику в этом вопросе» [9, с. 263]. Во всех оккупационных зонах в первые же месяцы оккупации были арестованы как военные преступники и интернированы высокопоставленные нацистские функционеры, высшие члены Охранных отрядов

(СС), Полиции безопасности (СД), Гестапо, Вермахта, высшие политические и государственные руководители. В американской зоне было интернировано 92259 человек, в английской – 64500, во французской – 18963 [10, с. 151]. Французские оккупационные власти уже осенью 1945 г. отдали приказ об образовании немецких комитетов по расследованию, тем самым процесс денацификации был здесь сильно индивидуализирован. После выхода директивы СКС № 38 «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами» 12 октября 1946 г. во французской зоне была введена американская практика проведения денацификации с заполнением громоздких анкет, проведением разбора дел в «шпружкамерах» и распределения виновных по пяти категориям вины. «Из нацистов, привлеченных к ответственности, подверглось репрессивным мерам лишь около 38 процентов. Так называемые репрессии ограничивались зачастую перемещением по службе или понижением в должности» [6, с. 29].

В качестве основополагающего принципа разоружения и демонополизации Германии французы рассматривали регулярное взимание и поставку репараций. Французское правительство преследовало одновременно две цели в репарационном вопросе – обеспечить безопасность Франции, лишив Германию военного потенциала, и возратить отобранные немецкими оккупационными властями материальные блага во Францию. Еще на Ялтинской конференции было решено, что репарации с побежденной Германии должны были осуществляться в натуральном виде, в виде демонтажа излишних промышленных предприятий, товарных поставок, но не в денежном эквиваленте.

В условиях «холодной войны» западные державы были вынуждены пересмотреть взаимосвязанные принципы демилитаризации и демонополизации Германии. Возможное появление новой агрессии ожидалось не со стороны обновленной Германии, а со стороны СССР. В этих условиях США и Великобритания взяли курс на возобновление давних связей германских монополий с западными державами. Франция, радикально изменившая свою политику с середины 1947 г., присоединилась к этому курсу.

Еще в декабре 1945 г. французские оккупационные власти монополизировали управление шахтами Саарской области. «Парижский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Д. Шмидт приводит некоторые данные о хозяйничаньи французов в Сааре и других районах оккупации. Корреспондент, в частности, указывает, что Франция вывозит из своей зоны 1500 тонн бумаги ежемесячно, оставляя для местных нужд 500 тонн. Около 300000 пар обуви было выпущено в Сааре для нужд французской армии и 200000 для

французских гражданских лиц. В качестве репараций из одной только Прирейнской области было угнано во Францию 3000 голов скота, вывезено 17600 тонн цемента, 8500 кубических метров строительного леса и 1740 тонн цветных металлов" [11, л. 55].

9 июня 1947 г. во французской зоне был издан закон о декартелизации. Он не содержал списков фирм, подлежащих обязательной децентрализации, и не предусматривал мер, обеспечивающих ее претворение в жизнь. В конечном итоге, демонополизация во французской зоне оккупации свелась к тому, что лишь небольшая часть фирм подверглась формальному разукрупнению. Вхождение французской зоны оккупации в Тризонию и принятие Францией "плана Маршалла" означало окончательное вхождение экономики французской зоны в систему западногерманской экономики. За время оккупации во французской зоне появился ряд смешанных франко-германских компаний в часовой промышленности, в области производства хирургических инструментов, в нефтяной промышленности, в химической (заводы Людвигсгафена), в области кино [8, с. 111–113].

Военное правительство французской зоны провело ряд демократических реформ: земельная, имущественная, реформа социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики. Ее проводником являлся генерал Раймон Шмитляйн. Он был назначен директором образования во французской зоне. Его целью было реформировать в соответствии с принципами демократизации, денацификации и демилитаризации слишком элитарную, по его мнению, немецкую систему образования, устранить влияние национал-социализма и снова приобщить немецкое население при помощи французского культурного влияния к идеям европейского просвещения и гуманизма. Деятельность школ и университетов во французской зоне была возобновлена ранее, чем в остальных. В Майнце и Саарбрюккене были открыты новые университеты, в Гермерсхайме – переводческий институт, в Шпайере – новая высшая школа управления. Деятельность Р. Шмитляйна оставила заметный след в деле создания и развития культурных центров, французских институтов, бюро молодежи, служб международного обмена, центров "Молодежь и спорт". Р. Шмитляйн широко использовал частные инициативы, например, Ж. дю Риво в деле создания Международного бюро связи и документации, А. Гроссера во внутренней деятельности Французского комитета по обмену с обновленной Германией [8, с. 317–324].

Культурная политика французских оккупационных властей была направлена на франко-германское сближение. Были созданы специальные органы, ответственные за культурное

сотрудничество Франции и Германии. Один из них – Международное бюро связи и документации – был образован в 1945 г. в Бадене в г. Оффенбурге. Его создателем был военный священник, иезуит Жан дю Риво. С 1945 г. Международное бюро связи и документации регулярно издавало два журнала – "Dokumente" и "Documents". "Dokumente" детально информировал немецкое население о жизни во Франции, а "Documents" – французское население о Германии. В 1948 г. по инициативе Эммануэля Мунье был создан Французский комитет по обмену с обновленной Германией. Он объединял деятельность немецких и французских журналистов, писателей, политических деятелей, преподавателей. До своего роспуска в 1967 г. Французский комитет по обмену с обновленной Германией выпускал информационный бюллетень "Allemagne", где публиковались и анализировались политические и партийные дебаты, проблемы молодежи во Франции и Германии [8, с. 328].

Несмотря на все конструктивные реформаторские начинания французских оккупационных властей, у немецкого населения не осталось в памяти никаких положительных моментов от их деятельности. Негативные настроения немцев к Франции и к французам усиливала проблема беженцев [12, с. 25]. Во втором томе "Актв к предьстории Федеративной Республики Германии" содержится стенограмма заседания конференции министров-президентов немецких земель в Мюнхене (Бавария) 6–7 июня 1947 г. Выступавший на конференции профессор П. Шмидт из Гессена говорил от имени своих коллег о тяжелом продовольственном положении населения во французской зоне оккупации [13, с. 528–530]. 1 июля того же года состоялась встреча министров-президентов американской зоны оккупации с генералом Л. Клеем. Министр-президент С. Майер жаловался генералу на проблему пропускного режима во французской зоне оккупации [14, с. 206]. 22 октября 1947 г. в Висбадене проходила конференция, на которой директор бизонального Хозяйственного совета доктор И. Земмер заметил, что во французской оккупационной зоне имеющиеся промышленные мощности разработаны лишь на 25%, что явно недостаточно [14, с. 697].

Заклучение

Таким образом, рассмотрев политику французских оккупационных властей в Германии в 1945–1949 гг. и отношение к ней немцев можно сделать следующие выводы.

Французская зона оккупации была наименьшая из четырех в территориальном плане и представляла собой экономически отсталый регион, за исключением Саара, поэтому деятельность французской администрации зоны была направлена на экономическое единство

Германии. В то же время французы приложили максимум усилий, чтобы не допустить политического единства французской зоны оккупации. Они предоставили автономии пяти немецким землям и успешно сопротивлялись созданию на территории своей зоны центрального немецкого органа, в отличие от США и Великобритании. Вся полнота власти во французской зоне оккупации была сосредоточена в руках французской военной администрации и главнокомандующего П. Кёнига. П. Кёниг создал разветвленный бюрократический аппарат, состоявший на 80% из бывших вишистов и неспособный эффективно управлять из-за своей сложной и громоздкой структуры. Военное правительство французской зоны провело земельную, имущественную, продовольственную реформы, реформу социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики во французской зоне, проводимой Р. Шмитляйном. Но, несмотря на все конструктивные реформаторские начинания французских оккупационных властей, у немецкого населения не осталось в памяти никаких положительных моментов от их деятельности.

Политику французских оккупационных властей называют амбивалентной или двойственной, так как она была направлена на политическую децентрализацию и экономическое единство Германии. Принципы «четырёх «Д»» во французской зоне оккупации Германии в понимании советских историков не были успешно реализованы. Франция вообще не считала себя связанной Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, так как она не участвовала в их разработке. Французы не придавали особенного значения денацификации Германии, так как считали, что абсолютно каждый немец являлся бывшим нацистом. Демонополитизация и демилитаризация Германии во французской зоне оккупации осуществлялись в виде репараций, реституций, демонстраций, которые должны были компенсировать ущерб, понесенный Францией за годы гитлеровской оккупации. Наиболее успешными оказались результаты демократизации, так как она была направлена на франко-германское сотрудничество в области образования, науки, культуры, искусства. Таким образом, политика французов в своей зоне оккупации предполагала не только компенсацию ущерба Франции. Французы провели ряд конструктивных реформ, направленных на объединение французской зоны оккупации и развитие франко-германского сотрудничества. Однако это сотрудничество не смогло успешно осуществиться из-за сохранения амбивалентной французской политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Overesch, M.* Deutschland 1945–1949. Vorgeschichte und Grundung der Bundesrepublik. Ein Leitfad in Darstellung

und Dokumenten / M. Overesch. – Königstein : Athenäum – Verlag, 1979. – 274 s.

2. *Герцович, Г.* Экономическое восстановление Германии / Г. Герцович // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1946. – № 9. – С. 75–83.
3. *Герцович, Г.* Металлургия Германии после войны / Г. Герцович // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1946. – № 12. – С. 135–136.
4. Административно-политическое устройство современной Германии (справка) // Новое время. – 1948. – № 34. – С. 29–32.
5. *Филитов, А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – М. : Международные отношения (Москва), 1993. – 240 с.
6. *Михайлов, Б.* Что происходит во французской зоне оккупации Германии / Б. Михайлов // Новое время. – 1948. – № 11. – С. 27–31.
7. Оперативная сводка № 10 по немецким газетам, вышедшим в Берлине 29 декабря 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. Оп. 27. Д. 11. – Л. 33, 36.
8. *Grosser, A.* L'Allemagne de notre temps 1945–1948 / A. Grosser. – Paris : Pluriel, 1978. – 440 p.
9. *Friedrich, C.* American experience in military government in World War II / C. Friedrich. – N.Y. : Un. Press, 1948. – 345 p.
10. *Вишнев, С.* Экономические проблемы Германии на Московской сессии Совета министров иностранных дел / С. Вишнев, И. Файнгар // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1947. – № 5. – С. 3–22.
11. Обзор экономического и политического положения в английской и французской зонах оккупации Германии, написанный по материалам американской прессы // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. Оп. 28. Д. 12. Л. 53–56.
12. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 1. – September 1945–Dezember 1946. – München – Wien : R. Oldenbourg Verlag, 1976. – 1197 s.
13. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 2. – Januar–Juni 1947. – München – Wien : R. Oldenbourg Verlag, 1979. – 654 s.
14. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 3. – Juni–Dezember 1947. – München – Wien : R. Oldenbourg Verlag, 1982. – 1062 s.

Поступила в редакцию 09.02.2015 г.

Контакты: ninakosmach@mail.ru
(Величко Нина Веньяминовна)

Velichko N. V. FRENCH OCCUPATION POLICY IN GERMANY IN 1945–1949.

The article deals with the features of the German policy of the French occupation authorities and the attitude of the German population to the activities brought to life by the authorities of the French occupation zone in Germany in

1945–1949. The French made every effort to prevent the political unity of their zone of occupation, they resisted the creation of the zone of central *German* administration on the territory. The policy of the French occupation authorities is called ambivalent, since it was aimed, on the one hand, at the political decentralization of Germany, on the other hand, to maintain its economic unity, as the economy of the post-war France depended on the supplies of the allies. The article traces the implementation of the principles of

“four D” in the French zone of occupation and concludes that the most successful were the results of the democratic reforms.

Key words: the French occupation zone, the French occupation policy, the French military administration, the principles of “four D”, denazification, demilitarization, demonopolization (decartelization), democratization, ambivalent policy.

УДК 314.7 (=161.3)

**РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОГО И
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ
ДИАСПОРЫ В КАРЕЛИИ
(конец 1940-х – 1950-е гг.)¹**

Л. И. Вавулинская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Республика Карелия

В статье на основе литературы и архивных материалов рассмотрены экономические факторы формирования белорусской диаспоры в Карелии в 1950-е гг., подчеркивается, что Белоруссия являлась главным поставщиком рабочей силы для республики. Выявлены трудности в организации промышленного и сельскохозяйственного переселения в Карелию, причины возврата части переселенцев на родину, влияние переселения на изменение национального состава населения республики и формирование крупной этнической группы белорусов.

Ключевые слова: диаспора; промышленное и сельскохозяйственное переселение; этнический состав населения.

Введение

Одним из актуальных направлений современной российской этнографической и исторической науки является изучение проблем формирования и последующего развития этнических общностей, проживающих за пределами основной этнической территории. Диаспоры оказывают серьезное влияние на принимающие страны. Они меняют их демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав. В XX в. активные миграционные процессы в Карелии привели к тому, что национальный состав республики резко изменился. Карелия стала первым регионом РСФСР, где к 1959 г. сформировалась самая крупная белорусская диаспора, насчитывавшая 71,9 тыс. человек [1, с. 154].

Основная часть

Важнейшим этапом формирования белорусской диаспоры в Карелии стали конец 1940-х – 1950-е гг., когда в республику по организованному набору и промышленному переселению в массовом порядке прибывало население из других областей и республик СССР, чтобы восполнить острый дефицит рабочей силы. Даже к концу 1947 г. численность трудоспособного

населения Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 г. до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР) составляла всего 173 тыс., или 55% к трудоспособному населению 1940 г. [2, л. 1–2]. Между тем перед республикой были поставлены крайне напряженные планы по наращиванию объемов лесозаготовок. В 1947 г. здесь было заготовлено 4 млн куб. м. леса, а к 1950 г. объемы лесозаготовительных работ должны были достигнуть 11 млн куб. м. [3, л. 3].

Постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» предусматривался дальнейший резкий рост объема заготовки и вывозки древесины, который к 1955 г. должен был достигнуть 20 млн. куб. м. Причем данный объем работ предусматривалось выполнить без участия такого крупнейшего заготовителя, как Беломорско-Балтийский комбинат НКВД, который к началу 1940-х гг. давал более половины всей заготовленной в республике древесины [4, с. 3]. Кроме того, в августе 1949 г. из Карелии были репатриированы последние иностранные военнопленные, значительная часть которых трудилась на лесозаготовках.

Вплоть до начала 1950-х гг. почти 1/3 работающих на лесозаготовках республики составляли колхозники, направляемые в лес в порядке трудовой повинности, хотя колхозы сами испытывали острый недостаток рабочей силы. Причем привлекались колхозники не только из Карелии, но и из других регионов, в том числе из Белоруссии. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 29 сентября 1948 г. Белорусская ССР должна была направлять для работы на лесозаготовках в порядке платной трудовой повинности 5 тыс. колхозников на срок с 15 октября 1948 г. по 1 апреля 1949 г. Однако по состоянию на 5 декабря 1948 г. из 5 тыс. колхозников прибыло только 512 человек. Между тем предполагалось, что белорусские колхозники выполнят 1/4 часть сезонного плана заготовки леса по республике [5, л. 233–234].

Для пополнения кадрами лесозаготовительных предприятий широко использовался и такой источник, как организованный набор рабочих из других областей и республик, но он имел существенные недостатки: в основном неквалифицированный состав рабочих, которых не успевали обучить, так как набор осуществлялся в основном на год. Кроме того, до 10% прибывавших в республику по оргнабору самовольно уходили с места работы [6, л. 140–141]. Белоруссия играла важную роль в поставке рабочей силы по организованному набору в Карелию. Так, по оргнабору из Белоруссии на 1 декабря 1950 г. поступило 4539 рабочих, то есть более половины всех прибывших в Карелию из разных областей СССР. По оргнабору за 1952 г. на пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (середина XX – начало XXI веков)», № 15-21-01004.

приятія Міністэрства лесной прамысловасці паступілі 16 925 рабочых, в том числе из Беларусіі – 13 605 [7, л. 149].

Не менш остро стаялі пытанні кадраў в сельскай гаспадарцы рэспублікі. К началу 1945 г. численность колхозного населения сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., при этом число женщин превышало число мужчин более чем в 5 раз [8, л. 1–2]. Особенно сложной проблема кадров была в приладожских районах – Сортавальском, Суоярвском, Питкярантском и Куркиёкском, отошедших от Финляндии к СССР по мирному договору от 12 марта 1940 г., так как финские власти эвакуировали жителей, а начавшееся переселение из других краев, областей и республик страны было прервано войной. К концу пятилетки (1950 г.) в пределах территории бывшей КАССР трудоспособное население колхозов составляло всего 47% к довоенному [9, с. 384].

Основным путем решения кадровой проблемы в республике с конца 1940-х гг. стало промышленное и сельскохозяйственное переселение, при этом главным источником пополнения рабочей силы для Карелии являлась Белоруссия. По постановлению Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. “О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР” для работы на предприятиях лесной и отчасти целлюлозно-бумажной промышленности предполагалось в течение двух лет переселить на добровольных началах 25 тыс. семей колхозников и другого сельского и городского населения [10, 18 и 22 февраля].

В сентябре 1949 г. Переселенческий отдел при Совете Министров Карело-Финской ССР был реорганизован в Переселенческое управление при Совете Министров республики. За районами Карелии закреплялись области и республики, из которых вербовалась рабочая сила. Так, в 1949 г. предполагалось расселить в республике 14 800 семей, в том числе 3500 семей из Белоруссии – в Пудожском и Медвежьегорском районах, 3700 семей из Украины – в Олонецком и Куркиёкском районах. Переселение шло также из Татарии, Чувашии, Мордовии, Тамбовской, Орловской, Курской, Брянской, Рязанской, Пензенской и Калужской областей [11, л. 122]. Но уже к середине 1950-х гг. Белоруссия становится главным поставщиком рабочей силы для Карелии. Народнохозяйственным планом СССР на 1955 г. переселение в республику предусматривалось только из Белорусской ССР – 3550 семей и Литовской ССР – 500 семей, в том числе в сельскохозяйственные колхозы – 400, в рыбоповецкие колхозы – 250, в совхозы – 400 и на лесозаготовительные предприятия Министерства лесной промышленности – 300 семей [12, л. 19].

С целью привлечения кадров в республику была организована широкая агитационная ра-

бота. Массовыми тиражами издавались фотоплакаты, листовки, содержавшие письма переселенцев к своим землякам, была организована запись выступлений переселенцев на радио и пленки с записями выступлений отправлены в области и республики, из которых проводилось переселение.

Лесная промышленность получила преимущество в пополнении своих предприятий кадрами из других областей страны (сюда направлялось более половины рабочих). Поступившие на работу в леспромхозы переселенцы имели значительные льготы по сравнению с остальными прибывшими в республику. Сельскохозяйственный банк обязан был выдавать им ссуды на строительство и ремонт домов в размере до 10 тыс. руб. на одно хозяйство и в размере 3 тыс. руб. на семью на обзаведение скотом [13, л. 14–15]. Однако эти льготы не компенсировали 10% поясной разницы в зарплате лесозаготовительных и сплавных рабочих в Карелии в сравнении с заработком рабочих на лесозаготовительных и сплавных предприятиях центральных областей РСФСР и 20% разницы в зарплате по сравнению с Белорусской и Украинской ССР, а значит, не покрывали поясной разницы в государственных ценах на продукты питания [14, л. 5–7]. При этом следует учесть, что в районах республики отсутствовали колхозные рынки, а наделение переселенцев огородами и сенокосными угодьями, особенно в северных районах, затруднялось из-за отсутствия свободных, пригодных для сельскохозяйственных целей, земельных площадей.

Переселение в Карело-Финскую ССР проходило с большими трудностями. Планы переселения постоянно не выполнялись. В 1950 г. государственным планом переселения предусматривалось переселить из Белоруссии 4600 семей, фактически же прибыло 1535, в том числе 955 – в лесную промышленность и 580 – в сельское хозяйство, то есть план был выполнен на 33,4% [15, л. 2]. Планом переселения на 1951 г. предусматривалось переселить в республику 5400 семей, в том числе 3500 – в лесную промышленность, 1800 – в колхозы и совхозы, 100 – на предприятия промышленности строительных материалов [16, л. 10]. Выполнение плана оказалось под угрозой срыва, так как на 20 апреля из Белоруссии при плане 600 семей было переселено в колхозы КФСР 163 семьи, а на предприятия лесной промышленности – всего 12 семей. Из Украины при плане 2800 семей не было переселено ни одной [17, л. 124–125].

Одной из главных причин являлось то, что отбор семей был раздроблен по районам и сельсоветам. Так, из Бобруйского района Могилевской области предусматривалось переселение в колхозы 20 семей, размещенных в 8 разных сельсоветах. Для работы в колхозах часто

вербовалось городское население, не знакомое со спецификой сельскохозяйственного труда. Одновременно с переселением в Карело-Финскую ССР из Белоруссии шло переселение на целинные земли Казахстана и Сибири, в леспромхозы Молотовской, Калининградской, Томской и других областей, которые в глазах переселенцев выглядели гораздо привлекательнее [18, л. 15].

Из-за бытовой неустроенности, суровых климатических условий значительная часть переселенцев возвращалась на прежнее место жительства. Так, в колхозы Куркиекского района в порядке планового переселения было завезено в 1949 г. 835 семей, из них выбыли 787, остались в колхозах 48 семей; в 1950 г. прибыли 354 семьи, из них выбыли 223, остались 131; в 1951 г. поступили 95 семей, из них выбыли 15, остались 80 [19, л. 2]. В Лоухском районе из 196 семей прибывших переселенцев выбыло 44 семьи. Многие семьи переселенцев отказывались от приусадебных участков, поскольку некоторые культуры ввиду суровости климата не вызревали. По этой же причине не закреплялись в республике и почти полностью возвращались на прежнее место жительства украинские переселенцы, что послужило поводом для обращения руководства республики в Совет Министров СССР с просьбой прекратить, начиная с 1952 г., переселение в республику из Украины, отдав предпочтение Белоруссии и более северным областям РСФСР – Калининской, Костромской, Вологодской, Брянской, Ярославской. При этом предлагалось организовать переселение группами по 5-10 семей из одного колхоза, так как такие семьи лучше закреплялись на новом месте жительства [20, л. 15].

Руководство республики сетовало и на то, что при переселении не уделялось должного внимания качественному составу рабочих, в результате чего до 30% прибывших на предприятия лесной промышленности составляли больные, инвалиды 2-й и 3-й групп. За первый квартал 1949 г. предприятия республики покинули 3669 человек, из них по окончании срока договора только 1384, а по болезни, инвалидности и прочим причинам – свыше 2 тыс. человек [21, л. 16]. В связи с этим в обращении председателя Совета Министров КФСР П. Прокконена в Совет Министров СССР от 25 декабря 1951 г. содержалась просьба к Переселенческому управлению при Совете Министров СССР обеспечивать отбор переселенческих семей с таким расчетом, чтобы в каждой семье было не менее двух трудоспособных [22, л. 260].

Нередко в пограничные районы республики направлялись переселенцы из западных областей Белоруссии, воссоединенных с Белоруссией в 1939 г., и их приходилось переселять в тыловые районы республики. Имели место случаи, когда отдельные председатели райисполкомов и колхозов препятствовали переселению жите-

лей в Карелию. Так, в Домановическом районе Полесской области Белоруссии были задержаны 9 семей, собиравшихся переселиться в Карелию. Нередко семьи переселенцев уезжали обратно, так и не приступив к работе. 9 ноября 1950 г. на Керетский лесозавод прибыли 10 семей из Полоцкой области Белорусской ССР. Они не выгружались из вагонов до 16 ноября, мотивируя это тем, что их обманули, обещая направить на предприятия Петрозаводска и что переселенческие билеты им передали только при посадке в вагоны [23, л. 4, 5].

Недовольство переселенцев вызывали неудовлетворительная подготовка предприятий лесной промышленности и сельского хозяйства к приему рабочих, неподготовленность жилья и неполадки с трудоустройством. Имели место факты равнодушного, безобразного отношения к переселенцам со стороны администрации предприятий. Так, в письме Н. Хроминской, прибывшей в Сумский леспромхоз из Брестской области, 20 февраля 1951 г. сообщалось о том, что рабочим пришлось идти пешком до лесопункта 11 км и что им не выдали ни валенок, ни рабочей одежды, в результате все приехавшие вернулись в отдел кадров Севкареллеса, после чего были направлены в Вирандозерский леспромхоз. На лесопункт Речная Сельга Олонецкого леспромхоза 3 апреля 1954 г. прибыло из Белоруссии 6 семей переселенцев, которых никто не встретил. В течение нескольких дней мастер переводил их с места на место, и люди работали по дватри часа в день. При этом мастер заявил им: «Я вас не звал. Вы мне не нужны. Можете ехать, откуда приехали». В результате в 1953 г. и 1-м квартале 1954 г. из лесопункта выбыли 46 человек, причем свыше 73% – за пределы республики [24, л. 42]. В ряде семей из-за отсутствия детских садов и яслей не могли работать многодетные матери, имевшие малолетних детей.

В колхозе «Искра» Импилахтинского сельсовета Питкярантского района 22 семьи переселенцев, прибывшие в 1950 г., не получили полностью продовольственную ссуду. Приусадебные участки им были выделены по 0,215 гектара в 3-4 местах. Вследствие этого ряд семей переселенцев выбыл к прежнему месту жительства. О причинах выезда на родину, в Бобруйскую область, переселенец Родионов заявил: «По приезду на место по переселению мы долгое время не могли получить картофель по квитанциям, хлеб-ссуду на зиму 1950–1951 гг., не могли обеспечить свой скот кормами, получали огороды меньше 0,25 га, тогда как на родине имели 0,50 га. В результате этого ряд наших переселенцев из колхоза «Искра» выехал на родину обратно, ввиду того, что нас обманули. При отправке обещали освободить от всех видов налогов на три года, дать огороды по 0,50 га, но обещанного не выполнили и этим самым переселенцы недовольны» [25, л. 9].

Были зарегистрированы и факты обмана переселенцев со стороны вербовщиков. Переселенцы Тодрас и Дорофеев, прибывшие из Гродненской области в Медвежьегорский район, категорически отказались работать в лесной промышленности ввиду низкого заработка, заявляя: “Нас вербовщик обманул, когда вербовал, то говорил нам, что мы будем зарабатывать по 6-7 тыс. руб. в месяц, а на самом деле этого нет”. Действительно, многие переселенцы использовались на вспомогательных работах и их заработок не превышал 300-500 руб. в месяц [26, л. 1]. Вербовщик из Петровского района при проведении вербовки в Могилевской области Белорусской ССР рассказывал, что в районе нет ни одного колхоза, в котором было бы выдано на трудодни меньше 2,5 кг хлеба. Когда партия завербованных им переселенцев прибыла в колхоз “Сталинский путь”, то выяснилось, что в 1950 г. колхозники на трудодни получили зерновых культур по 800 гр. и деньгами по 50 коп. В колхозе имени Кирова Намоевского сельсовета Петровского района в 1950 г. вообще ничего не выдавалось на трудодни. Столкнувшись с таким положением, переселенцы сразу же стали высказывать настроения о выезде из колхозов, заявляя, что при вербовке их обманули. В 1952 г. из колхозов республики выбыло 265 семей (27,2%), в том числе за пределы республики – 212, в 1953 г. – 107 семей (28%), в том числе за пределы республики – 96 [27, л. 20].

К 1953 г. переселенцы составили уже около 50% общего числа постоянных кадров лесной промышленности, а на ряде предприятий – Суоярвском, Лоймольском, Поросозерском, Лахколамбинском, Кировском, Ругозерском леспрохозах – до 70% и более [28, л. 252]. Только в 1949–1955 гг. в лесную промышленность республики было переселено более 17 тыс. 400 семей [29, л. 15]. За 1955–1958 гг. на предприятия лесной промышленности прибыло около 10 тыс. семей переселенцев [30, с. 34]. Новые лесные поселки на 80–90% заселялись переселенцами (не считая временных сезонных рабочих) [31, л. 34].

В колхозах республики за 1949–1953 гг. закрепилось только 3,5 тыс. переселенцев трудоспособного возраста, т.е. немногим более 1/3 переселившихся. Между тем в 1950–1953 гг. на эти цели было израсходовано около 10 млн. руб. [32, с. 79]. В колхозах рабочие-переселенцы составили 35–40% к количеству трудоспособных колхозников, в совхозах – 45% к общему числу рабочих. В Сортавальском, Куркиекском, Суоярвском и Питкярантском районах все колхозы почти полностью состояли из переселенцев [33, л. 34].

В целом в 1949–1955 гг. в республику была переселена 23531 семья [34, л. 15], подавляющее большинство из них поступили из Бело-

руссии. Переселенцы были размещены на 200 лесозаготовительных участках 38 леспрохозов, в 16 совхозах и более чем в 200 колхозах всех 23 районов республики [35, л. 58, 59]. В конце 1950-х гг. в республике насчитывались десятки населенных пунктов с преобладанием белорусского населения (Вача, Ахвенламби, Шалговаара, Тулос, Телекино, Маслозеро, Тикшезерка и др.). Сотни белорусов проживали в крупных лесных поселках со смешанным населением, таких как Гимолы, Пийтсиёки, Лоймола, Кривцы, Кубово, Колово, Пудожгорский, Онежский, Водла.

К концу 1950-х гг. промышленное переселение в основном выполнило свою задачу по обеспечению республики постоянными рабочими кадрами. Постановлением Совета Министров КАССР от 1 октября 1956 г. деятельность Управления по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров КАССР была упразднена, а прием, хозяйственное и бытовое устройство семей переселенцев и рабочих оргнабора возложены на министерства и ведомства республики [36, л. 129–130]. В 1957 г. вновь был создан отдел переселения и оргнабора рабочих Совета Министров КАССР. В его задачи в начале 1960-х гг. входили проведение сельскохозяйственного переселения уже в пределах республики, подбора и направления специалистов и т. д. [37, л. 202].

Заклучение

Промышленное переселение оказало влияние на изменение этнического состава населения республики, которое заключалось в росте численности русского и, в целом, славянского населения, при этом одной из самых многочисленных национальностей стали белорусы, число которых с 1939 по 1959 гг. увеличилось в 16,7 раза, а удельный вес в национальном составе населения возрос с 0,9 до 11%. К концу 1950-х гг. белорусы представляли в республике третью по величине – после русских и карел – этническую группу [1, с. 154].

Таким образом, экономическая составляющая стала важнейшей в формировании белорусской диаспоры в Карелии. В последующие годы в связи с сокращением объема лесозаготовок и замедлением темпов роста промышленного производства произошли дальнейшие изменения в национальном составе населения Карелии, обусловленные усилившимся оттоком кадров из республики и значительным уменьшением численности белорусского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Покровская, И. П.* Население Карелии / И. П. Покровская. – Петрозаводск: Изд. Карелия, 1978. – 192 с.
2. Национальный архив Республики Карелия (НА РК) – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 2911.
3. НА РК. – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 2911.

4. ГУЛАГ в Карелии : сб. документов и материалов. 1930–1941. – Петрозаводск : Изд. Карельского научного центра, 1992. – 225 с.
5. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 6. Д. 856.
6. НА РК. – Фонд Р-2716. Оп. 10. Д. 35/244.
7. НА РК. – Фонд Р-2716. Оп. 10. Д. 35/244.
8. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 347.
9. Очерки истории Карельской организации КПСС. – Петрозаводск : Изд. Карелия, 1974. – 590 с.
10. Ленинское знамя. – 1949.
11. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 6. Д. 220/1106.
12. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 15/119.
13. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 6. Д. 231/1165.
14. НА РК. – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 5212.
15. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 8/51.
16. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 71/461.
17. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 71/460.
18. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 15/119.
19. НА РК. – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 5490.
20. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 71/461.
21. НА РК. – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 3762.
22. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 71/461.
23. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 8/51.
24. НА РК. – Фонд Р-2716. Оп. 12. Д. 29/189.
25. НА РК. – Фонд П-8. Оп. 1. Д. 4648.
26. НА РК. – Фонд Р-2716. Оп. 12. Д. 29/189.
27. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90.
28. НА РК. – Фонд Р-1394. Оп. 7. Д. 71/461.
29. НА РК. – Фонд П-3. Оп. 9. Д. 65.
30. **Жербин, А. С.** Промышленные рабочие Карелии: 1946–1958 г. / А. С. Жербин. – Петрозаводск : Карелия, 1971. – 105 с.
31. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90.
32. **Клементьев, Е. И.** Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки / Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. – Л. : Наука, 1988. – 212 с.
33. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90.
34. НА РК. – Фонд П-3. Оп. 9. Д. 65.
35. НА РК. – Фонд Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90.
36. НА РК. – Фонд Р-690. Оп. 11. Д. 2/10.
37. НА РК. – Фонд Р-690. Оп. 11. Д. 131/725.

Поступила в редакцию 20.11.2015 г.
Контакты: ludvav@mail.ru
(Вавулинская Людмила Ивановна)

Vavulinskaya L. I. THE ROLE OF INDUSTRIAL AND AGRICULTURAL RESETTLEMENT IN THE FORMATION OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN KARELIA (late 1940s – 1950s).

On the basis of literature and archival materials the economic factors of the Belarusian diaspora formation in Karelia in the 1950s are considered, it is emphasized that Belarus was the main supplier of labour for the republic. The difficulties in the organization of industrial and agricultural relocation to Karelia, the reasons for the migrants' return to their homeland, the impact of relocation on the changing national composition of the population of the republic and the formation of the large ethnic group of the Belarusians are revealed.

Key words: diaspora, industrial and agricultural resettlement, ethnic composition of population.

УДК 343.917

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Д. П. Бригадин

начальник отдела международных связей
государственного института управления и
социальных технологий,
Белорусский государственный университет
(г. Минск)

В статье автор анализирует один из аспектов девиантного поведения населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. – преступность против государственного порядка управления. Такая преступность зачастую называется политической. В статье показана динамика политической преступности, раскрыты причины ее изменений в пореформенный период, на рубеже XIX–XX вв., в период первой российской революции и в предвоенные годы. Исследование базируется на материалах государственных архивов Беларуси и Российской Федерации, документах криминальной статистики Российской империи. Автором проанализирована эволюция нормативных правовых актов Российской империи, касающихся противодействия преступлениям против порядка государственного управления.

Ключевые слова: буржуазные реформы, преступления против порядка государственного управления, уголовная статистика, положения об усиленной и чрезвычайной охране, Первая российская революция.

Введение

Политическая преступность как юридический феномен имеет сложную природу, широкий объектный и субъектный составы. Так, все политические преступления можно разделить на те, которые совершает власть (злоупотребление полномочиями, политическая коррупция, электоральное мошенничество и др.) и те, которые совершают граждане (бунты, восстания, незаконное распространение политической информации, терроризм). В рамках данного исследования интерес представляет второй вид преступлений, которые направлены против государственного строя и порядка государственного управления. Они вызывают общественный резонанс и объясняют большой интерес к исследованию данной проблемы. Как исторический феномен политическая преступность детерминирована различными причинными комплексами. Для ее возникновения и роста необходимо влияние экономических, политических, социально-психологических факторов.

Основная часть

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе III “О преступлениях государственных, включающий в себя

преступления против императора и членов его семьи” и разделе IV “О преступлениях и проступках против порядка управления” содержались статьи, направленные на противодействие всяким выступлениям против власти, системы управления, включая волостные или общественные управления. Кроме того, к этой категории преступлений относилось оскорбление чиновников, возмущение крестьян против своих помещиков, распространение призывов о неповиновении властям [1].

22 марта 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, разработка которого растянулась более чем на 20 лет. Новый кодекс расширил круг политических преступлений. Так, появилась новая глава “О смуте”. Под понятие смуты подводились действия, прямо или косвенно направленные на подрыв авторитета верховной власти, ее революционное низвержение и возбуждение к действиям бунтовщического характера. Много внимания в главе уделено участию в “скопищах” и противозаконных собраниях. Под скопищем понималась массовая сходка людей “заведомо собравшихся с целью выразить неуважение верховной власти или порицание установленных Законами образа правления, или порядка наследия престола, или заявить сочувствие бунту или измене, или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя и последователю такого учения” [2, ст. 121].

В статьях этой главы рассматриваются действия, направленные на пропаганду неповиновения и противодействия законам, разжигание вражды между сословиями, хозяевами и рабочими, действия по организации стачек. Особо отмечена деятельность, направленная на ниспровержение общественного строя и совершение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ и снарядов, участие в которой каралось каторжными работами [2, ст. 126]. Как распространение смуты квалифицировались также и различные виды революционной пропаганды.

Однако центральное место в борьбе с политической преступностью занимало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., принятое после убийства народовольцами императора Александра II. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, указывая на необходимость придания особых полномочий генерал-губернаторам, говорил, что “отсутствие таких полномочий ограничивает действие властей, они нередко бывают вынуждены превышать пределы своих прав, чем, несомненно, деморализуются как сами полицейские чины..., так равно и граждане” [3, с. 401].

Положение явилось своеобразным кодификационным сборником чрезвычайных правил по

охране государственного порядка. Генерал-губернаторы и министерство внутренних дел наделялись полномочиями по введению положения усиленной охраны на определенной территории, а Кабинет министров – введению положения чрезвычайной охраны. Вместе с тем, даже без соблюдения этой процедуры местным властям разрешалось проводить в жизнь ряд административных мер, предусмотренных при введении состояния усиленной охраны. Генерал-губернаторы могли учреждать особые военно-полицейские команды и придавать им определенные права и обязанности, в том числе и право изъятия из общей подсудности дел с передачей их к производству военного суда [4]. Положением изначально задумывалось как временная мера борьбы с террористами, которая, однако, просуществовала до Февральской революции 1917 г.

Преступность против общественного и государственного порядка во второй половине XIX в. не имела линейной динамики. Наибольшее количество таких преступлений было зафиксировано накануне буржуазных реформ. В дореформенное десятилетие число преступлений против государственного и общественного порядка достигла 70 тыс., а в последующие 60-е – 90-е гг. наблюдалось резкое снижение такой преступности (1874–1883 гг. – 13,2 тыс., 1884–1893 – 16,6 тыс.)

В результате экономического кризиса начала XX в. и в условиях действий ограничительных мер на проведение протестных акций, запрещения легальной деятельности политических партий число преступлений против общественного и государственного порядка в этот период резко возросло. В 1899–1908 гг. их число достигло 79,5 тыс., то есть превысило пиковое значение середины XIX в. Необходимо отметить, что данная статистика не в полной мере отражает количество преступлений данного вида. Огромное количество дел рассматривалось по упрощенной схеме военными судами. Как отмечал С.С. Остроумов, «назначение этих судов заключалось в беспощадной борьбе с «крамолой» путем «упрощения» следствия и суда, в усилении наказания до смертной казни» [5, с. 269]. Так, по данным министерства внутренних дел, за период 1892–1898 гг. было сослано в Сибирь 227099 чел., из них по суду только 49222 чел., или 21,7%. Следовательно, почти 8/10 всех сосланных этапировались в Сибирь царским правительством без вынесения судебных приговоров...» [5, с. 270]. С.С. Остроумов приводит выборку из статистических данных по количеству осужденных на смертную казнь военно-окружными судами в 1901–1912 гг. Согласно этим данным к высшей мере было привлечено 3360 человек, из которых 3063 человека были лицами гражданскими [5, с. 283].

Особый интерес представляет статистика окружных судов белорусских губерний. Так,

в 1890 г. в Беларуси за преступления против порядка управления было осуждено 650 чел., [6, с. 34–37], в 1896 г. – 528, [7, с. 126–129] в 1902 г. – 799, [8, с. 136–139], в 1907 г. – 1431, [9, с. 34–37], в 1910 г. – 821 [10, с. 34–37], в 1912 г. – 688 [11, с. 34–37]. Данные свидетельствуют о росте политической преступности в белорусских губерниях в начале XX в., ее пике в период революционных событий 1905–1907 гг. и последующем спаде. Данная динамика соответствует общей тенденции, наблюдаемой в Российской империи. Среди преступлений против порядка управления самым массовым было восстание и сопротивление властям. В 1907 г. в Российской империи по этой статье было осуждено 15075 чел., в 1910 г. – 3514, в 1912 г. – 3237.

Анализируя статистику преступлений, можно сделать вывод о неравномерности динамики политической преступности по губерниям, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Количество осужденных за преступления против порядка управления

Губерния	1896 г.	1902 г.	1907 г.	1912 г.
Виленская	110	173	190	200
Витебская	142	136	569	153
Гродненская	93	197	110	102
Минская	130	191	256	176
Могилевская	53	102	306	57
Всего	528	799	1431	688

Заметим, что количество осужденных по политическим мотивам в белорусских губерниях было значительно больше, чем в других судебных округах, на что указывают, например, данные за 1896 г. по судам, относившимся к Санкт-Петербургской судебной палате (Псковский округ – 29 человек, Новгородский – 45, Ливавский – 32, Рижский – 77, Санкт-Петербургский – 102).

Подобные тенденции связаны с тем, что на рубеже XIX–XX вв. на арену политической борьбы выходят нелегальные политические партии – Всеобщий еврейский союз рабочих в Литве, Польше и России (БУНД, 1897 г.), Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП, 1898 г.), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ, 1900 г.), партия социалистов-революционеров (эсеров, 1901 г.), Белорусская социалистическая громада (БСГ, 1903 г.). Наряду с политической пропагандой и агитацией некоторые из них стали применять новые способы воздействия – террористические акты против представителей власти, нападения на финансовые учреждения с целью захвата денежных средств.

Деятельность политических партий, как и сам факт их существования, с точки зрения действовавшего в то время законодательства являлись преступлением и представляли общественную опасность. В советской историографии политические движения рассматривались через

призму классової борыбы, вызвалення тры-
дзячыхся, сацыяльнай справядлівасці і лічы-
ліся прагрэсіўным феноменам. С нашай то-
чкі згляду рост палітычнай актывнасці, в том
лічле палітычнага насілля во другой палові-
не ХІХ – пачале ХХ вв. стал аб'ектыўным след-
ствам эканамічных, дэмаграфічных і са-
цыяльных змяненняў ў грамадстве. Лічы-
вая рост насілення ў беларускіх губерніях с 6,7 млн.
в 1885 г. да 11 млн. в 1912 г., развіццё прамыш-
леннасці, урбанізацыю, павышэнне ўзрўня гра-
маднасці насілення, ў грамадстве ўзнікла не-
абходнасць палітычнай мадэрнізацыі. Адна-
ка рэакцыя ўлады на падобныя вызовы
была рэпрэсіўнай.

На пратяжэнні другой паловіны ХІХ – пача-
ла ХХ вв. тэрыторыя Беларусі рэгулярна ста-
навілася зонай асобага ўважання ўлады. Вос-
станіе 1863–1864 гг. прывяло к ўвядзенню
ваеннага палажэння на беларускіх землях.
Ваенна-палевыя суды вынеслі смертны пры-
говор 128 ўдзельнікам ўосстанія, 850 чэл. былі
асуджаны на каторгу, 12,5 тыс. чэл. былі вы-
сланы ў Беларусь. За любое парушэнне рэжы-
ма накладываліся большыя дэнажныя штрафы.
Ваеннае палажэнне ў Беларусі было адменена
толькі в 1870 г.

В это время оппозиционно настроенная ин-
теллигенция выдвигает идею социального пере-
устройства Российской империи – идею крестьян-
ского социализма. Народнические кружки
были сформированы в Минске, Витебске, Грод-
но, Могилеве, Слуцке, Пинске и других городах
Беларуси. После раскола в 1879 г. организации
“Земля и воля” на “Черный передел” и “Народ-
ную волю” народолюбцы совершили крупней-
ший террористический акт – убийство импера-
тора Александра II 1 марта 1881 г. В последующем
народнические кружки в белорусских губерниях
вели пропагандистскую работу среди учащихся,
рабочих, ремесленников. Аресты, проведенные
полицией в 1882 г., значительно ослабили влия-
ние народников. С 1884 г. они отказались от ре-
волюционной борьбы, сконцентрировали свои
усилия на поддержке крестьянского земледелия,
развитии крестьянских промыслов и др.

На рубеже веков происходит новый виток
политической борьбы. 1 февраля 1899 г. было
утверждено Мнение Государственного Совета
“Об усилении полицейского надзора в районах
промышленных заведений”. Был расширен штат
полиции из расчета 1 городской на 250 рабочих
и 1 надзиратель на 3 тыс. населения [12].
В начале ХХ в. белорусские губернии вновь были
переведены в положение усиленной охраны.
Местные губернаторы обладали правом изда-
вать так называемые “обязательные постанов-
ления”. Губернатор мог в административном
порядке приостановить выпуск газет, высылать
участников демонстраций, стачек за пределы
губернии. Нарушение постановлений губернско-

го начальника каралось огромным штрафом (до
3 тыс. рублей), арестом до 3 месяцев, конфис-
кацией имущества, преданием военному суду.

На положении усиленной охраны Витебская
губерния находилась до марта 1909 г., Моги-
левская – ноября 1909 г. Гродненская – апреля
1909 г. Однако, несмотря на все усилия вла-
стей, политическая преступность приобрела но-
вый размах. Более того, произошла ее радика-
лизация. Терроризм стал одной из главных угроз
стабильности общества.

Наиболее известной своей террористичес-
кой деятельностью стала партия эсеров. Соци-
алисты-революционеры рассматривали террор
как важную составляющую успеха наряду с сис-
тематической агитацией в массах. Политиче-
ский террор, по мнению эсеров, являлся средством
устрашения и дезорганизации правительства.
Была создана Боевая организация партии эсе-
ров, которую возглавил проживавший в Минске
Г. Гершуни. После его ареста руководство Бое-
вой организацией перешло Е. Азефу.

Одними из первых террористических актов
стали убийства министра народного просвеще-
ния Н.П. Боголепова (14 февраля 1901 г.), ми-
нистра внутренних дел Д.С. Сипягина (2 апреля
1902 г.). Огромный резонанс вызвало убийство
министра внутренних дел В.К. Плеве (15 июня
1904 г.)

Репрессивный аппарат государства часто
оказывался бессильным в борьбе против моби-
льных боевых групп. При всем неприятии терро-
ра, как формы политической борьбы, необходи-
мо признать, что в условиях тотального
подавления любых оппозиционных движений,
террористическая деятельность эсеров имела
политический эффект. При лояльном отноше-
нии к террору демократической общественно-
сти социалисты-революционеры приобрели мно-
го сторонников, особенно среди радикально
настроенной учащейся молодежи [13, с. 49–50].
В этих условиях партия эсеров в Беларуси к 1907 г.
численно увеличилась до 10 тыс. чэл. [13, с. 102].

Помощник начальника Могилевского губер-
нского жандармского управления докладывал в
Департамент полиции: “Члены этой партии (эсе-
ров. – Д.Б.) мстят работодателям... Хозяев ма-
газинов Митлина, Шлезенгера, Коробочкина они
принудили под угрозой смерти принять обратно
уволненных ими рабочих и служащих... Члены
этой партии стреляли в ротмистра Шебеко (май
1905 г.), офицера Листофорова; совершили
убийства в Ветке Г. Паевского, Н. Козаченко,
Кучерова, вынудили богатых купцов выдать им
по 3 тыс. рублей. Члены этой партии страшны
своей неуловимостью и безнаказанностью” [14].

Эсеровские террористические группы дей-
ствовали в Минске, Витебске, Двинске, Гомеле,
Белостоке. В январе 1906 г. в Минске во время
похорон генерала Курча было организовано по-
кушение боевиков И. Пулихова и А. Измайло-

вич на минского губернатора П.Г. Курлова, которого партия эсеров "приговорила" к смерти. Брошенная И. Пулиховым бомба не взорвалась, а А. Измайлович выстрелами из револьвера ранила солдата З.Потапова и почтальона Ф. Гончарика. На основании Положения о мерах к охранению государственного порядка П.Г. Курлов изъял из общей подсудности дело о покушении на губернатора (14 января 1906 г.), равно как и дела о покушении на жизнь минского полицейстера Норова (17 декабря 1905 г.), об убийстве в Минске тюремного надзирателя (2 января 1906 г.), об убийстве в Хойниках полицейского урядника (8 января 1906 г.), передав материалы военному суду. По приговору военного суда И. Пулихов был повешен 26 февраля 1906 г., а для А. Измайлович смертную казнь заменили 20 годами каторжных работ.

В годы первой российской революции в донесениях жандармских управлений указывалось на активизацию деятельности революционных партий. Так, начальник Гродненского губернского жандармского управления в марте 1906 г. свидетельствовал, что агитаторы эсеров, Бунда, анархистов, Паолей-Циона, ППС активно ведут работу среди преобладающего еврейского населения городов и местечек, пользуясь общим недовольством населения. Меры правительственного противодействия, — говорилось в донесении, — не находят поддержки граждан. Организованные местные отделения Бунд в Гродно, Брест-Литовске, Слониме, активно вели пропагандистскую работу среди рабочих и ремесленников, в том числе и христианского вероисповедания. В документе говорилось о создании эсерами в 1905 г. боевой организации в Белостоке, которая после введения там военного положения переместилась в Гродно. В сентябре-октябре 1905 г. боевая группа Гродненской организации эсеров совершила ряд террористических актов — была брошена бомба в городских, ранен из револьвера городской Витко, взорвана бомба в конторе тюрьмы [15, с. 33–34].

В донесении приводятся еще 14 случаев террористических актов против чиновников и фабрикантов. Подчеркивается "весьма тягостное положение, при котором власть стала совершенно бессильна, не получая содействия даже от лучших элементов населения" [15, с. 44–46].

Заключение

После поражения первой российской революции террористические акции эсеров и других революционных партий шли по затухающей. Большинство организаций со второй половины 1907 г. начали сворачивать свою деятельность. Происходили аресты активистов, разгром большинства политических организаций. Вместе с тем, наряду с репрессиями, правительство провело реформирование политической системы,

аграрной политики, финансов, армии, образования, что, безусловно, способствовало некоторому снижению социальной напряженности и уменьшению количества политических преступлений. Так, к 1912 г. произошло более чем двукратное уменьшение числа преступлений против порядка управления по сравнению с 1907 г. (688 и 1431 соответственно). Показательно, что снижение политической преступности происходит на фоне значительного роста уголовной преступности в белорусских губерниях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека. — Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01002889696>. — Дата доступа: 26.11.2015.
2. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. — СПб. : Сенатская типография, 1903. — 144 с.
3. **Зайончковский, П. А.** Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. — М. : Издательство Московского университета, 1964. — 513 с.
4. О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия : Положение Кабинета Министров, 14 августа 1881 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том I. — СПб., 1985. — С. 261–966.
5. **Остроумов, С. С.** Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С. С. Остроумов. — М., 1961. — 304 с.
6. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. — СПб. : Сенатская типография, 1891 г. — 294 с.
7. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. — Вып. 12. за 1896 г. — СПб. : Типография правительственного сената, 1897 г. — 216 с.
8. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. — Вып. 18. за 1902 г. — СПб. : Типография правительственного сената, 1903 г. — 247 с.
9. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1907 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. — СПб. : Сенатская типография, 1910 г. — 437 с.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1910 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. — СПб. : Сенатская типография, 1913 г. — 483 с.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1912 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. — Пг. : Сенатская типография, 1915 г. — 407 с.
12. Об усилении полицейского надзора в районах промышленных заведений : Мнение Государственного Совета, 1 февраля 1899 г. / Полное

- собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XIX. – СПб., 1902. – С. 93–94.
13. **Бригадин, П. И.** Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П. И. Бригадин. – Минск : Згода, 1994. – 152 с.
 14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60. Оп. 3. Д. 91. Л. 85–87.
 15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. ДПОО. 1905 г., Д. 1800 ч. 46. Л. 33–46.

Поступила в редакцию 22.12.2015 г.
Контакты: denisbrigadin@gmail.com
(Бригадин Денис Петрович)

Brigadin D. P. POLITICAL CRIME IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

The author analyzes one of the aspects of deviant behaviour of the Belarusian population in the second half of the XIX – early XX centuries – crime against the order of government. Such crimes are often called political. The article shows the dynamics of a political crime, discloses the reasons for its change in the post-reform period in the XIX–XX centuries during the First Russian Revolution and in the prewar years. The study is based on the materials of state archives of Belarus and the Russian Federation, the documents of criminal statistics of the Russian Empire. The authors analyze the evolution of the normative legal acts of the Russian Empire concerning counteraction to crimes against the order of government.

Key words: bourgeois reforms, crimes against governmental order, criminal statistics, provisions on enhanced and emergency protection, the First Russian Revolution.

УДК [329.14 + 324 + 342.843](44)(091) "2008/2012"

**ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ НА ВЫБОРАХ 2008–2012 гг.:
ПУТЬ К ПОБЕДЕ**

И. И. Фролова

магистр исторических наук,
учитель истории и обществоведения
ГУО «Гимназия № 2 г. Бобруйска»

В статье рассматривается выступление Французской социалистической партии в 2008–2012 гг. на выборах различного вида. Показано восстановление ФСП статуса главной партии страны и усиление позиций социалистов в левом лагере Франции. Автор анализирует стратегию руководства ФСП по укреплению политических позиций партии, определяет главные факторы, влиявшие на голосование французов, устанавливает причины электоральных успехов и неудач социалистов.

Ключевые слова: Франция, социалистическая партия, выборы.

Введение

После поражения на выборах 2007 г. ФСП производила впечатление деморализованной партии. Численность партийных рядов сократилась, ряд видных политиков ФСП пошли на сотрудничество с правыми силами в рамках «политики открытости», провозглашенной президентом Н. Саркози. Впечатление о слабости партии усиливалось в связи с ее неспособностью противостоять политике правых сил. До начала 2008 г. ФСП критиковала лишь методы правления Н. Саркози, но не содержание проводимых реформ, а также держалась в стороне от выступлений против действий правительства.

Основная часть

Последствием превращения ФСП в «невидимую», по оценке наблюдателей, партию стало то, что в конце 2007 г. только 20% французов одобряли деятельность ФСП в роли оппозиционной силы [1, р. 23.]. Однако, несмотря на недовольство населения действиями социалистов, победа левого лагеря на муниципальных и кантональных выборах в марте 2008 г. была в первую очередь победой ФСП. И хотя выдвижение левыми партиями единых списков не позволяет четко определить уровень поддержки каждого из участников левого альянса, итоги выборов ясно показали, что наибольшего успеха добилась именно ФСП. На нее пришлось 80 из 84 городов, перешедших под контроль левых сил в дополнение к тем, которыми они обладали накануне выборов [2, р. 25. – Tableau 10.]. Социалисты также получили дополнительно 139 мест в руководстве департаментами, тогда как экологисты увеличили представительство лишь

на 3 депутата, а коммунисты потеряли 8 мест [2, р. 26. – Tableau 11.].

Успех ФСП стал результатом вовсе не высокого авторитета партии среди населения, а двух других факторов. Одним из них стала успешная работа социалистов в местных органах власти. Вторым являлось недовольство французов политикой правительства, оказавшее решающее влияние на исход выборов. Это недовольство было вызвано, в первую очередь, отсутствием реального роста доходов населения, что было воспринято французами как невыполнение президентом одного из главных предвыборных обещаний. Второй причиной являлись методы и стиль правления Н. Саркози, который сосредоточил в своих руках принятие всех значительных решений, выставлял напоказ личную жизнь, не скрывал любви к роскоши, слишком часто появлялся в СМИ, порой делая непродуманные заявления и допуская грубость в отношении собеседников [3, с. 42–67]. В результате доля лиц, одобрявших политику Н. Саркози, сократилась с 63% в мае 2007 г. до 37% в феврале 2008 г. [2, р. 15. – Tableau 1.]. Проведенные в феврале-марте 2008 г. опросы показали, что в своем большинстве французы намерены голосовать за левые силы.

Руководство ФСП прекрасно понимало истинные причины успеха партии, поэтому после съезда в Реймсе (ноябрь 2008 г.) взяло курс на решительную оппозицию. Социалисты ужесточили критику политики президента, начали выдвигать альтернативные предложения, бойкотировали заседания парламента с целью затянуть проведение реформ, стали участвовать в организованных профсоюзами демонстрациях протеста.

Поначалу такая стратегия не дала ожидаемого эффекта. На выборах 2009 г. в Европарламент ФСП потерпела серьезное поражение, получив поддержку лишь 16,4% избирателей против 28,9 % на аналогичных выборах 2004 г. [4, р. 1.]. Более того, крупный успех экологов (16,28 % голосов) и неплохие результаты коалиции Левый фронт во главе с коммунистами (6,2 %) дал основание наблюдателям поставить вопрос о возможном усилении зависимости ФСП от союза с другими левыми партиями [5, р. 15. – Tableau 2.].

Главная причина поражения ФСП заключалась в том, что ее руководство допустило стратегический просчет, ожидая, что выборы станут очередным голосованием против политики правых сил. Именно поэтому социалисты в своей предвыборной кампании слишком большое внимание уделили критике действий правительства в ущерб предложениям по развитию Евросоюза [6, р. 19]. Но в действительности большинство французов (59%) во время голосования исходило, в первую очередь, из предложений партий по европейской политике [7, р. 10.].

Несмотря на неудачу, руководство ФСП не стало менять стратегию действий по повышению авторитета партии. Это объяснялось тем, что настроения населения играли на руку социалистам. Французы в своем большинстве (46%) одобрили энергичные действия Н. Саркози по борьбе с начавшимся осенью 2008 г. финансово-экономическим кризисом [8, с. 252]. Однако после его завершения в середине 2009 г. недовольство курсом президента начало расти. Опросы 2010–2011 гг. показали, что политикой правых сил недовольны не только сторонники левых партий, но и более половины правых избирателей. Французы обвиняли Н. Саркози в неспособности выполнить основные предвыборные обещания: обеспечить динамичный и стабильный экономический рост, ликвидировать дефицит государственного бюджета, сократить безработицу ниже 5% активного населения. Одновременно большинство населения сомневалось в правильности избранного курса и высказывалось за изменение проводимой политики.

Стремясь извлечь максимум политической выгоды из недовольства населения, социалисты резко критиковали политику правительства, сделав акцент на отсутствии результатов, социальной несправедливости проводимого курса, усилении неравенства. Одновременно партия сдвинула влево свой дискурс и постоянно подчеркивала необходимость “изменить систему”. Такая риторика была нацелена на то, чтобы объединить вокруг ФСП максимальное число левых избирателей.

В то же время партия старалась привлечь на свою сторону симпатии сторонников других политических лагерей, прежде всего — центристского электората. Именно поэтому выдвигаемые ФСП альтернативные варианты крупных реформ базировались на принципах “культуры управления” и не содержали привлекательных, но заведомо невыполнимых обещаний. Поддерживая выступления протеста, руководство ФСП становилось более осторожным, когда социальная ситуация слишком накалялась, стремясь избежать обвинений в провоцировании массовых волнений. Все эти действия были нацелены на то, чтобы поддержать тот имидж ФСП как ответственной политической силы, который социалисты кропотливо создавали с начала 1980-х гг.

Ставка партии на решительную, но ответственную оппозицию позволила ФСП наращивать популярность в условиях, когда партийное руководство не спешило с обнародованием альтернативной программы развития страны. Отсутствие цельной системы предложений вызвало сомнения населения в способности ФСП решить главные проблемы Франции. Так, в середине 2010 г. только 34% французов считали, что ФСП обладает проектом для Франции [9, р. 10], а 57% полагали, что левые силы не смогут управлять страной лучше правых [10, р. 7].

Но благодаря критике политики правых сил, в течение 2010–2011 гг. наблюдался достаточно высокий уровень доверия к ФСП. Летом 2010 г. 51% жителей страны полагали, что ФСП достаточно эффективно исполняет роль оппозиционной силы, 49% называли ее внимательной к их заботам [9, р. 9]. Через год так считали, соответственно, 54% и 53% опрошенных [11, р. 9].

Рост популярности ФСП проявился на региональных выборах 2010 г. Готовясь к ним, глава социалистов М. Обри предложила партнерам по левому лагерю выдвинуть единые списки в большинстве округов. Но это предложение поддержала только Партия левых радикалов. ФКП и “Зеленые”, вдохновленные своим итогами на выборах в Европарламент, решили выступать в составе коалиций Левый фронт и Европа-Экология, но не исключали возможность сотрудничества с социалистами во втором туре. Первый тур выборов показал, что ФСП вернула себе статус первой партии страны по числу избирателей. Она набрала 29,5% голосов против 26,3% у главной правой партии Союз за народное движение (СНД). Одновременно ФСП подтвердила свою роль ведущей силы левого лагеря, значительно опередив союз экологов (12,5%) и Левый фронт (6,1%) [12, р. 11.]. Это объяснялось действием принципа “полезного голосования”, когда часть избирателей других левых партий во имя победы своего политического лагеря с первого тура голосовали за социалистов. Второй тур выборов стал полным успехом ФСП, чьи представители возглавили 21 из 22 регионов страны [13, р. 1.].

Уверенная победа социалистов объяснялась двумя причинами. Во-первых, удовлетворенностью французов результатами деятельности представителей ФСП во главе тех 20 регионов, которые социалисты контролировали накануне выборов. Во-вторых, социалисты учли ошибки, допущенные во время выборов в Европарламент, и в предвыборной кампании сделали акцент на решении региональных проблем [14, р. 10]. Это оказалось совершенно правильным решением, поскольку 52% французов намеревались при голосовании руководствоваться местными проблемами и только 31% собирались использовать региональные выборы для выражения недовольства политикой правительства [14, р. 11].

Результаты прошедших в марте 2011 г. кантональных выборов подтвердили, что ФСП является ведущей партией страны и главной силой левого лагеря. В первом туре ФСП получила 24,94% голосов, вновь опередив СНД (16,97%) и оставив далеко позади объединение экологов (8,42%) и Левый фронт (8,74%). По итогам выборов ФСП получила 820 мест генеральных советников против 27 у экологов и 121 у Левого фронта [15].

К президентским и парламентским выборам 2012 г. ФСП подошла в роли фаворита. Социа-

листы вернули себе роль первой партии страны, преобладали в местных органах власти и усилили свои позиции в левом лагере настолько, что перестали нуждаться в союзниках для победы на выборах. Предвыборная программа ФСП, принятая в июне 2011 г., была одобрительно воспринята населением. Ее главные предложения позитивно оценили 70% опрошенных, в том числе и 58% сторонников правых сил, и в своем большинстве французы считали программу социалистов “реалистичной” (57%), “эффективной” (52%), “убедительной” (42%) [16]. С лета 2010 г. большинство избирателей неизменно собиралось голосовать за кандидата ФСП во втором туре президентских выборов. Партия по уровню популярности заметно превосходила СНД. Так, в феврале 2012 г. 51% французов имел “хорошее мнение” о ФСП, тогда как ее главного соперника позитивно оценивало только 29% опрошенных [5, р. 55. – Tableau 9].

Использование процедуры праймериз с участием сторонников всех левых партий позволило ФСП, не имевшей явного лидера, без серьезных потрясений избрать кандидата на президентские выборы. Им стал Ф. Олланд, опередивший в конечном итоге первого секретаря ФСП М. Обри. Решающее значение в его победе сыграло то обстоятельство, что Ф. Олланд, чьи предложения имели не столь выраженную левую окраску, показался более способным привлечь голоса избирателей-центристов.

В скором времени после избрания Ф. Олланд представил свою предвыборную программу “Изменения – сейчас”, которая была выстроена вокруг темы перемен и содержала 60 обязательств, призванных “вернуть надежду французам и дать толчок прогрессу” [17, р. 2]. Абсолютное большинство сформулированных в ней обещаний с небольшими изменениями воспроизводили предложения предвыборной программы ФСП. В то же время программа Ф. Олланда отличалась от партийного проекта подходами к решению существующих проблем. В ней не так сильно просматривалась ориентация на дирижистские методы, и содержалось намерение более широко использовать метод социального диалога при проведении реформ. Второе отличие состояло в том, что его план активизации экономического роста основывался на принципах экономики предложения, характерных для правых сил, а не на кейнсианских методах, фигурировавших в предвыборной программе ФСП.

С момента избрания Ф. Олланда кандидатом ФСП опросы общественного мнения предсказывали ему победу с большим отрывом [5, р. 58–59]. Но ситуация начала меняться после официального вступления в борьбу Н. Саркози. Президент выстроил свою кампанию вокруг темы “ценностей” с целью увести внимание избирателей от обсуждения неубедительных ито-

гов его правления. Он не спешил с обнародованием программы, предпочитая выдвигать громкие инициативы с очередностью раз в несколько дней. Это позволяло отвлекать внимание СМИ от остальных кандидатов, а также не оставляло соперникам времени для критики сделанных предложений. Через месяц после выдвижения своей кандидатуры Н. Саркози практически сравнялся в опросах с Ф. Олландом [5, р. 50]. Но эта успешная тактика все же не смогла повлиять на исход голосования.

В первом туре президентских выборов 2012 г. Ф. Олланд набрал 28,63% голосов против 27,18% у Н. Саркози, а во втором туре получил поддержку 51,64% избирателей и стал новым президентом Франции [18].

Успех Ф. Олланда был вполне ожидаемым и стал результатом ряда причин. Одной из них являлось недовольство населения содержанием и итогами политики Н. Саркози. В январе 2012 г. 70% французов негативно оценивали результаты правления президента, 73% считали, что он не выполнил свои предвыборные обещания, а 57% полагали, что он и не собирался их выполнять [19, Р. 24]. Абсолютное большинство населения было недовольно итогами политики президента в сферах образования (73%), социальной защиты (73%), борьбы с неравенством (78%) и безработицей (85%), в деле повышения покупательной способности (85%) [19, р. 25.]

Предвыборная программа Н. Саркози фактически предполагала продолжение прежнего курса, который ассоциировался с усилением неравенства, потерей ряда социальных завоеваний, материальными тяготами без гарантий конечного успеха. Большинство французов признали программу кандидата ФСП более подходящей для решения насущных проблем страны. Ф. Олланд считался более способным бороться с последствиями кризиса, сократить безработицу и неравенство, проводить более справедливую налоговую политику, увеличить покупательную способность населения [5, р. 53. – Tableau 7].

Второй причиной победы Ф. Олланда стало недовольство населения стилем правления Н. Саркози. Французов откровенно раздражало его стремление единолично принимать решения, нарочитая демонстрация личной жизни, пристрастие к роскоши. Кандидат ФСП выглядел полной противоположностью Н. Саркози. Французы считали Ф. Олланда честным, скромным, искренним и понимающим проблемы простых людей политиком [5, р. 51. – Tableau 5]. Выдвинутое Ф. Олландом обещание быть “нормальным” президентом нашло отклик у населения, порядком уставшего от “гиперпрезидента” Н. Саркози.

Отдавая должное политическому мастерству Ф. Олланда, следует отметить, что его ус-

пех стал результатом не столько привлекательности выдвинутых обещаний, сколько недовольства населения правлением правых сил. Так, 55% избирателей, проголосовавших во втором туре за Ф. Олланда, объяснили свой выбор не желанием победы кандидата ФСП, а стремлением не допустить Н. Саркози в Елисейский дворец [20].

Победа Ф. Олланда на президентских выборах определила исход парламентских выборов, состоявшихся в июне 2012 г. На них ФСП добилась наиболее крупного успеха в своей истории, получив 280 мандатов и впервые в одиночку завоевав абсолютное большинство в Национальном собрании. На этих выборах ФСП еще более упрочила роль главной силы левого лагеря. Стало очевидно, что теперь не ФСП нуждается в союзниках для прихода к власти, а электоральные успехи других левых партий напрямую зависят от союза с ФСП. Так, партия Европа-Экология-«Зеленые», получившая на выборах 5,46% голосов, благодаря электоральному союзу с ФСП завоевала 18 мест вместо трех в 2007 г. Партия левых радикалов, получившая поддержку всего лишь 1,65% избирателей, провела в Национальное собрание 12 депутатов. Совершенно иными были результаты Левого фронта, который из-за излишней требовательности не смог заключить с социалистами электорального соглашения. По итогам выборов он, набрав 6,94% голосов, сократил по сравнению с 2007 г. свое парламентское представительство с 19 до 10 депутатов [21, р. 130. – Tableau 9].

Заклучение

Таким образом, президентские и парламентские выборы 2012 г. стали блестящим завершением начавшегося в 2008 г. периода политического восхождения ФСП. Социалисты сосредоточили в своих руках все рычаги власти, как на общенациональном, так и на местном уровне. Такого успеха партия никогда не добивалась в своей истории. В то же время впечатляющие достижения ФСП являлись не результатом идейного преобладания партии, а следствием удачной для социалистов внутренней конъюнктуры, промахов политических соперников, успешной работы представителей ФСП в местных органах власти. В исследуемый период партия не сумела добиться идейного доминирования, которое обеспечило бы социалистам кредит доверия при любых колебаниях ситуации в стране. Именно это стало одной из главных причин серии политических неудач, с которыми столкнулась ФСП после выборов 2012 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Bazin, F.** Gauche. Ce qui ne peut plus durer / F. Bazin // Le Nouvel Observateur. – 2007. – № 2248. – P. 22–25.
2. **Le Gall, G.** L'hégémonie territoriale de la gauche / G. Le Gall // Revue politique et parlementaire. – 2008. – № 1047. – P. 13–30.
3. **Рубинский, Ю.** Франция. Время Саркози. – М.: Международные отношения. – 2011. – 320 с.
4. Derrière l'UMP renforcée, les ecologistes triomphent, le PS et le MoDem échouent // Le Monde. – 2009. – 9 juin. – P. 1.
5. **Le Gall, G.** Présidentielle 2012: l'état de l'opinion à J-35 / G. Le Gall // Revue politique et parlementaire. – 2012. – № 1062. – P. 46–57.
6. **Le Gall, G.** Les élections européennes en France / G. Le Gall // Revue politique et parlementaire. – 2009. – № 1052. – P. 13–31.
7. **Roger, P.** Le NPA, le MoDem et le FN sont les principales victimes de l'abstention / P. Roger // Le Monde. – 2009. – 9 juin. – P. 10.
8. **Преображенская, А.** Антикризисная политика во Франции: первые итоги / А. Преображенская // Год планеты. – Выпуск 2009 г. – 2009. – С. 244–255.
9. Ifop pour Dimanche Ouest France. L'image du Parti socialiste auprès des Français. Resultats détaillés. Aout 2010. [Electronic resource] // Ifop. – Mode of access: http://www.ifop.com/media/poll/1232-1-study_file.pdf. – Date of access: 10.08.2013.
10. **Schmitt, O.** Donné pour "mort" fin 2008, le PS se réinvente en faisant appel aux intellectuels / O. Schmitt // Le Monde. – 2010. – 29–30 aout. – P. 7.
11. Ifop pour Dimanche Ouest France. L'image du Parti socialiste auprès des Français. Résultats détaillés. Aout 2011. [Electronic resource] // Ifop. – Mode of access: http://www.ifop.com/media/poll/1600-1-study_file.pdf. – Date of access: 10.08.2013.
12. Régionales: M. Sarkozy veut garder le cap malgré le sévère avertissement du 1er tour // Le Monde. – 2010. – 13 mars. – P. 11.
13. Après l'échec de la droite aux régionales, M. Sarkozy mise sur la réforme des retraites // Le Monde. – 2010. – 23 mars. – P. 1.
14. **Le Gall, G.** Elections régionales : un nouvel avertissement pour le pouvoir / G. Le Gall // Revue politique et parlementaire. – 2010. – № 1055. – P. 7–35.
15. Résultats des élections cantonales 2011 / Ministère de l'intérieur. – Mode of access: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Cantonales/electresult_cantonales_2011/\(path\)/cantonales_2011/index.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Cantonales/electresult_cantonales_2011/(path)/cantonales_2011/index.html). – Date of access: 08.12.2011.
16. Les Français et les principales propositions du programme du PS / BVA/— Mode of access: http://www.bva.fr/data/sondage/sondage_fiche/991/fichier_rapport_projet_pse41f6.pdf. – Date of access: 10.08.2013.
17. **Hollande, F.** Le changement – c'est maintenant. Mes 60 engagements pour la France [Electronic resource] / F. Hollande // Parti socialiste. – Mode of access: file:///C:/

- Documents%20and%20Settings/Samsung/
%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%
B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC
%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/
Downloads/projet_presidentiel_2012_
francois_hollande.pdf. – Date of access :
01.03.2012.
18. Résultats de l'élection présidentielle 2012.
France entière [Electronic resource] //
Ministère de l'intérieur. – 2012. – Mode of
access: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/
Les-resultats/Presidentielles/elecresult_
_PR2012/\(path\)/PR2012/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__PR2012/(path)/PR2012/FE.html). – Date of
access: 20.08.2012.
19. **Bazin, F.** Sarkozy: le boulet du bilan / F. Bazin //
Nouvel Observateur. – 2012. – № 2461. –
P. 22–25.
20. **Jaxel-Truer, P.** Le profil des électeurs de
François Hollande et Nicolas Sarkozy
[Electronic resource] / P. Jaxel-Truer // Le
Monde. – 2012. – 7 mai. – Mode of access:
[http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-
2012/article/2012/05/07/le-profil-des-
electeurs-de-francois-hollande-et-nicolas-
sarkozy_1696811_1471069.html](http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/05/07/le-profil-des-electeurs-de-francois-hollande-et-nicolas-sarkozy_1696811_1471069.html). – Date of
access : 01.07.2012.
21. **Cann, Y.-M.** Un scrutin législatif de
confirmation / Y.-M. Cann, J. Sainte-Marie //
Revue politique et parlementaire. – 2012. –
№ 1063-1064. – P. 120–131.

Поступила в редакцию 07.10.2015 г.
Контакты: irina_frolova87@mail.ru
(Фролова Ирина Ивановна)

**Frolova I.I. FRENCH SOCIALIST PARTY IN THE
ELECTIONS IN 2008–2012: PATH TO VICTORY.**

*The participation of the French Socialist Party in
different types of elections in 2008–2012 is considered in
the article. It reveals the status recovery of the FSP as the
main party of the country and strengthening of the socialists'
role in the left camp of France. The author analyses the
FSP leading strategy to consolidate the political positions
of the party, defines the principal factors that affect the
French voters, establishes the reasons of electoral
successes and failures of socialists.*

Key words: France, Socialist Party, elections.

УДК 1

**НЕКОТОРЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ
А. А. ЗИНОВЬЕВА**

М. И. Вишневецкий

доктор философских наук, профессор
Могилевский государственный университет имени
А. А. Кулешова

В статье анализируются основные положения социально-философской концепции А.А. Зиновьева, показан ее недогматический характер. Отмечается, что данная концепция имеет значительный образовательный потенциал, вытекающий из перспективности развиваемых в ней идей и яркости их литературного оформления.

Ключевые слова: социальная философия, человек, западнизм, сверхобщество.

Современная социальная философия не отличается богатством и разнообразием новых идей. Поэтому целесообразно внимательно относиться к опубликованным в последние десятилетия работам А.А. Зиновьева, имеющим неоспоримое мировоззренческое значение. Знакомясь с этими работами, нетрудно заметить, что некоторые его оценки с течением времени претерпели весьма значительные изменения. Перелом наступил с началом перестройки в СССР. До этого он заявлял, что «борьба против коммунистической тенденции – в интересах всех» [1, с. 28]; в последующем он высказывал неподдельную тревогу по поводу того, что западный тип общественного устройства («западнизм») одержал окончательную победу над коммунизмом и лишил последний шансов развиваться и трансформироваться в соответствии со своими внутренними закономерностями.

В обобщающей монографии раннего периода формирования его социально-философской концепции, названной «Коммунизм как реальность» и написанной в ФРГ в 1980 г., он рассматривал коммунизм как антипод цивилизации. Позже он пересматривает свою позицию и формулирует вывод о том, что коммунизм и западнизм – это два варианта развития в рамках западной цивилизации [2, с. 324]. Теперь он уже открыто заявляет, что в коммунистическом типе общественного устройства есть немало достоинств, и во всяком случае признает за ним право на самостоятельное развитие, прерванное усилиями внутренних и внешних противников.

В поздних работах Зиновьева излагается концепция, претендующая на преодоление принципиальных недостатков как принятой в СССР и других странах коммунистического типа официальной марксистско-ленинской доктрины,

так и многочисленных обществоведческих сочинений западных авторов. Эти труды, по его убеждению, будучи любопытными в деталях, в целом совершенно не годятся «для научного понимания важнейших социальных феноменов современности – реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества» [3, с. 23], который произошел во второй половине XX в. и представляет собой сокрушительное поражение коммунизма.

Главное внимание Зиновьева привлекают человеческие объединения, их историческая судьба. Очевидно, такие объединения весьма разнообразны, и размытое обычно понятие общества он «приберегает» для характеристики вполне определенного их типа. Для того, чтобы дать обоснованное определение тех человеческих объединений, которые представлены современными высокоразвитыми странами, задающими основной вектор общественного развития наших дней, он вначале выделяет из множества человеческих объединений те, которые называет *человейниками*. Затем он определяет специфическую сущность таких человекеевников, как *общества*, и далее обсуждает переход от эпохи обществ к эпохе *сверхобществ*, в которой мы теперь живем. Человекеевники более низкого уровня, чем общества, выступают как предобщества, а более высокого – как сверхобщества.

Человекеевником Зиновьев называет не всякое объединение людей (они ведь бывают случайными и временными), а такое, члены которого устойчиво живут совместной исторической жизнью. Они воспроизводят себе подобных, вступают между собой в регулярные связи, занимают в этом человекеевнике различные позиции, выполняют определенные функции, что и обеспечивает самосохранение человекеевника. Различные человекеевники могут иметь более или менее сложное строение. По убеждению Зиновьева, никакого единого универсального фактора, определяющего структурирование, функционирование и эволюцию человекеевников, не существует. Тем самым отбрасываются любые монистические истолкования социальной действительности. Человекеевники рассматриваются как многомерные образования. Они организуются и эволюционируют одновременно в разных направлениях или измерениях. Каждое из их измерений имеет свои закономерности, не сводимые друг к другу; ни одно из них не вырастает из другого. Все эти измерения, вместе с тем, переплетаются, взаимно проникают друг в друга. Только теоретическим путем, посредством абстракции их можно выделить в «чистом» виде и в наиболее характерных проявлениях.

Каковы же эти факторы, измерения или, как их еще называет Зиновьев, средства социальной организации человекеевников? Он полагает их общеизвестными и называет в этой связи власть

и управление, деловые “клеточки” и соответствующую им сферу хозяйства, а также сферу религии и идеологии [3, с. 127]. Совместно они обеспечивают единство человеиника и условия жизнедеятельности всех его членов. Для этого между данными факторами устанавливается взаимная согласованность, достигаемая путем их “притирки”, приспособления друг к другу. Все компоненты социальной организации должны рассматриваться в комплексе, иначе возникает путаница, сопровождаемая бессмысленными спорами о словах. В разных человеиниках роль указанных факторов может быть неодинаковой. В одних может доминировать власть, в других хозяйственная сфера, в третьих – религиозная сфера. Здесь нужно отметить наблюдаемую в приводимых рассуждениях некоторую неустойчивость терминологического аппарата (факторы, они же измерения, компоненты; позже добавляются еще и сферы).

Зиновьев проводит отчетливое различие между деловым и коммунальным аспектами человеиника. “В первом люди делают все то, что необходимо для их существования, вырабатывают, сохраняют и совершенствуют трудовые навыки и средства труда, создают материальную культуру. Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться” [3, с. 133]. В примитивных человеиниках эти аспекты еще нераздельны; в дальнейшем они обособляются, хотя определенное их единство продолжает сохраняться. Так, отношения начальствования и подчинения имеют одновременно и деловой, и коммунальный, а также и менталитетный аспекты. В человеиниках западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным; наоборот, в человеиниках коммунистического типа коммунальный аспект преобладает над деловым. В экономике вообще доминирует деловой аспект, а в государственной жизни – коммунальный. Выделение менталитетного аспекта Зиновьев связывает с другим измерением человеиника. Этот аспект охватывает возникновение и развитие верований и религиозных культов, а затем и философии, науки, искусства. В современных человеиниках данный аспект достигает масштабов двух других основных аспектов.

Деловой аспект не сводится только к добычанию и производству материальных ценностей, а охватывает и создание культурных ценностей, средств развлечения, средств управления людьми и вообще все, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как полезное, удовлетворяющее какие-то жизненные потребности людей. В коммунальном аспекте люди поступают в соответствии с законами *экзистенциального эгоизма*, или рационального расчета, продиктованного соображениями соб-

ственной выгоды. Такие поступки Зиновьев находит совершенно естественными. Для их регулирования в человеинике вырабатываются и закрепляются традицией или какими-то другими путями правила (нормы) поведения, способы принуждения к соблюдению этих правил и наказаний за их нарушение. Законы экзистенциального эгоизма диктуют удовлетворение человеком своих интересов за счет других людей, а также стремление помешать конкуренту добиться успеха; они порождают враждебное отношение к людям с выдающимися способностями, которые создают угрозу “серостям”. Но люди в процессе социализации приучаются маскировать свои действительные мотивы. Совместно они вырабатывают средства обуздания буйства коммунальности (религию, мораль, идеологию, право). Тем не менее, если человек хочет достичь успеха, он должен отрешиться от внутренней моральности и развить способности к моральной мимикрии. Законы рационального расчета, полагает Зиновьев, действуют и в отношении человеиников в целом, ибо эти объединения людей выступают как своеобразные коллективные личности. Целые страны ведут себя так же, как и отдельные люди, ставя на службу коллективному эгоизму политику, дипломатию, исследовательские центры и т.д. и прикрывая свои цели и действия лицемерными объяснениями и декларациями.

Чловеиник, как утверждает Зиновьев, “возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно на трех уровнях – на микро-, макро- и суперуровне” [3, с. 149]. Объекты первого – это отдельно взятые люди и их объединения в виде различных социальных ячеек, или *клеточек*. В каждой из них, если она насчитывает хотя бы несколько человек, выполняется функция управления через выделение руководителя. Разделение людей на начальников и подчиненных видится Зиновьеву самой глубокой основой неравенства в распределении социальных позиций и жизненных благ. Каждый человеиник имеет клеточную структуру. Клеточки могут быть деловыми, выполнять производственную функцию; они могут выполнять также и другие функции. Положение человека в клеточке, к которой он относится, определяет его положение в человеинике в целом.

Макроуровень человеиника характеризуется основными сферами, охватывающими весь этот человеиник и состоящими из социальных клеточек, выполняющих соответствующие функции. Основные сферы соотносятся с ключевыми аспектами человеиника (коммунальным, деловым и ментальным) и выступают соответственно как сферы власти и управления, хозяйства, менталитета. Возникают данные сферы в результате разрастания и дифференциации соответствующих аспектов человеиников. В высокоразвитых современных обществах это сферы государ-

ственности и права, экономики, идеологии. Предобщества возникают стихийно, без осознанного намерения и плана. В образовании обществ, по мнению Зиновьева, значительную роль играют сознательные факторы. Это не означает, конечно, что все люди четко понимают происходящее. Усилия людей целенаправленны в том смысле, что они вытекают из объективной необходимости, диктующей формы преобразования прежней организации социальной жизни и связанные с этим конкретные задачи.

Все компоненты данной организации связаны между собой; у разных обществ они неодинаковы. При описании социальной организации *общества* в теоретически "очищенном" виде нужно, по мнению Зиновьева, начинать со сферы государственности (власти и управления), ибо определение других сфер предполагает ссылку на государство и невозможно без нее, тогда как государство можно определить и само по себе. Обосновываемое в обсуждаемых здесь работах понимание государства радикально расходится с марксистской социально-философской концепцией и базируется на осмыслении современных реалий жизни общества. Они же показывают, что борьба антагонистических классов и стремление экономически господствующего класса к установлению своей политической власти не играют существенной роли в происходящих в наше время процессах возникновения новых государств.

Государство многомерно и многоаспектно. Оно "возникает и для самого себя, и для привилегированных классов, и для всего общества. Ошибочно раздвигать какой-то один из этих аспектов в нечто абсолютное и всеобъясняющее" [3, с. 193]. Если нет государства, то нет и общества, хотя здесь важны также и другие процессы. Государственность – необходимый, но не достаточный признак общества. Функция государственности состоит в том, чтобы обеспечить жизнь и самосохранение общества как целого. Это целое есть необходимое условие удовлетворения частных интересов (в разной степени и не всех). Такова совокупная тенденция. Поскольку появляется группа людей, занятых поддержанием и укреплением целостности общества, выражающая интересы целого, эта группа получает возможность заботиться и о себе посредством заботы об общественном целом.

На заре человечества функцию идеологов выполняли колдуны, целители, шаманы; позже – служители религии. В наши дни это философы, социологи, писатели, журналисты и другие производители "духовной пищи", судя по всему, не вызывающие особых симпатий у автора обсуждаемых работ. Идеологическая сфера опирается на государственную организацию общества, поддерживается ею, служит ей и сама использует ее в своих интересах. Заполняя сознание

людей строго определенным идейным содержанием и обучая соответствующим способам работы сознания, идеологическая сфера делает основную массу людей, составляющих общество, неспособными мыслить самостоятельно и критично и направляет их на выполнение предназначенных для них социальных функций. По-иному, полагает Зиновьев, сознание в людях не пробудить – оно ведь не дается человеку от рождения и должно быть сформировано. Вот его и формируют таким, каким оно нужно для данного общества (управляемого, напомним, государством). Те, кому удастся вырваться из идеологической "клетки", рассматриваются как аномальные элементы. Большинство же людей, благодаря деятельности идеологической сферы в обществе, имеет усредненное и стандартизированное сознание.

Идеологию не обязательно фиксировать в виде четко сформулированного и систематизированного учения, как это было в великих религиях или в марксизме-ленинизме. Как правило, достаточно, чтобы крупницы идеологии были рассеяны повсеместно в источниках общедоступной и широко используемой информации. В главном вся эта информация внутренне согласована, ее фрагменты подкрепляют друг друга, что и характерно для весьма мощной идеосферы современных западных стран. Идеологический способ мышления рассматривается здесь как антипод научного. Идеологи не ставят перед собой задачу выработать объективное понимание мира; они скорее создают искусственную схему миропонимания, которая навязывается людям в качестве неоспоримой и непререкаемой. Данное мышление пристрастно, оно оправдывает социальную организацию своего общества и защищает ее от врагов. Вымышленный мир, сконструированный идеологами, построен так, чтобы не мешать людям в их повседневной жизни. Скорее он даже помогает жить, избавляя от многих раздумий и сомнений, предлагая готовый набор общепринятых правил поведения, критериев оценки явлений социальной действительности. Отказ от привычной идеологии порождает у людей растерянность и тревогу.

Зиновьев полагает, что не все явления, возникающие в процессе эволюции человечества, могут быть ассимилированы обществами или удержаны в их рамках. Отсюда он заключает, что возможен качественно новый, чем общество, более высокий уровень социальной организации, который он называет *сверхобществом* и полагает, что этот уровень уже является реальностью. Сверхобщество видится им как диалектическое отрицание общества. Оно возникает в среде обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта и, вместе с тем, имеет иную социальную организацию, чем общества. Эпохи обществ и сверхобществ как бы накла-

дываются друг на друга. Здесь имеет место не только диалектическое снятие общества, но и отрицание отрицания, предполагающее возврат по ряду признаков к начальной исторической эпохе – предобществу.

Западнизм – это социальный строй стран западного мира. Начало ему положило успешное развитие западноевропейских народов, которые затем распространили свое влияние на другие страны и континенты. Слово “западнизм” введено Зиновьевым потому, что другие, привычные определения – капитализм и демократия – он находит неполными, односторонними и полагает, что они стали в наше время скорее идеологическими выражениями, нежели научными терминами. Демократия не исчерпывает западнистскую государственность, которая включает также мощную и довольно стабильную часть, состоящую прежде всего из административно-бюрократического аппарата, не связанного с действием принципов демократии. Формируется данная часть путем назначений, а не через выборы, и работает она на основе приказов, негласности, беспартийности. Именно эти люди составляют преобладающее большинство кадрового состава западнистской государственности. Вообще предназначение системы выборов видится не в том, чтобы реализовывать идеалы демократии, а в том, чтобы отбирать в органы власти каких-то людей, действия которых будут признаваться легитимными.

Характеризуя социальные клеточки, представленные в обществе, Зиновьев различает те из них, которые создаются решением властей, и те, которые возникают по инициативе частных лиц и организаций. В западнистском обществе есть и те, и другие, но клеточки, порожденные частной инициативой, составляют подавляющее большинство и играют ведущую роль, что и позволяет охарактеризовать данное общество как частно-предпринимательское. Жизнь таких клеточек всецело посвящена делу, для которого они созданы. Коллективами в строгом смысле этого слова они не являются; нет в них и внутриклеточной демократии, характерной для коллективов в коммунистическом обществе. В деловых клеточках царит деловая диктатура. “Западное общество, будучи демократическим в целом, т. е. политически, является диктаторским социальным, т. е. в деловых клеточках” [3, с. 332]. Потребности в непосредственном общении с другими людьми, в личных неделовых контактах здесь удовлетворяются вне сферы трудовой деятельности, вне ее первичных клеточек.

Западнистская экономика достигла небывалых высот. Вместе с тем в этой сфере, как отмечает Зиновьев, происходят огромные изменения, которые означают, что чрезмерное развитие экономики породило сверхэкономику как один из элементов сверхобщества. Западное общество практически полностью состоит

из собственников того или иного рода; отношения собственности переплелись и невероятно усложнились, равно как и отношения по поводу управления производством. В этих условиях различия между частными и государственными предприятиями во многом утрачивают социальный смысл; а ведь из этих различий обычно исходят, противопоставляя экономику капиталистического и коммунистического общества. Идеологическая сфера в западных странах является даже более мощной, чем она была в коммунистических. В области идеологии западное единство стало складываться даже раньше, чем в экономической и политической сферах. Эта идеология, будучи растворенной во всех формах культуры и поэтому как бы незаметной и ненавязчивой, плюралистична в том смысле, что она состоит из множества учений, идей, направлений мысли, которые нередко противостоят друг другу, особенно если они предназначены для интеллектуальной элиты. Тем не менее, данный плюрализм предполагает внутреннее единство, подобно тому, как, скажем от себя, конкурентная борьба в экономике подчиняется общим “правилам игры” и направляется общей заботой о прибыли.

Идеологический плюрализм является элементом гражданской демократии, выражением характерных для нее разнообразных “духовных” потребностей. Вместе с тем идеология западнизма как целостность имеет внегрупповой и внеклассовый характер. В этом отношении ее положение в обществе сходно с положением государства. Она живет и развивается, поскольку есть множество занимающихся ею людей, имеющих стабильное положение в обществе, влияние в нем, а производимая ими продукция устойчиво пользуется спросом. В последнее время, когда коммунизм как альтернатива западнизма оказался отвержен, западнистская идеология переняла у коммунистической самооценку защищаемого ею общества как вершины социального прогресса. Стали даже высказываться суждения о “конце истории”.

Система ценностей западнизма, восхваляемая и пропагандируемая его идеологией, выпячивает на первый план то, “что в течение многих веков считалось пороками и наихудшими проявлениями свойств человеческой природы” [3, с. 371]. Подобно тому, как в деловой сфере символическая и производная экономика берет верх над реальной и основной, в системе ценностей господствующее положение приобретают символические и производные ценности. Создатели фундаментальных ценностей культуры привлекают гораздо меньше внимания широкой аудитории, чем герои развлекательных сюжетов; исполнители намного популярнее, чем творцы. Система ценностей западнизма переросла в систему соблазнов, транслируемых с помощью средств массовой информации. Уровень жизни

населения в целом вырос, но соблазнов стало еще намного больше, и это делает жизнь многих людей исполненной страданий.

Идеалы здесь вообще не играют никакой роли. В истории человечества, как полагает Зиновьев, они овладевают людьми лишь на непродолжительное время и в порядке исключения. Таким исключением "была ситуация с коммунистическими идеалами. Мне даже кажется, что никаких других общественных идеалов в строгом смысле слова вообще не было и нет. Падение влияния коммунистических идеалов означает просто торжество заурядного, будничного, прозаического, прагматичного и т. д. западнизма" [3, с. 374]. Многие люди осуждают духовный упадок западного общества, пытаются бороться с ним. Но, как отмечается в цитируемой работе, это не просто упадок, а существование в другом диапазоне норм, отличном от норм традиционного общества. Этот новый диапазон норм характеризует, по словам Зиновьева, формирующийся своеобразный этап в эволюции западных человеколюбивых – сверхобщество. Западное общество не является моральным в своей основе, как и любое другое общество. Если мораль препятствует расчетливому прагматизму, она здесь без колебаний отодвигается в сторону. Мораль, правда, сохраняется в мелочах, и притом без риска создать какие-то неудобства и в расчете, что она будет видна со стороны.

Во всех сферах социальной организации западного общества происходит постепенное перерастание ее рамок; благодаря этому, как пишет Зиновьев, изменяется общая социальная ориентация западного мира. В экономической сфере главную роль начинает играть уже не сам факт обладания собственностью и даже не ее размеры, а положение в необозримо сложной системе собственности, аналогичное положению в системе отношений коммунальности. Важной оказывается в конечном итоге причастность к реальному руководству, как это и характерно для коммунальных отношений. Многочисленные проблемы в экономике вынуждают государство действовать наподобие коммунальной власти, активно вмешиваясь в текущую экономическую жизнь страны, в международные экономические связи. Политическая власть срастается с экономической опять-таки с преобладанием коммунальных аспектов и функций. В целом происходит возрастание роли законов коммунальности.

В средствах массовой информации, в художественной и специальной литературе иногда появляются материалы о существовании в системе власти западных обществ некоего феномена, выходящего за рамки государственности и фактически управляющего ею. По существу речь идет о западнистском сверхгосударстве. Десятилетия борьбы западного мира против коммунистического лагеря потребовали созда-

ния структур, координировавших и практически осуществлявших эту борьбу, и привели к их разрастанию и громадному усилению. После разрушения коммунизма данные структуры отнюдь не исчезли и не утратили своего влияния, ибо Запад должен был закрепить свои новые позиции в мире и давать ответы на возникающие новые вызовы. Деятельность, о которой здесь ведет речь Зиновьев, не имеет никакого отношения к демократии и несовместима с подлинной гласностью; не случайно главную роль в ней играют спецслужбы. Необходимость координации усилий западных стран, направленных на защиту своих общих интересов, привела к формированию международной правящей элиты и, вместе с тем, к появлению многочисленных формальных и неформальных структур, в которых заняты сотни тысяч человек. Все эти люди фактически направляют деятельность современных западных государств, не имея на это, как правило, полномочий, предусмотренных действующими законами. В сфере сверхгосударственности нет политических партий, как нет здесь и разделения властей; зато действует принцип секретности, а публичность сведена к минимуму.

Западнистская экономика переросла государственные границы и сферу действия национального законодательства. Армия юристов в крупных и сверхкрупных корпорациях работает над тем, как грамотно преодолеть юридические препоны, в частности, сокращать выплату налогов. Экономические гиганты действуют внутри западных стран как своего рода "автономные общества со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны" [3, с. 576]. Подчиняются они только глобальному денежному механизму, который превратился в доминирующий фактор жизни западного мира.

Характерной чертой современной западной культуры становится неудержимый поиск новых и оригинальных форм. Ею овладевает едва ли не маниакальная идея изменений и новизны. Общество с восторгом принимает это стремление к новому любой ценой. Цена же оказывается довольно высокой. Искусство становится раскованным; ломая все жанры и стили, оно ставит на поток производство вызывающих и скандальных образов и сюжетов. Формируется идеологическая установка, согласно которой, искусство должно стать авангардом социального прогресса. Поскольку старые политические идеи исчерпали себя, радикализм переходит в область культуры. Если социальные структуры управляются экономическим принципом рациональности, то в культуре доминирует иррациональность. "Буржуазные" ценности отвергаются; отбрасывается самоконтроль и самодисциплина. Вместо отражения реальности культура призывается безоглядно творить новое [3, с. 583–584].

Зиновьев полагает, что все это характеризует сверхкультуру западнизма. Она имела первоначальной предпосылкой классическую западноевропейскую культуру, которая была ориентирована на образованных и мыслящих людей. Но масштабы культуры в западном обществе изменились, как изменилось и ее положение в обществе, ее роль в жизни людей. Культура стала адекватной массовому потребителю, и уровень ее радикально понизился в сравнении с ее классическими формами. Новые технические средства производства культуры стали могильщиками социальных, моральных и эстетических ценностей традиционной западноевропейской культуры. Доминировать стал бизнес. Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку. Новаторство стало поверхностным и мелочным; сложилась культура посредственности и для посредственностей.

Подводя итог своему исследованию, Зиновьев делает вывод о том, что «социальная организация западнестского сверхобщества как целое есть диалектическое отрицание социальной организации западнестского общества. Она удерживает вторую в снятом виде» [3, с. 592]. Вместе с тем она является отрицанием отрицания по отношению к социальной организации предобществ, выступая как бы возвратом к общественному уровню, но на более высоком этапе развития. Подразделения и функции социальной организации, которые в предобществе были слабо или вовсе не дифференцированы, а на стадии общества достигли предела дифференциации, здесь вновь переплетаются друг с другом, как бы сливаясь в единое целое. Происходит нечто наподобие возрождения догосударственных, доправовых, доэкономических и т. д. форм жизни. Поэтому многие авторы пишут о конце демократии и «свободного капитализма», моральной деградации и гибели культуры в современном западном мире, об упадке западной цивилизации. На самом деле все эти явления, полагает Зиновьев, свидетельствуют о переходе от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

Новая эпоха требует новых людей, и они действительно появились. В этих новых людях наблюдается ослабление и снижение роли тех человеческих качеств, которые раньше считались добродетелями с моральной точки зрения. Теперь уже достойная жизнь достигается благодаря более надежным средствам, чем прежняя «человечность». Такими являются причастность к власти, деньги, умелое применение достижений науки и медицины и вообще все то, что называют прогрессом. Деградация человека стала платой за прогресс сверхобщества, породивший своеобразного сверхчеловека, внутренне свободного от моральных и прочих человеческих ограничений. Эмоциональная сфера этого сверхчеловека тоже ослаблена, хотя он отличается высоким мастерством

имитации эмоций и чувств, умеет изобразить радость, веселость, бодрость, интерес к разным пустякам. Такой человек выглядит психологически упрощенным в сравнении с другими типами людей, зато он достигает высокого профессионализма в узкой сфере деятельности и умеет целесообразно реагировать на современные жизненные обстоятельства. Его внутренняя пустота компенсируется внешней функциональностью. Все, что избыточно с точки зрения выполнения деловых функций, ушло из его внутреннего мира. Вся бытовая жизнь «западоида» стандартизирована и формируется соответствующими специалистами. Индивидуальность здесь так же избыточна, как и для муравья.

Итак, «западоид» есть высший продукт эволюции человека. Это – искусственно выведенное существо, а не результат чисто биологической эволюции. Он действительно сверхчеловек, а сверхчеловек «в каком-то отношении есть деградация человека. Никакой прогресс не дается даром» [3, с. 607]. Конечно, гуманисты прошлого мечтали не об этом. Но такой социобиологический робот стал абсолютной необходимостью существования западного мира. Этот мир живет очень сложной жизнью. Многие его функции могут выполняться только особым образом сформированными людьми. Не любые народы способны производить в достаточном количестве таких людей. Западный мир в целом справился с этой задачей, породив в массовых масштабах сверхчеловека, который не просто должным образом ограничен, но и гордится этой своей ограниченностью и свысока смотрит на всех других людей, упиваясь своим превосходством. Западные народы развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. Для этого выработана идеология, стратегия и тактика всеобщей западнизации как особой формы колонизации. До недавнего времени у западнизма был конкурент – коммунизм. Теперь его нет. Сам же западный мир, в силу его внутренней социальной организации, не может, по мнению Зиновьева, изменить направление эволюционного процесса.

Таково, в весьма сжатом изложении, основное содержание обсуждаемой социально-философской концепции, развернутая версия которой дана в монографии «На пути к сверхобществу», а затем и в других работах. Поучительность обсуждаемой концепции в том, что она объясняет многие важные явления общественной жизни. Так, мы привыкли требовать от идеологии теоретической оформленности, ясной экспликации. Зиновьев же убедительно показывает, что идеология западнизма только выигрывает в плане практической действенности благодаря отсутствию жесткой кодификации. Это полезно было бы иметь в виду тем, кто занят поисками отчетливой формулировки белорусской национальной идеи.

О далеком историческом прошлом концепция Зиновьева говорит немного, и притом довольно отвлеченно. Вспомним хотя бы понятие человеиника, которое применимо и к предобществу, и к обществу, и к сверхобществу. А вот когда речь заходит о том, что происходило в течение XX и в начале XXI в., мысль исследователя обретает весьма отчетливую определенность и остроту. "Нерв" этой эпохи составляла борьба между коммунизмом и западнизмом. Правда, наряду с западной, существуют и другие цивилизации, которые едва ли безболезненно и без борьбы откажутся от своей самобытности и своих особых интересов. В работах Зиновьева незаслуженно мало места отведено, например, Китаю. Обсуждаемая концепция выиграла бы от более широкой ассимиляции в ней материалов геополитики. Вопросы культуры тоже представлены в ней весьма бегло и довольно сумбурно. Если считать социологию всеобъемлющей наукой о социальной действительности, то она должна поглотить политологию, экономические науки, правоведение, культурологию и многое другое. Было бы весьма любопытно и поучительно, с точки зрения решения задач образовательной деятельности, создать такую широкую понятийную систему, но на деле определенная дифференциация научных знаний об обществе представляется все же неизбежной.

Научные обществоведческие труды Зиновьева, при всей их внешней логической строгости, очень близки к его социологическим романам и нуждаются в них как существенном дополнении и иллюстрации. Может быть, это способно привлечь внимание современной читающей молодежи к предложенной им новой форме социальной философии, которая соединяет научные идеи и повседневные наблюдения, последовательные рассуждения и грустную иронию или даже сарказм. В многоголосье социально-философских учений прошлого и наших дней работы Зиновьева, отличающиеся не только теоретической глубиной, но и, так сказать, педагогичностью, призваны занять достойное место. Правда, как отмечал И.М. Ильинский, "зиновьевская социологическая концепция пока

не востребована ни профессионалами-социологами, ни педагогическим сообществом" [4, с. 5]. Значительный интерес к ней проявили прежде всего политические деятели преимущественно "левого" направления. В относящихся к ней высказываниях философов заметно соединение уважительного отношения с элементами удивления. Активное включение социально-философских идей Зиновьева в современный социально-философский дискурс пока не наблюдается. Даже в международных чтениях, проходивших в Москве через год после его смерти и посвященных его памяти, некоторые выступления видных ученых и философов излагали их собственные разработки и лишь косвенно затрагивали его учение. Над включением его в содержание социально-гуманитарного образования предстоит еще немало поработать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Зиновьев, А. А.** Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – Москва : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
2. **Зиновьев, А. А.** Фактор понимания. – Москва : Алгоритм, ЭКСМО, 2006. – 528 с.
3. **Зиновьев, А. А.** На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – Москва : Центрполиграф, 2000. – 638 с.
4. Зиновьевские чтения : материалы I Международной научной конференции. Москва 15–16 мая 2007 г. – Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – 208 с.

Поступила в редакцию 27.10.2015 г.
Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru
(Вишневыский Михаил Иванович)

Vishnevsky M.I. SOME SOCIAL AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF A.A. ZINOVIEV.

The article analyzes the main provisions of the socio-philosophical conception of A.A. Zinoviev and shows its non-dogmatic character. It is noted that this conception has a significant educational potentia, arising from the ideas put forward and the brightness of their literary processing.

Key words: social philosophy, cheloveinik, Westernism, super-society.

УДК 1 (476) (091)

**ОСОБЕННОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(на примере студенчества Могилевщины)**

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, доцент,
проректор по научной работе
МГУ имени А. А. Кулешова

В статье анализируется современное состояние религиозности в молодежной среде Могилевского региона. Показаны коллизии формальной религиозной и конфессиональной самоидентификации студентов, сопряженной с индифферентным отношением респондентов к каноническому праву, нормам вероучения и требованиям отправления культовых практик. Тем самым обосновывается задача сохранения и развития системы религиозного образования с целью предупреждения распространения нетерпимости и экстремизма в религиозной сфере общественной жизни.

Ключевые слова: религиозность, молодежная среда, студенчество, Могилевская область, формальная религиозность, религия, самоидентификация, конфессиональные ориентации, секуляризация.

Введение

Особое значение для анализа конфессиональных процессов имеет исследование религиозности населения [1, с. 38–50]. Адекватный научный прогноз развития религиозности граждан имеет множество измерений, среди которых важное место занимает религиозность в молодежной среде. Кроме того, актуальным представляется мировоззренческая ориентация и конфессиональная идентификация студенчества, поскольку эта категория молодежи в будущем будет в значительной мере определять развитие страны в сферах социально-экономической, общественно-политической и иной жизни.

Существует ряд публикаций по проблеме религиозности студенчества Могилевской области [2; 3; 4; 5; 6]. Последний по времени проведения специализированный социологический опрос студентов Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова был организован в 2012 г. При проведении исследования, участие в котором приняли 470 респондентов, была задействована социологическая группа МГУ имени А.А. Кулешова. Изучение религиозности молодежи предполагало выяснение ее степени, форм и характера выражения, процесса и условий формирования мотивации поведения, оценки места и роли религии в обществе и жизни человека.

Основная часть

Опрос 2012 г. учитывал два основных показателя степени формальной религиозности. Первый основан на личной оценке респондента своей религиозности, второй определен по главному признаку религиозного сознания – “вере в Бога”. В первом случае степень религиозности составила 57,3%. Во втором случае степень религиозности определяется в 36,6%. Эта часть респондентов заявила, что верит в Бога “полностью”. Еще 41,7% опрошенных выбрал ответ “скорее верю”. Высокая степень декларируемой религиозности объяснима с учетом современных реалий социальной и культурной жизни, влияния стереотипов общественного сознания, религиозной пропаганды в средствах массовой информации.

Полученные данные показывают высокий эклектизм связанных с религией мировоззренческих представлений студентов. Парадоксально, на первый взгляд, но такие обязательные атрибуты христианской веры, как вера в сверхъестественные силы, в Страшный Суд, во Второе пришествие Иисуса Христа, в Непорочное зачатие Девы Марии, в ад, в загробную жизнь набрали только от 8,3 до 15,4%, уступив по распространенности веру в астрологию, заговоры и сглаз (от 19,9 до 27,2%).

Нельзя не обратить внимание и на низкий уровень знания основ вероучения. Только 33,9% студентов заявило, что знают основные положения догматики “своей” религии. Отвечая на вопрос о знании Библии (Нового Завета), 18,5% показали, что не знакомы с содержанием этой книги, 16,1% – что знают “основные сюжеты”, 65,2% – что имеют о ней “некоторые представления”. В вопросе о чтении Библии 45,5% респондентов заявило: “нет, не читал”, а 40,2% дали положительный ответ на вопрос. Реальный процент, по-видимому, значительно, на порядок, ниже. Во всяком случае, на контрольный вопрос: “Как называется вторая книга Ветхого Завета”, который носил открытый характер, правильный ответ дали только 3,6% опрошенных. Среди читавших Библию лишь у 3,1% наибольший интерес вызвала догматическая сторона Священного Писания христианства.

Материалы опроса дают основание отметить тенденции развития мировоззренческой самоидентификации студентов. 57,4% опрошенных считают свой выбор между религией и свободомыслием завершенным, 14,7% респондентов – незавершенным, около 28% затруднились с ответом.

Исследование общей панорамы религиозности сопровождалось выявлением конкретных конфессиональных ориентаций, симпатий и антипатий. Полученные данные свидетельствуют о явно выраженной в сознании студентов традиционной для белорусского народа в целом, в том числе для восточного региона, высокой

степени доверия к православию (56,7%). При этом православная конфессиональная самоидентификация и позитивное в целом отношение к православию свойственно большинству студентов по всей выборке – как “верующим”, так и не определившимся в отношении к религии. Это может быть объяснено тем, что православие рассматривается в широком контексте – как явление культуры, компонент истории и духовной традиции белорусского народа.

Студенческая среда демонстрирует те же парадоксы сознания, что и “взрослая” часть белорусского общества, в том числе в региональном (Могилевская область) измерении. Так, по конфессиональной самоидентификации к православию себя отнесло примерно столько же респондентов, сколько по формальной религиозной самоидентификации – к “верующим” (56,7% и 57,3%). Но при этом о своей безоговорочной вере в Бога (“Да. Верю полностью”) заявило только 36,6% опрошенных. Иначе говоря, значительная часть “верующих” и значительная часть “православных”, согласно их собственной идентификации, не верит в Бога.

Важно соотносить показатели формальной религиозной и конфессиональной самоидентификации с соблюдением культовых практик. По результатам опроса, только 15,2% опрошенных принимают непосредственное участие в деятельности религиозной общины. О положительном отношении к религиозной обрядности заявили только 54,2% респондентов, об участии в ней – лишь 32,4% опрошенных. Среди мотивов участия 33,5% назвали традицию, 5,1% – настояние родителей, и только 11,2% – религиозную убежденность.

На вопрос о частоте участия в богослужениях только 2,5% указали, что придерживаются канонических церковных правил: раз в неделю. 34,6% заявили, что никогда не бывают на богослужениях, 23,9% – что раз в год, 21,2% – что раз в полгода. Интересно, что 3,6% респондентов (16 человек из 470 опрошенных) сообщили, что были на богослужении в минувшее воскресенье. Более активно студенты соблюдают “языческую”, по существу, традицию посещения кладбищ на Радуницу (посетили в этом году 67,6%, нет – 29,9%).

Число студентов, отождествляющих свою мировоззренческую позицию с религиозным неверием, сравнительно велико (19,2%). Выявилось также преимущественно позитивное отношение студенчества к светскому свободомыслию. 53% опрошенных считает свободомыслие традицией мировой культуры, 46% – путем к духовной свободе, лишь 28% – результатом бездуховности, а 21,7% – “пагубным заблуждением”.

Ряд полученных в ходе опроса данных свидетельствует о существовании в молодежной среде достаточно четко выраженной тенденции секуляризации. В частности, лишь 19% опро-

шенных студентов связывают общественный прогресс с усилением роли религиозных ценностей, тогда как 40,4% – с повышением благосостояния народа, а 70,5% – с развитием науки и техники.

Лишь 32,8% респондентов высказались за финансирование религиозных организаций из государственного бюджета. Примерно столько же (33%, против – 35,3%) полагает, что Беларуси необходима государственная религия. Весьма показателен тот факт, что большинство студентов – приверженцы светского характера государственной системы образования. Около 65% считают, что в государственных учреждениях образования должно преподаваться религиоведение как светский научный предмет, и лишь около 19% и 11% – что богословие и научный атеизм, соответственно. О светском видении образовательной системы свидетельствует и тот факт, что, по мнению лишь 9,8% респондентов, в государственных учреждениях образования должны обучать религии. Напротив, 55,8% считает, что должны изучать религию.

Сравнительное большинство опрошенных студентов продемонстрировало свою светскость, определяясь с вопросами о происхождении человека и возникновении “Священного Писания” христианства. При знакомстве с Библией догматическая (вероисповедная) сторона Священного Писания вызвала интерес лишь у 3,1% опрошенных. В целом студенчество видит в Библии памятник мировой культуры.

Участвовавшая в опросе студенческая молодежь декларировала самостоятельность в вопросе самоопределения по отношению к религии и церкви. Выбрав один из четырех предложенных ответов, 39,1% опрошенных полагает, что человек свободен в выборе между религией и свободомыслием (атеизмом). 41,7% считают, что человек свободен в выборе религии.

Значимым фактором, влияющим на формирование религиозных убеждений, стало появление реальной возможности знакомиться с религиозной, духовно-богословской литературой. Вместе с тем 18,5% респондентов сообщили о том, что не знакомы с содержанием Библии (Нового завета). 16,1% опрошенных указали, что знают основные сюжеты и положения Священного Писания христиан. 65,2% студентов имеют о Библии “некоторое представление”. Знакомство с религиозной литературой оценивается респондентами как менее важный источник религиозности, чем проповедь, влияние семьи, личный пример верующего или собственный опыт.

Анализ источников религиозных убеждений свидетельствует о большом значении самостоятельности выбора молодежи. Влияние средств массовой информации и религиозных институтов не может рассматриваться в качестве определяющего фактора. В своем духовном станов-

лении молодые люди осуществляют сегодня свой собственный духовно-мировоззренческий выбор, соотнося его на подсознательном уровне с традиционными формами религиозного самоопределения предшествующих поколений.

Явственно прослеживается стремление студентов к обретению личностных идейно-мировоззренческих ориентаций, причем вне контроля со стороны церкви. Этим объясняется то, что почти половина опрошенных студентов (49,3%) указали на ненужность церковного посредничества в общении человека с Богом. Лишь 25% полагали, что истинная вера возможна только в церкви. Главным назначением церковной организации 23,9% опрошенных считают исполнение культовых действий. Очень показательны, что только 2,5% респондентов считают, что государство должно помогать церкви увеличивать число верующих. Определяясь с вопросом, «должен ли выбор религиозных представлений быть результатом свободного выбора каждого?», 89,3% опрошенных ответило, что человек «может сам выбирать»; лишь 3,1% – что человек «должен следовать традиции»; 6% полагали, что «человек свободен только в рамках традиции». Показательно и то, что по этому вопросу не дали ответа только 1,6% респондентов.

Из полученного материала об отношении студенчества к религиям можно отметить направления в государственной политике по отношению к опасным организациям, которые могут найти одобрение в среде студенчества. Сравнительный анализ полученных данных позволяет определить число потенциальных сторонников религиозных организаций, официально определенных как представляющие угрозу для личности, общества, государства, в 13,9% от общего числа студентов, принявших участие в социологическом исследовании. Данная часть респондентов склонна полагать, что любые организации могут действовать свободно, и не видит никаких негативных последствий в их деятельности.

Во многом схожие результаты, в своих основных тенденциях, были получены и в ходе других исследований, проводимых в Могилевском регионе. Так, в ходе опроса 2005 г. студентов могилевского Белорусско-Российского университета (200 респондентов) 62,7% опрошенных показали, что считают себя верующими людьми. 79,3% определили свою конфессиональную принадлежность как православную. Православными называют себя даже те опрошенные, которые считают себя неверующими или затруднились ответить: верующие они или нет. При этом только 4% тех, кто объявляет себя верующими, посещают богослужения и участвуют в религиозных обрядах один–два раза в неделю, а третья часть опрошенных (34%) никогда не бывает в Храме, не участвует в богослужениях и в совершении религиозных обрядов. Две тре-

ти студентов (66%) сообщили, что имеют только некоторые представления об основных положениях вероучения. Религиозное сознание опрошенных эклектично, сочетает в себе веру в существование ада (42,4%), рая (41,7%), загробной жизни (47,5%) с верой в астрологию (40%), гадания (42%), НЛО (37,3%) и т. п. Для большинства опрошенных религия незначительно влияет на нравственность и образ жизни [2]. По опросам работающей и учащейся молодежи Могилевщины в возрасте от 16 до 30 лет (от 600 до 457 респондентов), проведенным в 2001–2009 гг. социологами Могилевского государственного университета продовольствия, верующими в бога себя считали более 60% опрошенных. Но представления о Боге в сознании респондентов не соответствуют представлениям тех вероисповеданий, к которым молодежь себя причисляет. В культовую деятельность включены не более 10–15% молодых людей. Относя себя к определенной церкви, эти «парадоксальные верующие» не обременяют себя исполнением требований церковной дисциплины, не торопятся участвовать в богослужениях, исполнять обряды и таинства, брать на себя ответственность перед общиной [5; 6].

Заключение

Таким образом, в молодежной среде могилевского региона наблюдается формирование феномена «неинституализированного верующего» (др.: «парадоксального верующего», «секулярного верующего»), схожего с общей эклектичной картиной самоопределения в отношении религии населения области в целом. Относя себя к определенной конфессии, молодежь демонстрирует незнание или неприятие фундаментальных вероучительных идей избранных ею исповеданий, может индифферентно относиться к нормам церковного права, не имеет связи с религиозной общиной. Можно прогнозировать, что воздействие религии на ценностные ориентации и мировоззренческую самоидентификацию части молодежи будет сохраняться. Вопрос состоит в том, какие формы религиозной жизни получат преимущественное распространение в этом сегменте молодежной среды – «традиционные» или «нетрадиционные», умеренные, фундаменталистские, фанатичные, экстремистские и т. п.

Это предельно актуализирует задачу сохранения и развития системы религиозно-педагогического образования. Однако в настоящее время в системе образования, прежде всего его высшем сегменте, наблюдается противоположная тенденция. Модернизации цикла социально-гуманитарных дисциплин предполагает существенное сокращение учебного времени на социальную гуманитаристику, не предусматривает обязательного изучения большей части базовых предметов философско-культурологического компонента. В числе последних оказа-

лось и религиоведение. В обстановке формирующейся религиоведческой неграмотности существует реальная опасность активизации явлений религиозно-деструктивного, оккультно-мистического характера. Религиоведческая неграмотность открывает возможности для распространения религиозной нетерпимости, фундаментализма, что, в свою очередь, является питательной почвой для религиозного экстремизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Старостенко, В. В.** Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории : монография / В. В. Старостенко. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2011. – 272 с. : ил.
2. **Дьяченко, О. В.** К вопросу о религиозности студенческой молодежи / О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко // Идеология и жизнь: материалы регионального семинара преподавателей гуманитарных дисциплин вузов Могилевской области / научн. ред. Ю. М. Бубнов. – Могилев : УПКП “Могилевская областная укрупненная типография имени Спиридона Соболя”, 2004. – С. 98–111.
3. **Минченя, Е. А.** Религиозное сознание студенческой технически ориентированной молодежи / Е. А. Минченя // Материалы научно-методической конференции, посвященной 45-летию Белорусско-Российского университета / редкол.: И. С. Сазонов (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2007. – С. 148–152.
4. **Старостенко, В. В.** Современные тенденции религиозной жизни и молодежь / В. В. Старостенко // Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века : материалы региональной научно-практической конференции 3–4 февраля 1998 г. – Могилев, 1998. – С. 167–169.
5. **Юдин, В. В.** Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси / В. В. Юдин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 150 с.
6. **Юдин, В. В.** Религиозность молодежи (по материалам исследований в Могилевской области) / В. В. Юдин // Социс. – 2006. – № 5. – С. 137–139.

Поступила в редакцию 07.07.2015 г.
Контакты: mogilev-relig-center-msu@mail.ru
(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V.V. RELIGIOUS SELF-DETERMINATION AMONG MODERN YOUTH (the students of Mogilev considered).

The article analyzes the current state of religiosity among young people of the Mogilev region. The author displays the collisions of formal religious and confessional self-determination of students linked to an indifferent attitude of the respondents to the canon law, doctrine and rules of religious practices. Thus the need to preserve and develop the system of religious studies is justified to prevent the spread of intolerance and extremism in the religious sphere of public life.

Key words: Religiosity, youth, student body, Mogilev region, formal religiosity, religion, self-determination, confessional orientation, secularization.

УДК 291.11

**ФЕНОМЕН НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ:
ГЕНЕЗИС И СПЕЦИФИКА****Е. А. Круподеря**

аспирант, Институт философии НАН Беларуси

В статье рассматриваются истоки феномена новой религиозности как социокультурной и духовной новации современного общества. Определяются факторы генезиса новых религиозных движений, представлены основные теории западного религиоведения в исследовании данной проблемы. Анализируются условия появления и распространения новых религиозных течений в Республике Беларусь, отражающие особенности генезиса новой религиозности на постсоветском пространстве. Выделены характерные черты новых религиозных движений, выражающие специфику их идеологии и практики.

Ключевые слова: религия, новые религиозные движения, генезис новой религиозности, постсоветское пространство, специфика некультов.

Введение

Одной из выразительных тенденций современной эпохи стал постоянный процесс возникновения новых религиозных течений, для которых характерны такие особенности, как эклектизм вероучения и практики, имитация древних и восточных мировоззрений, эзотеризма или наукообразия; акцент на идеях Апокалипсиса и мессианства; претензии на экуменизм и социальная направленность. Данные типы верований получили название *новых религиозных движений, нетрадиционной религиозности* или *неокультов*.

Различные новые религиозные течения возникают в западных странах со 2-й половины XX в. как альтернативные формы духовности или проявления контркультуры; многие из них отличаются крайней эклектичностью религиозной идеологии и философии, спецификой религиозно-психологического воздействия и культовой практики. В 1980-х гг. феномен новой религиозности начинает проявляться на территории СССР, а в 1990-е гг. – на постсоветском пространстве, в странах СНГ, включая Беларусь.

Масштабы распространения новых религиозных движений в мире, трансляция ими новых религиозных ценностей и идеологических концептов, а также занятие определенной социальной, культурной и политической ниши в обществе отражают их становление в качестве влиятельного феномена в мировоззренческой системе эпохи постмодерна. В то же время неоднозначные духовно-психологические воздействия, инциденты антисоциального характера в истории деятельности многих новых религиоз-

ных организаций [1] позволяют отметить и деструктивный потенциал, присущий данному явлению. В связи с этим феномен новых религиозных течений продолжает оставаться актуальным для исследований в различных аспектах, включая проблему генезиса данного явления как в глобальном, общецивилизационном контексте, так и в локальном (на постсоветском пространстве и непосредственно в Беларуси).

Основная часть

В отечественном религиоведении существует множество подходов к характеристике и типологии новой религиозности. Однако большинство классификаций (Е.С. Прокошиной, И.Ф. Рекуца, Т.П. Короткой, Н.А. Кутузовой) выделяют в качестве основных групп в той или иной формулировке псевдохристианские, или неохристианские, движения, неориенталистские движения и оккультно-мистические течения [2, с. 94–95]. Среди наиболее распространенных новых религиозных движений называют кришнаизм, бахаизм, “АУМ Синрикё”, “Богородичный центр”, “Великое Белое Братство”, сатанистов, “Семью Любви”, “Движение Объединения Муна”, “Церковь Последнего Завета”, “Церковь Сайентологии”, оккультно-мистические течения (“Агни-Йога”, теософия, “Трансцендентальная медитация”) и др.

Стоит отметить, что распространенной особенностью идеологии некультов является яркая приверженность хилизму или миллениаризму (учение о “тысячелетнем царстве божьем” на Земле), выражающаяся в ожидании скорого прихода “новой эры”, мистико-утопических проектах построения совершенного общества в реальной истории и скором времени, разнообразных социологических программах [3, с. 81].

Многие некульты представляют собой четко структурированные религиозные организации, отличающиеся отработанной системой вовлечения и психологической обработки неофитов, строгим контролем за последователями, ярко выраженным гуруизмом – почитанием лидеров как богов или исключительных мессий. При максимизации данных признаков их часто характеризуют как тоталитарные группы. Также некоторые исследователи, в частности, В.А. Мартинович, относят к новой религиозности институционально не оформленные течения или группы с минимальной организационной структурой, транслирующие религиозное или оккультно-мистическое знание либо предлагающие специфические услуги (“аудиторные и клиентурные культы”: деятельность различных школ и центров эзотерики, магии, экстрасенсорики, астрологии и т. д.) [4, с. 21–22].

Рассмотрение феномена новых религиозных движений (НРД) как одного из проявлений социокультурных и духовных новаций в мировой культуре и поиск его истоков предполагает об-

ращение к процессам, которые протекали в общественно-культурной и духовно-нравственной жизни во второй половине XX в. и обусловили изменения в массовом сознании.

В подобном ключе и происходило исследование генезиса НРД в западном религиоведении. Главной тенденцией здесь можно назвать анализ макросоциальной среды в культурно-религиозном контексте. По мнению многих западных, в основном американских, исследователей, работавших в данном русле, в разного рода социокультурных изменениях, имевших место в западном обществе начиная с 60-х гг. XX в., проявляется феномен социальной трансформации, который влечет за собой отчуждение индивида от прежних социальных структур и объединений и поиск новых, что и обусловило возникновение НРД. Основные же причины этого явления заключаются, во-первых, в преобразовании культурных и ценностных ориентиров; во-вторых, в деформациях социальной структуры (например, деинституализация многих аспектов частной жизни, что приводит к нравственной и психологической дезориентации); в-третьих, в изменениях роли и назначения религиозных институтов (связанных с проблемой секуляризации).

Основные теоретические подходы западных религиоведов в отношении феномена новой религиозности рассмотрены в работе Л. Можейко [5], здесь же обобщаются некоторые заключения относительно генезиса данного явления.

Первая из причин возникновения НРД была проанализирована в концепции Р. Беллы, согласно которой новая религиозность явилась последним элементом движения политического протеста и культурного экспериментирования. Новые идеалы, оспаривавшие традиционное христианство и утилитарную культуру Запада, способствовали возрастанию интереса к "альтернативным данным", которые обеспечивались новыми религиями. Р. Белла и некоторые другие исследователи – С. Типтон, С. Кент, – однако, делали оговорку, что новые религиозные движения не во всех случаях следует оценивать как прямое следствие явления контркультуры, ибо многие религиозные "экспериментаторы" ответили на призывы новых религиозных движений, разочаровавшись в других акциях контркультуры [5, с. 58].

Вторая причина появления новой религиозности была связана с большой познавательной и эмоциональной дезориентацией, ставшей следствием деинституализации многих аспектов частной жизни: исчезли традиционные запреты, правила относительно брака, воспитания детей, сексуальности, родственных отношений, профессии и духовности. Изменения произошли и в общественной сфере: разного рода государственных учреждений стали руководствоваться все более и более строго формальной рацио-

нальностью, рассчитанной на удовлетворение функциональных требований социальной структуры и мало учитывавшей желания и потребности членов этих учреждений. Следствием данных процессов неизбежно стал и рост числа людей, ностальгирующих по прежней системе, и социальные разногласия. В то же время расширявшаяся новая религиозность предлагала способ жизни в рамках более целостных структур, функционирующих с единым удовлетворяющим целеполаганием. Как отмечал социолог религии Дж. Хантер, новые религиозные движения "пытались восстановить смысл бытия через реконструирование или нововведение институционально надежных опор для существования", являясь результатом сложных проблем, испытываемых современным человечеством [6, с. 6].

Следующая выявленная американскими учеными причина появления новых религиозных движений – изменение в роли и назначении религиозных институтов – соотносилась с проблемой секуляризации и рассматривалась в следующем ракурсе: способствует ли новая религиозность распространению секуляризации или, напротив, знаменует собой предел или обратный ход секуляризации? В 1980-е гг. наиболее влиятельными были две полярные позиции, представленные в работах П. Бергера и И. Вилсона, с одной стороны, и Р. Старка и В. Бэйбриджа, с другой. Первая представляла новые религиозные движения как "остаток" религии, трансформировавшийся и адаптировавшийся к более скромному существованию в секулярном контексте; в сущности этих движений, в их фундаментальных моральных принципах и ритуалах учеными усматривались компоненты секулярного общества, которые не только не опровергаются, а развиваются и усиливаются. Их оппоненты же полагали, что новая религиозность – это новый этап развития религии, в некоторых случаях содержащий потенциал к истинному возрождению религии.

С конца 1980 – начала 1990-х гг. проявился еще один подход к проблеме генезиса новой религиозности – соотнесение этого феномена с общемировыми глобализационными процессами. Начало исследованиям в этом ключе было положено работами социолога религии Р. Робертсона (основной труд – "Глобализация: социальная теория и глобальная культура"). В частности, он обращает внимание на следующий момент: в современном обществе вследствие процесса глобализации одни аспекты жизни секуляризировались, а другие одновременно десекуляризировались; и отмечает два вида трансформаций. Во-первых, в мире появилось множество обстоятельств, благодаря которым некоторые личности оказались исключенными из традиционных социальных категорий; в том числе разрыв между личным и общественным,

тотальная индивидуализация общества, в результате которой человек оказывается как бы “лицом к лицу” со смертью. Ранее в данной ситуации на помощь приходила религиозная вера; и в настоящее время также осознание собственной беспомощности и одиночества заставляет человека обратиться к “сверхъестественным компенсаторам”. Соответственно, религия входит в набор функциональных координат, управляемых постиндустриальными, “системными” потребностями. Во-вторых, наблюдается обратная трансформация: увеличивается и более глубоко осознается как отдельными личностями, так и обществом в целом, потребность в оформлении “сильных” коллективных тождеств (семьи, разного рода групп единомышленников и т. п.). Призыв же к подобным коллективным объединениям является еще одной функцией религии: как традиционных вероучительных систем, так и более современных систем гражданской религии [5, с. 59–60].

Рассмотренные выше факторы обусловили специфику генезиса новой религиозности, которая выразилась, с одной стороны, в востребованности групповых объединений в формах, близких к религиозным организациям; с другой – в смещении фокуса религиозности с коллективных ритуальных практик к мировоззренческим проблемам поиска смысла и своего места, духовным практикам, выдвинутым на первый план личного религиозного опыта. Необходимость учитывать радикальный мировоззренческий плюрализм, секуляризацию сознания и конкуренцию с другими течениями обусловили аморфный или эклектичный характер вероучений в новых религиозных движениях.

Западноевропейская религиоведческая традиция в большей степени рассматривает новую религиозность в контексте собственно современной мировой конфессиональной ситуации. Ее представители (в основном, конфессионально ориентированные – православные и католические священники, протестантские пасторы) соотносят проблемы новой религиозности с такими явлениями, как миссионерство, экуменизм, прозелитизм и религиозный плюрализм. Некоторые исследователи полагают, что появлению новой религиозности во многом способствовал кризис религиозности “традиционной” (христианства для западной культуры). Например, немецкий философ М. Велькер считает, что “классические церкви в странах индустриально развитого Запада ничего не смогли противопоставить стремительно развивавшимся культурным процессам последних десятилетий XX в. и связанным с ними достижениям и кризисным ситуациям. Их фундаментальные духовные и богословские модели ориентации оказались недостаточными для того, чтобы постичь культурное развитие и творчески повлиять на него” [7, с. 74].

В контексте оценки глобальных общецивилизационных процессов весьма существенным оказалось влияние на мировосприятие социально-психологических факторов. XX в. в восприятии современников выступал не просто рубежом тысячелетий, но и эпохой природных и социальных катаклизмов, свидетельством глубокого кризиса, переживаемого человечеством и поразившего все сферы жизни общества: экологическую, социально-политическую, культурную, духовно-нравственную и религиозную. В массовом сознании это порождало острую психологическую напряженность и становилось основанием для возрождения или оживления религиозных чувств, особенно мистических и эсхатологических настроений. Таким образом, оживление религиозности и возникновение новых религиозных движений отражало реакцию людей на кризисное состояние социума, актуализировавшее компенсаторную функцию религии.

Генезис новой религиозности на постсоветском пространстве был обусловлен еще и спецификой социальной и духовной ситуации, сложившейся в последнее десятилетие XX в. Наступивший после распада СССР глубокий кризис, вызванный ломкой прежних государственно-политических, социально-экономических и идеологических основ, и трансформационные процессы переходного общества создали благоприятную почву для распространения новых религиозных движений. Социальные негативы: падение жизненного уровня, безработица, рост преступности и коррупции, наркомания, алкоголизм, духовно-нравственная деградация – приобрели ранее неизвестные масштабы. Это накладывалось на атмосферу идеологического и духовно-психологического кризиса, связанного с крушением прежней системы базисных мировоззренческих ориентаций и коммунистической идеологии, формируя пессимистическое социальное мироощущение, состояние страха, тревоги, неуверенности. С другой стороны, проявления морального кризиса и бездуховности вызывали, как обратную реакцию, “усиленное стремление людей к восприятию духовно-моральных, особенно религиозных, ценностей” [8, с. 10]. Возникшая необходимость заполнения образовавшегося мировоззренческого вакуума и поиска новых смысложизненных ориентиров приводила к возрождению религиозности, принимавшему разные, подчас неоднозначные формы, одной из которых стало увлечение “новыми религиями”.

Обратившись к анализу данного процесса, можно выделить при характеристике социокультурной ситуации в постсоветской Беларуси такие общие тенденции, как: резкая интенсификация деятельности религиозных организаций, связанная с их стремлением усилить свою роль в обществе, в т. ч. в культурно-образовательной и политической сфере, и направленная на уве-

личение масштабов своего влияния, причем не только на верующих, но и на неверующих и колеблющихся; наличие благоприятной социально-психологической почвы для этого, обусловленной особенностями трансформационных процессов в белорусском обществе; и, как следствие, значительное расширение сети религиозных объединений разной конфессиональной направленности [8, с. 3–5]. Таким образом, бурный рост религиозности является одним из характерных признаков духовной жизни Беларуси после распада СССР, но сопровождается изменением ее статуса и форм.

Складывающаяся в условиях переходного общества религиозная ситуация имела свои особенности и социодинамику, анализу которых посвящено немало социологических исследований. По оценкам Л.Е. Землякова, все социологические опросы, проводившиеся с конца 80-х гг., фиксировали тенденцию к росту числа верующих, но при этом традиционные религиозные представления принимали немногие из числа людей, декларирующих свою религиозность. Так, например, верили в рай 21%, в ад – 23%, загробную жизнь – 35%; зато в сверхъестественные силы – 59% респондентов. Очевидно, более чем у половины приверженцев религии религиозные представления оказывались размытыми, аморфными, не очень связанными с доктринальными установлениями той или иной конфессии [9, с. 24]. Кроме того, в связи с процессом переосмысления ценностных ориентиров адекватно изменившимся социокультурным обстоятельствам, имело место такое явление, как мировоззренческий индифферентизм, включающий и индифферентизм религиозный. Он означает проявление равнодушия не в отношении веры в сверхъестественное, а конкретно к церкви: к традиционным религиозным представлениям либо догматике, культовой практике и священнослужителям и т. д., в результате чего из религиозного сознания выпадают отдельные значимые элементы религиозного мировоззрения.

Итак, по наблюдениям исследователей, переживаемый обществом религиозный ренессанс был связан в значительной мере не с возвращением ортодоксальной религиозности, а с развитием “каких-то новых типов сознания, связанных определенным образом с религией, но мировоззренчески расплывчатых, весьма эклектичных, аморфных, со слабо очерченными границами...” [10, с. 137]. Это нашло свое отражение в амбивалентности религиозного сознания, отсутствии устойчивого культового поведения и религиозных авторитетов в лице церковной организации у верующих, поисках новой веры и новых авторитетов (включая феномен веры в “живого Бога”).

Данные явления свидетельствовали об общей тенденции изменения статуса религии в

современном обществе. На постсоветском же пространстве они выразились особенно ярко в связи с институционально-мировоззренческим фактором, обусловленным состоянием традиционных конфессий, и прежде всего православия, после распада СССР. То обстоятельство, что в советском государстве церковь длительное время была фактически выключена из идеологических процессов и социально-мировоззренческая система формировалась без участия элементов религиозного сознания, обусловило специфику религиозной ситуации в начале 1990-х гг. Она заключалась, во-первых, в трудностях восприятия людьми вероучения и культовой практики традиционных конфессий из-за отсутствия религиозного опыта; во-вторых, в сложности восстановления институциональных структур и организации культовой деятельности церкви, а также внутри- и межконфессиональных противоречиях. Как отмечают исследователи, важной особенностью распространения новых религий в Беларуси, как и во всех странах бывшего СССР, явилось отсутствие такого фактора, присущего западным странам, как развитая конфессиональная структура, где главенствующая роль принадлежит классическим религиям. Традиционные религии, чья сфера деятельности в советский период ограничивалась вплоть до самых жестких рамок, не могли сразу стать ориентиром для всех людей, ищущих духовной реализации [11, с. 6–9]. Это объясняет легкость увлечения новой религиозностью, мистицизмом, оккультизмом и т. д., чему способствовали также массовый интерес к необычным, экзотическим духовным новациям, “мода на сакральное”.

В результате, генезис новой религиозности проявился в возрождении и распространении неортодоксальных форм веры – паранаучной (астрология, экстрасенсорика, уфология) и квазирелигиозной (мантика, суеверия и т. д.), усилении миссионерской деятельности зарубежных проповедников и религиозных центров, появлении местных неокультов, росте числа соответствующих организаций и активизации их деятельности, религиозно-мистической и оккультной пропаганде в СМИ.

Следует обратить внимание на то, что благоприятную почву для развития новой религиозности создала государственно-конфессиональная политика, характеризовавшаяся на тот период фактическим отсутствием контроля со стороны властей религиозной ситуации.

На первом этапе восстановления конфессиональной структуры на территории СССР, включая территорию Беларуси, новые религии не только не имели конкуренции в лице классических религий, но и были поставлены в равные условия с ними. Создание таковых условий касалось и предоставления им государственных СМИ, аудиторий, и контактов на высшем уров-

не с представителями власти. В то же время законодательная база, регулирующая их деятельность, отсутствовала. Упразднение идеологической цензуры способствовало массовому тиражированию и пропаганде в СМИ новых вероучений [12, с. 67].

Либеральное законодательство (применительно к Республике Беларусь – закон “О свободе вероисповеданий и религиозных организациях” 1992 г.) создало благоприятный правовой климат для свободной деятельности религиозных организаций, причем все более интенсифицируемой, и обращения к ним широких масс населения, получивших возможность беспрепятственного удовлетворения своих религиозных потребностей. Оно предоставило широкую свободу для деятельности религиозных организаций, но не включило в себя правовой механизм защиты от возможных негативных последствий, преграждающий также активное проникновение политизированных миссионеров, проповедников различных религиозных заграничных центров и миссий.

Можно сказать, в начале 1990-х гг. государство фактически отказалось от регулирования конфессиональных процессов, даже тех, что касались сферы новой религиозности. В итоге, идеологический плюрализм и духовная свобода, преломившись сквозь призму сложившейся социокультурной ситуации, приобрели и неожиданно проблематичную форму, проявившуюся в активизации и бесконтрольной деятельности новых религиозных организаций. Только закон “О свободе совести и религиозных организациях” 2002 г. стал утверждением новой, более прагматичной модели государственно-конфессиональной политики, предполагающей ограничение деятельности новых религиозных организаций и контроль над процессом их появления. Например, была закреплена процедура обязательной государственной религиозно-экспертной экспертизы религиозных организаций, пропагандирующих идеологию и культ, ранее неизвестные в Республике Беларусь.

Таким образом, генезис новой религиозности в Беларуси был обусловлен рядом взаимосвязанных факторов, включающих и причины возникновения феномена НРД как общекультурной новации современного общества, и специфику социокультурной ситуации в нашей стране. Стоит учитывать и субъективно-психологические факторы, обеспечивающие подверженность индивида манипуляциям сознанием, что, по мнению многих исследователей, активно используется в психотехниках по привлечению и обработке адептов многими неоккультными организациями, особенно т. н. “деструктивными сектами”. Так, Е.К. Агеенкова отмечает, что человеческое “Я” имеет ряд естественных тенденций, побуждающих людей к их удовлетворению, и некоторые из этих базисных психологических

тенденций могут, при их неразрешении, быть основой для манипуляций сознанием человека и вовлечения его в любой вид деятельности. Среди таковых она называет: 1) тенденцию к группированию; 2) стремление к превосходству; 3) стремление к сказочному и таинственному; 4) сложные жизненные обстоятельства; 5) ориентацию на героя; 6) экзистенциальный аспект или явление “духовной пустоты”; 7) импринтинг [13]. Данные психологические факторы могут при определенных условиях способствовать развитию независимой, творческой, зрелой личности, но они же могут использоваться в осуществлении психологических манипуляций сознанием для вовлечения в деятельность неокультов.

Новые религиозные движения, при большом разнообразии, имеют общие черты, составляющие их специфику. К характерным признакам новых религиозных движений религиоведы в основном относят следующие особенности [14, с. 4–6; 15]:

1) Гуруизм – наличие авторитарной или абсолютной власти религиозных лидеров и их приближенных, основанной на их обожествлении, мессианстве.

Большинство новых религиозных организаций строятся по принципу пирамиды со строгой дисциплиной и иерархией во главе с “харизматическими лидерами”, имеющими исключительную способность влиять на поведение, образ мышления и жизни последователей от имени трансцендентных сил. При этом могут формироваться и горизонтальные сетевые структуры – дочерние, аффилированные организации, часто ориентированные на внекультовую, миссионерскую деятельность.

2) Синкретизм вероучения, включающего элементы различных религиозных идеологий и философий, как и принципы, разработанные идейными лидерами движения.

3) Эзотеризм – наличие уровня посвящения, части религиозных принципов и целей, ритуальных практик, доступных лишь высшей группе последователей.

4) Психотехники – использование систем специальных приемов и методик психологического и психофизиологического воздействия на сознание верующих для реформирования мышления, перестройки личностных характеристик и контроля поведения.

5) Претензии на обладание абсолютной истиной в познании мира и человека, исключительный сальвационизм (спасение человека и человечества).

Среди характерных черт новых религиозных движений также отмечают высокую степень личной вовлеченности последователей в жизнь религиозной группы, высокую миссионерскую активность. Особо можно подчеркнуть религиозный акцент на различных формах практической деятельности, в т. ч. внекультовой (финансовое обеспечение, социальные проекты).

Специфика идеологии и культовой практики неокультов, по мнению белорусского религиоведа Е.С. Прокошиной, определяет эффективность их всестороннего воздействия на человека, которое “осуществляется целенаправленно и в комплексе, через набор соответствующих методик и психотехник” [16, с. 9]. В этом может заключаться их деструктивный потенциал, ибо результатом подобной целенаправленной и систематической обработки может быть деформация личности, религиозное отчуждение и десоциализация поведения, психосоматические расстройства.

Заключение

В глобальном контексте, кризисное состояние общества, вызванное природными, социально-экономическими и политическими катаклизмами, социальными и культурными пертурбациями XX в., спровоцировало в массовом сознании людей острую психологическую напряженность и актуализировало компенсаторную функцию религии. В сочетании с трансформациями в культурно-религиозной и духовно-нравственной сфере (ломка традиций, новые ценностные ориентиры, явления контркультуры, изменения в роли и состоянии церковных институтов и т. д.), это привело к возникновению и распространению феномена новой религиозности. В Беларуси же на фон мировой социокультурной ситуации наслоились явления и процессы переходного общества, обусловленные локальными геополитическими, социально-экономическими и культурно-мировоззренческими трансформациями в связи с распадом социалистической системы СССР (в т. ч. неизвестные ранее масштабы социальных негативов, острый идеологический и духовно-психологический кризис, образование мировоззренческого вакуума и др.). В дополнении к этому выступил ряд частных факторов: активное и беспрепятственное миссионерство; благоприятствующая позиция властей, либеральное религиозное законодательство; проблемное положение традиционных конфессий, только восстанавливающих свои институциональные структуры, влияние на верующих и социокультурный статус; массовый интерес к сакральным новациям.

Если в Западной Европе и Америке новые религии возникают как альтернатива традиционной духовности и способ переосмысления статуса религии в формирующемся информационном обществе, то в постсоветских странах – еще и как следствие плюрализации всех социальных процессов, отражая разнообразие и неоднозначность форм возрождения религиозной жизни. И в зарубежных, и в отечественных научных кругах неокульты в основном рассматриваются не как исключительно религиозный, а как скорее социокультурный феномен, возникающий во время перехода к постиндустриальному

и информационному обществу и обладающий качественно новыми (по сравнению с “традиционными религиями”) особенностями и неоднозначным потенциалом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Singer, Margaret Thaler*. Cults in Our Midst. – San Francisco : Jossy-Bass, 1995.
2. *Старостенко, В. В.* Религии в современной Беларуси : пособие / В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2012. – 192 с.
3. *Короткая, Т. П.* Социальные утопии / Т. П. Короткая // Неокульты: идеология и практика / Е. С. Прокошина, Н. А. Кутузова [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 200 с.
4. *Мартинович, В. А.* Нетрадиционная религиозность в Беларуси: тенденции и опасности / В. А. Мартинович. – Минск : БПЦ, 2010. – 143 с.
5. *Можейко, Л. М.* Феномен неокультов как объект рефлексии: важнейшие подходы и результаты / Л. М. Можейко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гіст. Філ. Паліт. – 2002. – № 2. – С. 56–63.
6. *Hunter, J. D.* The new religions: Demodernization and the protest against modernity / J. D. Hunter // The social impact of new religious movements / edited by V. Wilson. – New York : the Rose of Sharon Press, 1981. – P. 1–19.
7. *Рыжов, Ю. В.* Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве / Ю. В. Рыжов. – М. : Смысл, 2006. – 328 с.
8. *Бабосаў, Я. М.* Сацыядынаміка рэлігійнасці і рэлігійнай сітуацыі ў постсацыялістычнай Беларусі / Я. М. Бабосаў // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1995. – № 3. – С. 3–13.
9. *Земляков, Л.* Государство и церковь сквозь призму закона / Л. Земляков // Беларуская думка. – 1999. – № 5. – С. 23–30.
10. *Новикова, Л.* О специфике современной культурно-религиозной идентификации белорусов / Л. Новикова, Е. Белая // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Международной научно-практической конференции (Минск – Жировичи, 7 июня 2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. Духовн. акад. им. Святого Кирилла Туровского ; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск : Бел. наука, 2008. – С. 137–140.
11. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси : пособие для рук-лей учр-й образования, педагогов, воспитателей / сост. А. И. Осипов ; под ред. А. И. Осипова. – Минск : Беларусь, 2000. – 255 с.
12. *Гурко, А. В.* Новые религии в Беларуси: генезис, эволюция, последователи : [монография] / А. В. Гурко. – Минск : МИУ, 2006. – 276 с.

13. **Агеенкова, Е. К.** Социально-психологические аспекты распространения неокультов в современном обществе / персональный сайт Агеенковой Е. К. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ageenkova.ru/klit.html>. – Дата доступа: 10.02.2015.
14. **Дьяченко, О. В.** Религиозные организации “деструктивной” направленности в современной Беларуси / О. В. Дьяченко. – Могилев : УО “МГУ им. А. А. Кулешова”, 2008. – 72 с.
15. **Прокошина, Е. С.** Причины, сущность и особенности нетрадиционной религиозности / Е. С. Прокошина // Религия и общество-3: актуальные проблемы современного религиоведения : сборник научных трудов / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко ; Мин-во образования РБ ; МГУ им. А. А. Кулешова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. – С. 35–40.
16. **Прокошина, Е. С.** Неокульты: характер духовно-психологического воздействия / Е. С. Прокошина // Неокульты: идеология

и практика / Е. С. Прокошина, Н. А. Кутузова [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 200 с.

Поступила в редакцию 16.03.2015 г.
Контакты: helen.24.09@mail.ru
(Круподеря Елена Анатольевна)

Krupoderya H. A. PHENOMENON OF NEW RELIGIOSITY: GENESIS AND SPECIFICITY.

The article deals with the background of new religiosity regarded as a socio-cultural and spiritual innovation in the modern society. The factors of genesis of new religious movements are determined and the main theoretical approaches to this problem in western Religious Studies are represented. With a view to illustrate the specificity of genesis of new religions in the post-soviet region the circumstances of their appearance and expansion in Belarus are analyzed. The characteristics of new religious movements are described to define special features of their ideology and practice.

Key words: religion, new religious movements, genesis of new religiosity, post-soviet region, specificity of neocults.

УДК 159.955.4:008 + 371

**ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОЦЕССЕ
СОЦИАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ**

С. А. Мякчило,
научный сотрудник,
Институт философии НАН Беларуси

В статье демонстрируется использование методологических принципов социокультурной рефлексии к одной из самых сложных подсистем современного общества – образовательно-социализационной сфере. Ее эволюция напрямую связана с внедрением современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и формированием пространства электронных сетевых коммуникаций как особой среды общения, взаимодействия и солидарности. Этот процесс рассматривается как результат неоднозначного сочетания двух линий детерминации – культурно-цивилизационной (ее ипостась – технологическая детерминация) и частно-социальной, представляющей в форме политики информатизации. Выдвигаются подходы к оптимальной социализации ИКТ в учебной, воспитательной и общественной работе в соответствии с парадигмой “образования через всю жизнь”.

Ключевые слова: социокультурная рефлексия, информационно-коммуникационные технологии, культурно-цивилизационная детерминация, частно-социальная детерминация.

Введение

Масштабные изменения, происходящие под знаком становления информационного общества, не только затрагивают эмпирическую форму социокультурного процесса, но и воздействуют и на систему категорий, в которых фиксируется динамика коммуникативного пространства, ориентиры личностной, групповой, национально-культурной самоидентификации.

Методологические подходы к пониманию современного общества как информационного заложены в работах Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса, М. Маклюэна, Й. Масуда, А. Турена. Значимую роль в применении полученных выводов к специфике постсоветских стран сыграли работы отечественных исследователей В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, В.П. Руднева, А.Д. Урсула, М. Эпштейна. Проблемы адаптации человека к жизнедеятельности в коммуникационно-сетевом пространстве с учетом более общих вопросов экологии сознания рассматриваются в публикациях Э.В. Гирусова, Р.С. Карпинской, И.К. Лисеева, И.В. Мелик-Гайказян, Е.В. Жуковой и др.

Результатирует упомянутые здесь и другие исследования такая картина социальной реальности, в которой политике и методологии управления информацией и знаниями принадлежит

роль одного из важнейших регуляторов социальной динамики. Э. Агацци в этом контексте говорит о двух измерениях понятия “знание”: с одной стороны, оно рассматривается “как продукт, который может быть произведен, обменен, продан”, а с другой – “как орудие, как всепроникающая демонстрация нематериальных инструментов... для обеспечения наилучшего действия всех секторов экономики”. “Эти два значения, – подчеркивает ученый, – можно различать, но не разделять” [1, с. 5].

Адекватным средством, способным помочь в междисциплинарном осмыслении информационного общества и, в частности, образовательно-социализационной сферы как его важнейшей подсистемы видится *социокультурная рефлексия*. Представление о ней формируется в развитие более традиционного понятия о рефлексии культуры как средстве “переосмысления состоявшихся культурных актов и... опыта в поисках новых парадигм развития культуры и собственного культурного роста” [2, с. 164]. Подразумевается, что социокультурная рефлексия не только является способом высветлить характерные черты культурной динамики, находясь “внутри” ее процесса, но и помогает скорректировать эту оценку с представлением о специфике, путях и направлениях эволюции подсистем общества. За примером такого подхода можно обратиться, в частности, к недавней работе И.А. Вальдмана [3].

Предметом социокультурной рефлексии становится культурный статус интеграции и дезинтеграции, кооперации и отчуждения, различных форм общности между людьми. Когда такая рефлексия воплощается в научном исследовании, единицей анализа выступает не отдельный феномен общественной жизни, а особая *функциональная связка*, выстроенная по модели “подсистема социума – действующий фактор или технология, кардинально определяющая развитие подсистемы” (в западной литературе это обозначается как “enabling technology”). Такими связками являются, к примеру “политическая система – социальные технологии”, “производственно-экономическая система – инновационная деятельность”, “культура – массовые коммуникации”. Состояние подсистемы обусловлено способностью действующего фактора компенсировать внутренние противоречия подсистемы, обеспечивать реакцию на изменение внешней среды. Одной из наиболее важных связок, воздействующих на облик социума сегодня, является схема “образовательно-социализационная подсистема – информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)”.

Основная часть

Система образования на постсоветском пространстве за последние два десятилетия прошла путь реформирования, сопряженный как с

имплицитными противоречиями самой ситуации транзитивности, так и с наличием несводимых друг к другу ценностных факторов. Как следствие, в обществе сложилось неоднозначное отношение к самой идее реформы. Стало общим местом утверждение, что резкие изменения в системе образования наносят ущерб онтогенезу личности, формируют предпосылки «выпадения» человека из социокультурной пре-емственности.

Реформы образования, как и другие подобные управленческие решения, реализуются в рамках определенной политики, на уровне *частно-социальной детерминации*. Однако над этой сферой (и сравнительно независимо от нее) существует и *культурно-цивилизационная детерминация*, объемлющая общие тренды социодинамики в мировоззренческом, ценностном, эпистемологическом, технологическом разрезах. Последние не всегда прямо проявляются в управленческих решениях, однако влияют на них.

В большинстве случаев эти уровни дополняют друг друга, однако соотношение между ними неравновесно. Приоритет *частно-социального* уровня характерен для обществ, проходящих этап национально-государственного строительства или форсированной модернизации. При этом система образования частично или полностью переводится «в режим ручного управления». Историческими примерами такого рода могут служить деятельность Эдукационной комиссии в Речи Посполитой, Гумбольдтовская реформа образования в Пруссии, становление системы всеобщего образования в Советском Союзе, постсоветские реформы. Напротив, культурно-цивилизационный приоритет характерен для периодов самогармонизации образовательно-воспитательной среды. В этих условиях образование предстает как система с многофакторной детерминацией, а управление ею коррелирует с основными векторами социальной политики (анализ этих процессов представлен, в частности, в монографии [4]). В числе недавних примеров можно назвать так называемую LMD-реформу во Франции.

Культурно-цивилизационная детерминация реализуется через ряд каналов влияния. Одним из важнейших является технологический канал: образование испытывает постоянное воздействие технологических новаций. Их можно рассматривать как элемент «мягкой силы», направленно стимулирующий эволюцию системы образования. Разумеется, технологии – в особенности информационные – сами по себе феномен культуры, поэтому в наше время принято говорить об этическом, эстетическом содержании технологий, их вторичном «освоении» в художественной практике: «Феномен эстетизации технологий обретает стилистическую форму в таких художественных направлениях как «high-tech», «digital-art», «net-art» [5].

Из этого можно было бы сделать вывод, что технологическая детерминация как форма культурно-цивилизационной «предпочтительнее» чем *частно-социальная*, если бы не несколько оговорок. Во-первых, типичные компоненты образования опираются на сложившиеся, освоенные технологии, тогда как новые технологии вырастают в относительно обособленной среде научных и инженерных элит. Квалификация человека, только покинувшего учебное заведение, может сразу оказаться недостаточной для решения передовых технологических задач. Такая проблема характерна для многих стран с форсированным темпом модернизации. Во-вторых, технологическая детерминация прагматизирует процесс образования, ограничивает его гуманистический потенциал, что чревато ростом отчуждения между людьми, доминированием технических компетенций над познавательными, коммуникативными, эмоционально-эмпатийными. В-третьих, технообогащение процесса образования как правило проходит неравномерно: на смену периоду административных или материально-экономических ограничений на новейшие технологии приходит время их интенсивного внедрения. То, что еще вчера было в образовательном процессе недоступно или неприемлемо, сегодня активно вторгается в него, предлагая новые компетенции и модели поведения. Как обучающие, так и обучаемые оказываются равно неподготовленными к этому.

В реальной практике векторы двух типов детерминации сходятся. Адаптация людей к условиям жизни в насыщенной среде электронных коммуникаций носит не только функциональный, поведенческий, но и эмоциональный характер. С этим наше общество столкнулось в начале 2000-х гг., когда в течение нескольких лет заметно улучшилась техническая база образования: персональный компьютер стал неотъемлемым атрибутом учебной деятельности; получил распространение доступ в Интернет; распространение информации через сеть стало типичной формой внеаудиторной работы. Помимо содержания, изменился и «стиль» образовательной коммуникации, а в известной степени, и ее ценностная составляющая.

Социокультурная рефлексия этого процесса отразила несколько стадий общественного восприятия ИКТ: от эйфории и, в общем смысле, избыточно высокой оценки новых технологий к трудностям их освоения, разочарованиям и, наконец, скептическому отношению к ним.

Выяснилось, что ИКТ недостаточно выполняют обеспечительную функцию по отношению к своей подсистеме. При новом технологическом антураже реальная продуктивность образовательно-воспитательной работы если и выросла, то не на порядок, а в ряде случаев – даже снизилась. Как отмечают авторы доклада всемирной Организации экономического сотрудни-

чества и развития, “пробелы в «цифровых» навыках педагогов и учащихся, сложности с выделением высококачественных образовательных ресурсов... недостаточная подготовленность к тому, чтобы осмысленно вовлекать технологии в учебный процесс создают разрыв между ожиданиями и реальностью. Если не принять эти вызовы всерьез... технологии могут принести больше вреда чем пользы для таких взаимодействий педагогов и обучающихся, которые основываются на высокоуровневом мышлении и понимании” [6, с. 190].

К тому же, неодинаковое “проникновение” ИКТ в различные возрастные группы рисует парадоксальную картину информационно-сетевой социализации. Социализация как “воспроизводство системы социальных связей индивида за счет его активной деятельности и активного включения в социальную среду” [7, с. 19] фактически происходит сегодня в двух средах: традиционной (семья, дошкольное учреждение, школа, вуз и т. п.) и сетевой (сообщество пользователей компьютерных игр, социальных сетей). Параллельно этим двум средам складываются и две модели социализации – та, что ориентирована на мировоззрение и ценности первичного круга жизни человека (отношения с родными, включение в соседскую общину, ученический коллектив, вплоть до первого трудоустройства) и та, которая нацелена на извлечение эффекта из общения в сетевой среде, выстраивающейся “поверх барьеров” возрастной, статусной, профессиональной демаркации. В этих условиях возникает феномен обращенной социализации, когда “исходная (внесетевая) социализация теряет значимость, а изначально вторичная (сетевая), напротив, приобретает конститутивный статус. Но поскольку при этом субъект продолжает функционировать и во внеиртуальной среде, то его связи и отношения в ней вновь пересматриваются... имеет место своего рода «третичная» социализация на базе вторичной, которая представляет собой и возврат «по спирали» к первичной социализации, и ее ревизию” [8, с. 92]. Происходит, в терминологии М. Мид, переход от постфигуративного типа культуры к префигуративному.

В целом противоречия в сочетании культурно-цивилизационной и частно-социальной детерминации влекут за собой ряд рисков. Социокультурная рефлексия позволяет типологизировать их по схеме “обучаемые – преподаватели – семьи (родители)”.

К рискам для *обучаемых* можно отнести: распространение пользовательского отношения к информации; отказ от самостоятельной поисковой работы; низкую критичность к информации, циркулирующей по сетевым каналам и, в целом, неразвитость критических компетенций (“инфантильность” мышления, сохраняющаяся даже в возрасте принятия самостоятельных ре-

шений); феномен “Уклипового мышления”; обесценение самой ситуации обучения как деривата традиционной социализации; ориентацию на тестовую процедуру проверки знаний (наиболее распространенную, в силу простоты, в электронных системах). Отсюда – проблема с развернутым, нелинейным воспроизведением даже хорошо усвоенного материала, сложности ориентации в проблемных контекстах, неприятие больших объемов теоретического материала, развернутых текстов.

В числе рисков факторов для педагогов можно назвать отставание в освоении общераспространенных ИКТ от самих обучаемых, что снижает эффективность учебной работы, а косвенно – и моральный авторитет педагога; формально-демонстративное использование ИКТ с целью создать привлекательный “технологичный антураж”; формирование негативного отношения к ИКТ как частного случая технофобии; убежденность, что и в современных условиях коренные задачи образования можно решать, “вынося за скобки” технологические характеристики общества.

Наконец, риски для членов семей обучаемых включают в себя потенциальный знаниевый, ценностный и эстетический (стилевой) разрыв в общении с младшим поколением; непонимание действительного смысла, мотивов поведения ребенка или подростка в информационно-сетевой среде из-за слабого понимания законов этой среды; недостаточное внимание к подлинным переживаниям и изменениям в мировоззрении близких людей, активно вовлеченных в сетевые сообщества, что порождает феномен “жизни в разных мирах”. В других случаях может проявиться резко негативное отношение к ИКТ, что, в конечном счете, не меньше деформирует воспитательный процесс, препятствуя социализации по актуальным каналам.

Даже приведенный здесь поверхностный обзор убеждает, что ситуация в связке “образовательно-социализационная подсистема – ИКТ” нуждается в лучшем управлении. Речь идет уже не об оптимизации вхождения ИКТ в образовательно-воспитательное пространство (этот процесс – отчасти планомерно, отчасти стихийно – состоялся), а об обосновании оптимального сочетания традиционной и технологической регуляции, адекватной соотношению между частно-социальными и цивилизационно-культурными детерминантами образования. Это подразумевает, что ИКТ в образовании сами по себе не играют положительную или отрицательную роль. Правомерно говорить лишь о различных модулях использования ИКТ, об их сравнительной успешности.

Модус “ИКТ – мотив” обусловлен тем, что информационные технологии могут выступать стимулом познавательной деятельности и реально служат мощнейшим фактором социализации.

зации. Через приобщение к сообществу пользователей ИКТ личность ускоренно совершенствует коммуникативные компетенции, навыки поисково-ориентационного поведения. Это отмечено педагогами: “Проведение уроков с использованием информационных технологий – это мощный стимул в обучении... Активизируются психические процессы учащихся... гораздо активнее и быстрее происходит возбуждение познавательного интереса” [9, с. 46], – и подтверждается исследованиями в области когнитивной психологии: так, “видеоигры обладают потенциалом для масштабных изменений в различных аспектах человеческого поведения, включая познавательные способности... могут быть разработаны игры, оказывающие устойчивое положительное влияние на когнитивные навыки человека” [10].

Модус “ИКТ – средство” опирается на то, что информационные технологии служат фактором особой функциональной настройки мышления, связанной с оперированием абстрактными категориями, способностью реализовывать сложные алгоритмы мышления и деятельности. Они вполне соответствуют приоритетам “инженеризации” образования, понимаемой как система мероприятий по формированию рационально-логического мышления, овладения высокоуровневыми понятиями (такими, как категории инженерного моделирования, алгоритмизации, логики, этики). Инженеризация (или, как говорят, “математизация”) не противоречит и идеалам гуманистического образования: развитые рационально-логические компетенции способствуют формированию гуманитарного кругозора личности, умения анализировать, понимать и при необходимости прогнозировать поведение других людей. “В современных образовательных технологиях наряду с дихотомией «знания ради знаний»... и «знания ради преобразований» (компетентностная парадигма) актуальным становится решение проблемы гуманизации... педагогического процесса, основанной на интеграции, синтезации и методологизации учебного процесса”, – отмечает Г.П. Бахтина [11, с. 34].

Наконец, модус “ИКТ – цель” связан с идеей структурных реформ в системе хозяйствования, которые ориентированы на индустрию высоких технологий, информационной продукции и услуг, стремятся придать ей статус одного из локомотивов экономики. Необходимо формирование целого класса кадров, сочетающих знания в области ИКТ со специальными компетенциями для работы со всем спектром программных продуктов и услуг. Именно этот класс составляет основу экономики знаний – “экономики креативности... кристаллизации новых идей и способов их реализации”, ориентированной на производство товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью за счет интенсивного использования интеллектуального ресурса [12].

В образовательно-социализационной практике эти модусы сегодня представлены несистемно. Различные мероприятия информатизации, отнюдь не плохие сами по себе, бывают нацелены на актуализацию какого-то одного из них в ущерб другим. Этим обусловлена возможность патологической формы развития для каждого из модусов. Так, понимание ИКТ как мотива нередко стимулирует компьютеризацию как самоцель, с невниманием к ее мировоззренческим последствиям. Постулирование ИКТ как средства может выродиться в чисто алгоритмическое их применение, редуцирующее образовательную ситуацию подобно тому как масса тестовых методик искажает межличностный контекст обучения. Позиционирование ИКТ как цели при некритическом отношении может привести к “кампанейскому” подходу к подготовке специалистов, кадровому дисбалансу в экономике страны.

Для того чтобы по возможности упредить эти риски, было бы целесообразным реализовать такую схему, в которой три модуса использования ИКТ были бы иерархически организованы и формировали целостную структуру, адекватную различным стадиям социализации обучаемых.

На первом уровне (ориентированном на младшую возрастную группу) ведущим призван выступить модус “ИКТ – мотив”. Эмоциональная привлекательность компьютерных технологий должна использоваться как мотив к более успешной учебной деятельности, нестандартному творческому мышлению. Речь идет о воплощении своего рода политик доступа к электронным сетевым коммуникациям, открывающегося по мере того как обучаемый получает определенные знания, что позволяет организовать процесс обучения в форме ветвящихся заданий, так называемых “квестов”.

На втором уровне, ориентированном на аудиторию старших школьников и студентов, в силу возрастной перестройки психики “ИКТ – мотив” отступает, выдвигая на первый план модус “ИКТ – средство”. Именно на этом уровне ИКТ становятся фактором формирования способности рационально мыслить, оперировать абстрактными категориями и нелинейными алгоритмами мышления. Мероприятия на этом уровне должны быть направлены на развитие критичности мышления, в том числе формирование логико-критических “фильтров” для информации.

На третьем уровне ИКТ, воспринимаемые как целевой ориентир модернизации, предстают перед нами в двух ипостасях: в роли фактора складывания мощного класса специалистов в сфере информации и коммуникаций – основного субъекта информационной экономики и как средство повышения качества жизни различных слоев населения. Освоение современных ИКТ выступает механизмом профессионального ро-

ста преодоления отчуждения и одиночества, поддержания социальной и ментальной активности в старшем возрасте.

Заключение

Внедрение ИКТ в образовательно-социализационную работу является существенным этапом культурогенеза современного общества, способствует становлению нового уровня социальной кооперации и солидарности. Однако приемы социокультурной рефлексии позволяют выявить в этом процессе ряд затруднений, связанных с меняющимся статусом всех его субъектов – педагогов, обучаемых и семей. Как минимум часть этих затруднений связана с неплановой реализацией трех модулей внедрения ИКТ: стимулирующего (“мотив”), методического (“средство”) и целевого. Осознание этого факта, как и реализация мер по их выстраиванию в темпорально и иерархически организованную структуру, соответствующую принципам “образования через всю жизнь”, не только позволит придать большую системность образовательной политике, но способствует переводу всей социально-экономической системы на рельсы экономики знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Агацци, Э.** Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 2–20.
2. **Тумаларьян, В. М.** Рефлексия культурная / В. М. Тумаларьян // Культурология: XX век. Энциклопедия : в 2 т. – СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 2. – С. 163–164.
3. **Вальдман, И. А.** Социокультурная рефлексия свободы: политогенез и культурно-историческая память / И. А. Вальдман // Высшее образование в России. – 2010. – № 12. – С. 131–136.
4. **Шпаковская, Л. Л.** Политика высшего образования в Европе и России / Л. Л. Шпаковская. – СПб. : Норма, 2007. – 328 с.
5. **Александрова, Л. Д.** Гуманитарная и технологическая детерминация культуры и ее влияние на образование XXI века / Л. Д. Александрова // Педагогические и информационные технологии в образовании [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://journals.susu.ac.ru/pit-edu/article/view/255/181>. – Дата доступа: 01.06.2014.
6. **Students, Computers and Learning: Making the Connection / PISA.** – OECD Publishing, 2015. – 204 p.
7. **Майер, А. А.** Полипарадигмальный статус социализации детства / А. А. Майер // Человек и образование. – 2008. – №4. – С. 19–23.

8. **Лазаревич, А. А.** Наше интернет-поколение. Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций // Белорусская думка. – 2014. – № 10. – С. 86–93.
9. **Тюгаева, О. В.** Об использовании компьютерных технологий на уроках математики в школе / О. В. Тюгаева // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 4(119). – С. 46–48.
10. **Green, C. Shawn.** The Impacts of Video Games on Cognition (and How the Government Can Guide the Industry) / C. Shawn Green, Aaron R. Seitz // Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://bbs.sagepub.com/content/2/1/101.full>. – Дата доступа: 01.10.2015.
11. **Бахтина, Г. П.** Математизация науки и образования – необходимое условие реализации концепции устойчивого развития / Г. П. Бахтина // Инженерное образование. – 2009. – № 5. – С. 28–34.
12. **Философия экономики знаний: круглый стол / Н. Романова, И. Кириленко // Советская Белоруссия.** – № 234 (24371). – 12.12.2013.

Поступила в редакцию 08.10.2015 г.
 Контакты: velwetowl@gmail.com
 (Мякчило Степан Антонович)

Miakchilo S.A. INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL SPHERE AND THE PROCESS OF SOCIALIZATION: THE EXPERIENCE OF SOCIO-CULTURAL REFLECTION.

The article demonstrates the implementation of the methodological principles of socio-cultural reflection in one of the most complex subsystems of modern society - the sphere of education and socialization. Its evolution is directly connected to the introduction of modern information and communication technologies (ICT) and the formation of network electronic space as a special medium of communication, cooperation and solidarity. This process is considered as a result of the ambiguous combination of the two lines of determination – cultural and civilizational (as such, technological determination is perceived as its special case) and concrete-social, prevailing in the form of informatization policy. Through the prism of socio-cultural reflection the author substantiates the approaches to streamlining the use of information and communication technologies in the educational sphere with the “lifelong education” paradigm.

Key words: socio-cultural reflection, informational and communicative technologies, cultural and civilizational determination, concrete-social determination.

УДК 94 (470)

**ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО
ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ
ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Э. В. Старостенко

аспирант

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Статья посвящена анализу источников личного происхождения, содержащих сведения о деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны. Рассматриваются особенности данного вида источников, излагается их обзор и оценка, объясняется необходимость исследования мемуарных источников при изучении деятельности военного духовенства в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, православная церковь, Ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства, православное военное духовенство, Г. Шавельский.

Введение

Деятельность православного военного духовенства относится к наименее изученным аспектам истории Первой мировой войны. Данная проблема может быть исследована на основе широкого круга письменных источников: законодательных актов, материалов делопроизводства, периодической печати, архивных документов и др. В числе наиболее важных следует также назвать источники личного происхождения. Среди них первостепенное значение имеют воспоминания (мемуары), дневники, переписка.

Специальные научные исследования, посвященные изучению проблемы православного военного духовенства в годы войны на основе эпистолярных источников, отсутствуют. Однако данный вид источников упоминается в историографических обзорах ряда российских исследователей: диссертация М.И. Ивашко «Российская армия и церковь (XVIII – начало XX века): историографическое исследование» [1], работы К.Г. Капкова «Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начало XX веков: Итоги к 1917 г.» [2], С.Ю. Чимарова «Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг.» [3], В.М. Коткова «Военное духовенство России: страницы истории» [4].

Оценки, содержащиеся в эпистолярных источниках, носят субъективный характер, однако это не уменьшает их значимость и ценность. Документы личного происхождения предостав-

ляют исследователям возможность получить информацию об изучаемых событиях из «первых рук», определить отношение автора к изменениям, происходящим в обществе и государстве, проанализировать его оценки тех или иных событий.

Авторами эпистолярных источников эпохи Российской империи выступают, преимущественно, представители дворянства. Но немногие из них могли быть свидетелями деятельности православных военных священников. Упоминания о ведомстве при протопресвитере военного и морского духовенства и деятельности духовенства в армии встречаются в воспоминаниях военных и светских священников, лиц, находившихся при Ставке Главнокомандующего или посещавших ее, военного командования.

Основная часть

Важнейшими среди документов личного происхождения, и в целом наиболее значимыми источниками по истории православного военного духовенства являются воспоминания протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского. Он был последним протопресвитером военного и морского духовенства и находился в этой должности на протяжении всей Первой мировой войны. С первых дней своего протопресвитерства Шавельский начал претворять в жизнь мероприятия, призванные улучшить работу и положение военного духовенства. Среди таких мероприятий можно назвать более профессиональный отбор кадров, улучшение материального положения священников, сбор и анализ данных о деятельности военных пастырей, подготовка материалов, фиксирующих обязанности священника на фронте и прочее. Кроме того, во время нахождения Шавельского в должности протопресвитера были организованы два съезда военного и морского духовенства: в Петербурге (1–10 июля 1914 г.) и в Могилеве (1–11 июля 1917 г.). Во время Первой мировой войны протопресвитер находился при Ставке Главнокомандующего, что дало ему возможность быть в курсе военных событий. Известно, что за время войны протопресвитер объехал почти весь фронт, старался контролировать работу священников в армии, подготавливал материалы им в помощь. После Октябрьской революции ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства было ликвидировано, и Г. Шавельский, после непродолжительного участия в белом движении (руководство военными священниками армии Деникина), эмигрировал в Болгарию.

Среди работ Г. Шавельского, носящих эпистолярный характер, следует назвать «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота» (в 2 томах, 1954 г.), «Русская церковь пред революцией» (издана в 2005 г.), очерки и письма. Воспоминания Шавельского

описывают, в основном, период нахождения его в должности протопресвитера. “Воспоминания мои, – отмечал он, – относятся, главным образом, к трем годам Великой войны, в частности, к пребыванию моему в Ставке Верховного Главнокомандующего. По сложности и массивности событий эти годы были беспримерными в истории России” [5, с. 10].

Описывая события Первой мировой войны, Шавельский приводит ценные данные о количестве военных священников, их подвигах, наградах, вспоминает некоторые из встреч и бесед с ними. Эти данные легли в основу многих исследований в период советской и постсоветской историографии. Благодаря воспоминаниям протопресвитера, мы имеем представление об условиях работы военного духовенства и основных проблемах, с которыми сталкивалось ведомство при протопресвитере в годы Первой мировой войны.

В числе одной из важнейших проблем военного духовенства периода Первой мировой войны выступал кадровый вопрос, о чем свидетельствуют воспоминания протопресвитера. Г. Шавельский критиковал епархии, которые присылали на фронт престарелых и безынициативных священников. “Ряды фронтового духовенства, – писал он, – непрерывно заполнялись мобилизованными, т. е. командированными из епархий. В самом начале войны епархиальными начальствами были командированы священники для второочередных полков и госпиталей. Потом, по мере убыли священников и формирования новых частей, протопресвитер просил Синод предписать епархиальным преосвященным избрать то или иное число священников, чтобы они могли без замедления по его вызову явиться на фронт. <...>”. Протопресвитером были выдвинуты определенные требования к священникам: “Незапятнанные, усердные, с полным семинарским образованием, по доброму желанию, а не по неволе и принуждению, и не престарелые”. Но протопресвитер высказывает сожаления в связи с тем, что епархиальные власти не всегда считались с этими требованиями: “в 1915 году Полоцкое епархиальное начальство, по требованию Синода, избрало пятерых: четверо из них были в возрасте от 62 до 71 года, а пятый находился под судом. Конечно, ни один из них не был допущен протопресвитером на театр военных действий. При таком положении дела могли проникать в армию и недостойные” [5, с. 98–99].

В воспоминаниях Г. Шавельского подробно описывается деятельность Ставки, встречи с Николаем II, Николаем Николаевичем, другими государственными лицами и их оценки деятельности военных священников ведомства при протопресвитере. Например, он цитирует высказывание князя Николая Николаевича о военном духовенстве: “Мы в ноги должны поклониться

военному духовенству за его великолепную работу в армии” (1915 г.). Подобным образом, по словам Г. Шавельского, высказывался и сам Николай II: “От всех, приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии” (1916 г.) [5, с. 102].

В 1991 г. в сборнике научных трудов, составленном В.Н. Сажиним “Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков” были опубликованы письма Г. Шавельского к Екатерине Ивановне Мосоловой. О самой Е. Мосоловой известно немного, только то, что она была вдовой генерал-майора и проживала в Петербурге. Каким образом завязалось это знакомство и переписка неизвестно, но содержания писем свидетельствуют о связывающих Г. Шавельского и Е. Мосолову теплых дружеских отношениях [6, с. 116].

Письма Г. Шавельского можно условно разделить на две группы. Первую группу составляют письма периода Русско-японской войны, вторая группа охватывает переписку, ведущуюся в годы его протопресвитерства. Первая мировая война и деятельность военного духовенства в ее годы описывается во второй группе писем.

Крайней датой этих писем является апрель 1916 г., в то время как нарастание недовольства в армии начинается только в конце 1916–1917 гг., особенно после февраля 1917 г. Поэтому неудивительно, что оценка деятельности военного духовенства в абсолютном большинстве писем носит положительный характер. В письмах много слов об успехах, и ни слова о неудачах на фронте, проблемах в организации военного окормления воинов. На основании этого можно предположить, что личная переписка протопресвитера проверялась, а реальное положение дел в армии не должно было получать огласку. Помимо деятельности военного и морского духовенства, в той переписке можно обнаружить свидетельства ухудшения общественно-политической обстановки в государстве, и связанное с ним беспокойство в Ставке Главнокомандующего.

Первое письмо, отправленное в начальный период войны, датируется 18 ноября 1914 г. Как и последующие, оно содержит сетования протопресвитера на недостаток времени и избыток бумажной работы, связанные с начавшейся войной и увеличением числа подведомственного ему военного духовенства: “Для меня их [бумаг] стало больше, чем в мирное время, так как больше чем в два раза увеличилось число подчиненного мне духовенства, а канцелярия моя на войне: чиновник, писарь да я. Всего, ведь, священников на войне более тысячи человек” [6, с. 143]. О военных священниках, действующих в армии, Г. Шавельский отзывался положительно, отмечает большие потери в их составе в первые месяцы военных действий: “Никогда еще

духовенство на войне так не работало, как теперь. Потери в его составе огромные. Кто-нибудь обвинит меня за них. Но я так смотрю: везде потери – почему же в составе духовенства не быть потерь? Я сам с удовольствием лег бы, если бы это надо было для Родины” [6, с. 143].

Высоко оценивает Г. Шавельский деятельность подведомственных ему священников в письме от 21 июля 1915 г.: “Мое духовенство работает выше похвалы. Убитых священников до 20; раненым нет числа. Уважение к духовенству в армии огромное” [6, с. 145]. Следующее письмо Е. Мосоловой датируется 29 августа 1915 г. В нем Шавельский высказывает обеспокоенность о послевоенном будущем, предполагает, что в нынешних условиях необходимо готовиться ко всякого рода случайностям. Должность протопресвитера со всей ее сложностью и ответственностью, особенно в условиях войны, сильно истощает Шавельского. Он даже подумывает об отставке, т. к. к этому времени работа его уже “придавила”. О деятельности подчиненного ему духовенства вновь нет ни одного дурного слова: “Если бы я не видел результаты своей работы, я совсем упал бы. Результаты мне видны: слава Богу, духовенство работает, как никогда; престиж его в армии поднялся на небывалую высоту” [6, с. 146].

Последние письма не содержат информации о православном военном духовенстве, но описывают настроения в армии в начале 1916 г. В письме от 29 января 1916 г., описывая очередную поездку на фронт, Шавельский констатирует, что настроения в тылу и на фронте сильно разнятся: “Из Петрограда я уехал на Рижский фронт, где подышал чистым воздухом. Какая огромная разница между Петроградом и позициями! В Петрограде сплетни, страхи, интриги, оханья и аханья, а на позициях все крепки, бодрь, верят в победу” [6, с. 148].

Информация о военном духовенстве содержится не только в воспоминаниях протопресвитера Г. Шавельского. Анализ эпистолярных источников показал, что чаще всего упоминания о военном духовенстве связаны именно с личностью последнего протопресвитера армии и флота. Изучение оценок протопресвитера современниками является неотъемлемой частью изучения деятельности православного военного духовенства. Многие авторы описывали личность протопресвитера, свои впечатления от встречи с ним, давая при этом в своих характеристиках оценку деятельности военного духовенства, подведомственного протопресвитеру. О Г. Шавельском не раз упоминается в воспоминаниях деятелей, находящихся при Ставке, или посещающих ее. Но оценки протопресвитера военного и морского духовенства носят противоречивый характер.

Так, в воспоминаниях контр-адмирала А.Д. Бубнова, который в годы войны находился

в Ставке Главнокомандующего, протопресвитеру дается высокая оценка: “Особняком стоял по своему положению протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский. Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь пронизательного, мудрого и обаятельного по своим высоким качествам человека. Прекрасно осведомленный о состоянии чувств и настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений, отдавал себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее” [7, с. 34].

Не обошел личность Шавельского в своих воспоминаниях “Две жизни” и генерал-майор генерального штаба (в годы Первой мировой войны) А.А. Самойло. Он писал о том, что сам Николай Николаевич почтительно целовал руку протопресвитера, тем самым подавая пример другим. Однако он отмечал, что этому примеру следовать желали не все, т.к. “святой” отец производил впечатление человека хитрого и ловкого” [8, с. 142]. Генерал-майор А.И. Спиридович называет Г. Шавельского “очень несимпатичным священником” [9, с. 103].

Подробная и негативная оценка протопресвитеру военного и морского духовенства дается в воспоминаниях товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. Так, князь, в октябре 1915 г. прибывший в Ставку с иконой для крестного хода, был возмущен тем, что Шавельский распорядился ход не проводить: “И хотя я знал протопресвитера Шавельского и то, что это мало верующий человек, один из тех прогрессивных батюшек, для которых священнодействие являлось только обязанностью службы, однако такого небрежения к святыне я не мог ожидать” [10, с. 29]. О крестных ходах Шавельского и то, что в воспоминаниях Жевахова, высказался довольно резко: “Мы перегружены здесь работой, с ног валимся. Все это Ваша мистика; это Петербург ничего не делает, ему и снятся сны; а нам некогда толковать их, некогда заниматься пустяками” [10, с. 36]. Выводы князя Жевахова о личности Г. Шавельского неутешительны: “Да ведь этот один человек погубит всю Россию... Бедный Царь, бедная Россия” [10, с. 36].

О священстве и войне писал также митрополит Евлогий (Георгиевский). В годы войны Евлогий был Волынским и Житомирским архиепископом, активно осуществлял перевод населения из униатства в православие на занятой российскими войсками территории, способствовал распространению власти русской православной церкви, что, как он считал, не одобрялось князем Николаем Николаевичем и Г. Шавельским. “Я понял, – писал Евлогий, – что он разделяет точку зрения протопресвитера

Шавельского, которому не нравилось нарушение единства военного управления всей занятой войсками территории. Кроме военного духовенства, он не признавал другой церковной организации в пределах фронта и ближайшего тыла". Работая на занятой территории (г. Львов) Георгиевский отмечал, что обеспечение солдат духовным окормлением было недостаточным. По его мнению "бедняги солдаты, шедшие на фронт, а потому почти на верную смерть, не имели возможности причаститься, ходили к униатам, там молились и причащались. Мне рассказывали, как в униатском монастыре они вместе с униатами восклицали: «Святой Священномучениче Иосафате, моли Бога о нас» (это тот Иосафат Кунцевич, который был известным гонителем православия). С этим явлением я примириться не мог и написал письмо протопресвитеру Шавельскому. Указание на эти беспорядки он счел личной для себя обидой. Однако мое письмо имело доброе последствие: спешно была организована военно-походная церковь в огромном военном манеже; он вмещал до 7000 человек" [11].

О военных священниках упоминает в своих воспоминаниях генерал А.А. Брусилов, который с 17 марта 1916 г. находился в должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Он описывает запомнившийся ему случай, произошедший зимой 1915–1916 гг. В описываемый день было Крещение, и весь город [Киев] собрался на крещенский парад. В самом начале молебна над городом появились два вражеских самолета: "Быстро оглядев всех близ меня стоявших, я с радостью убедился, что все достойно и спокойно продолжают молиться, нисколько не выражая тревоги. Торжественное пение хора неслось ввысь навстречу врагу. Вдруг раздался сильный взрыв и треск упавшей бомбы. Было очевидно, что она попала в крышу одного из ближайших домов. Молебен продолжался. <...> Но к ужасу своему, я вдруг заметил, что не только голос главного священника дрожит, но губы его посинели, и он, бледный как полотно, не может продолжать службу. Крест дрожит в его руке, и он чуть не падает. Спасли положение второй священник, дьякон и певчие, заглушившие этот позор перед всеми стоявшими несколько дальше". После службы Брусилов вызвал к себе священнослужителя, пристыдил обещая выслать его вон, если он не умеет держать себя достойно своему сану: "Я сказал ему, что и во время прежних войн и во время нашей последней я видел и слышал о бесконечных героических подвигах духовенства, но что такой срамоты, какой он меня угостил сегодня, ни разу мне не доводилось быть свидетелем" [12, с. 188].

Заключение

Анализ эпистолярной литературы является неотъемлемой составляющей изучения дея-

тельности православного военного духовенства. Но следует учитывать, что очень немногие из источников такого характера могут позволить всесторонне рассмотреть исследуемую проблему. Наиболее ценными, полно раскрывающими особенности работы военного духовенства в годы Первой мировой войны являются воспоминания протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского. В этих работах отражен взгляд на труды военных священников в армии главы ведомства военного и морского духовенства, раскрываются особенности и сложности работы духовенства в годы войны. Без анализа работ Г. Шавельского невозможно получить четкое представление о работе священников в российской армии.

Значимость должности протопресвитера военного и морского духовенства в целом, и личности Шавельского в частности, подтверждается упоминанием его в воспоминаниях многих политических и военных деятелей. Многие из них, характеризуя протопресвитера, дают также оценки православному военному духовенству, что важно при исследовании данной проблемы.

О самом военном духовенстве в воспоминаниях периода Первой мировой войны упоминается редко. Эти редкие упоминания обычно раскрывают работу военного духовенства только с положительной стороны, что подтверждает их субъективный характер. Но источники личного происхождения позволяют исследователю создать наиболее полную картину того, как видели православного военного священника современники Первой мировой войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ивашко, М. И.** Российская армия и церковь (XVIII – начала XX века) : историографическое исследование : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.09 / М. И. Ивашко ; Военный университет. – Москва , 2007. – 48 с.
2. **Капков, К. Г.** Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: Итоги к 1917 г. / К. Г. Капков. – Москва : Летопись, 2009. – 256 с.
3. **Чимаров, С. Ю.** Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. / С. Ю. Чимаров. – Санкт-Петербург : Нестор, 1999. – 291 с.
4. **Котков, В.** Военное духовенство России: страницы истории [Электронный ресурс] / В. Котков // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://www.krotov.info/history/18/bednov/kotkov_1.htm. – Дата доступа: 24.05.2015.
5. **Шавельский, Г.** Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Г. Шавельский. – Т. 1. – Нью-Йорк, 1954. – 414 с.

6. Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков : сб. науч. тр. / сост. В. Н. Сажин ; ред. Н. А. Ефимова. – Л., 1991. – 216 с.
7. **Бубнов, А. Д.** В царской ставке / А. Д. Бубнов. – Москва : Вече, 2008. – 272 с.
8. **Самойло, А.** Две жизни / А. Самойло. – Москва : Военное издательство, 1958. – 274 с.
9. **Спиридович, А. И.** Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. (в 3 т.) / А. И. Спиридович. – Т. 1. – Нью-Йорк : Все-славянское Издательство, 1960. – 301 с.
10. **Жевахов, Н.** Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова / Н. Д. Жевахов. – Т. 1 : сентябрь 1915 – март 1917. – Москва : Родник : Спасо-Преображ. Валаам. Ставропиг. монастырь, 1993. – 345 с.
11. **Георгиевский, Е.** Путь моей жизни [Электронный ресурс] / Е. Георгиевский // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/20/1900/eulo_00.html. – Дата доступа: 24.05.2014.
12. **Брусилов, А. А.** Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – Москва : Вече, 2013. – 288 с.

Поступила в редакцию 13.10.2015 г.
Контакты: mogilev-relig-center-msu@mail.ru
(Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E.V. RESEARCHING ORTHODOX MILITARY CLERGY DURING THE FIRST WORLD WAR ON THE BASIS OF PERSONAL SOURCES.

The article is devoted to the analysis of personal origin sources containing the information about the activities of the Orthodox military clergy during the First World War. The peculiarities of such sources are considered, their review and evaluation are provided, the necessity of memoirs sources investigation in the research of the activities of the military clergy in 1914–1918 is explained.

Key words: the First World War, the Orthodox Church, the Department attached to the Protopresbyter of the Military and Navy Priesthood, the Orthodox military priesthood, G. Shavelsky.

УДК (811.111+811.161.3)373.612.2

ТИПОЛОГИЯ И РОЛЬ МЕТАФОРЫ В РАДИОДИСКУССИЯХ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. К. Шевцова

доцент, МГУ имени А. А. Кулешова

Большинство как английских, так и белорусских метафор основаны на переносе человеческих свойств на неодушевленные предметы. При этом, в отличие от британцев, в речи белорусских гостей и ведущих программы отмечаются особый статус и роль Родины (чувство патриотизма), близость с природой. Кроме того, метафоры, связанные со сферой строительства, а также имеющие значение вынужденного перемещения представляются специфичными в рамках исследуемого материала. В британских радиодискуссиях, в отличие от белорусских, достаточно много внимания уделяется анатомии и физиологии человека, военной составляющей, переносу свойств физического мира в мир психический. Особенными направлениями метафоризации в британском радиодискурсе стали понятия театра, спорта, соревнования, игры, гастрономии.

Ключевые слова: стертая метафора, оригинальная метафора, радиодискурс, направление метафоризации.

Введение

Жанр радиодискуссии как в английском, так и в белорусском языке предполагает обсуждение актуальных социально значимых тем, представляющих интерес для аудитории. Как правило, в радио дискуссиях имеют место элементы полемики, отстаивания той или иной позиции по обсуждаемой проблеме. Каждый участник стремится убедить собеседника и слушателей в правильности именно его мнения, воздействуя при этом на разум и чувства публики. Значительная роль в реализации стратегии воздействия отводится метафоре.

В настоящем исследовании за основу принято современное понимание метафоры как «вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [1, с. 12]. Ассоциируя две различные категории объектов, метафора семантически двойственна. В образовании и, соответственно, анализе метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры, к которым применяются парные термины (буквальная рамка и метафорический фокус, тема и «контейнер», референт и коррелят), и соотносимые свойства каждого объекта или новых объектов [2; 3]. Эти компоненты не полностью представлены в

структуре метафоры, в частности, остаются необозначенными свойства основного субъекта метафоры, составляющие ее семантику. Вследствие этого метафора допускает разные толкования.

Специфика воздействующего потенциала радиодискуссий во многом зависит от вида метафор, которые в них встречаются. Специалисты выделяют два основных типа реализации воздействующей функции в публицистических текстах: ассоциативно-оценочный (политическая и собственно оценочная метафора) и эмоционально-эстетический (художественная метафора) [4; 5]. При этом воздействие в радио дискуссиях носит образный характер в отличие от прямого воздействия посредством логической аргументации.

Современные лингвисты видят в метафоре ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только универсального образа мира, но и его национально-специфического видения. Такой подход обуславливает интерес к сопоставительному исследованию видов метафор, а также особенностей их функционирования на материале типологически различных языков.

Основная часть

Материалом нашего исследования послужили 30 радиодискуссий на английском языке британского радио Би-би-си *“All Things Considered”*, *“All Things Green”*, *“Daily Bacon’s Show”*, *“Forum”*, *“All in the Mind”* и 30 радиодискуссий белорусского радио – международной радиостанции Беларусь и Первого национального канала Белорусского радио *“Актуальны мікрафон”*, *“Беларускі шлях”*, *“Беларусы ў свеце”*, *“Беларусь у асобах”*, *“3 першых вуснаў”*, *“Зямля, што нам дадзена лёсам”*. Отбор материала осуществлялся случайным образом, что обусловило разнообразие обсуждаемых тем.

Метафорическая лексика, оказавшаяся в поле нашего зрения, была распределена по группам. Все метафоры, зафиксированные в ходе исследования, были подразделены на стертые и оригинальные (нестертые).

Соотношение метафорических единиц по данному параметру в белорусских дискуссиях составило 62% стертых метафор к 38% нестертых. В британских радиодискуссиях данное соотношение – 44% к 56% соответственно. Например: *Відавочна, што грошы добра адлюстроўваюць гісторыю. Усё, што адбылася ў навейшай гісторыі Беларусі бачна па калекцыі баністыкі* (стертые метафоры); *Гэта шматслоўе нічога не каштуе, проста выкрутасы рытарычныя <...>* (оригинальная метафора); *I clearly remember her voice, and I still see her face* ‘Я хорошо помню ее голос и все еще вижу ее лицо’ (стертая метафора); *The relationship was not as good as it should be, and*

new partners round the scene, the distance of travelling was huge 'Отношения не были такими как хотелось бы, на сцене появлялись новые партнеры, расстояние между нами было огромным' (оригинальная метафора способствует описанию причин, по которым отношения в семье после развода значительно испортились). Как видно из примеров, нестертые метафоры сложно перефразировать, и их значение становится понятным только в контексте (индивидуальные или авторские метафоры).

Чем можно объяснить различное соотношение стертых и оригинальных метафор в речи участников белорусских и британских радиодискуссий? Возможно, значительное превалирование стертых метафор в белорусских дискуссиях по сравнению с британскими объясняется тем, что белорусский язык не так часто используется в естественной коммуникации и носители языка более скованы в плане сочетания его единиц, не готовы проявлять такой творческий подход в своей речи по сравнению с британцами, использующими английский язык в повседневной коммуникации.

Все выявленные в ходе исследования метафоры были подразделены на классы в соответствии с направлениями метафоризации. При анализе нами использовались классификации типов метафорических переносов Г.Н. Складневской и З.Ю. Петровой [1; 6], которые во многом переключаются друг с другом, но, тем не менее, имеют существенные различия.

Метафоры из белорусскоязычных радиодискуссий были распределены по 5 основным классам: предмет > абстракция, человек > предмет, животное > человек, неживая природа > человек, физические характеристики предметов и веществ, физические процессы > человек. Большинство метафор основано на переносе человеческих свойств на неживые предметы (около 20% от общего количества выявленных метафор). Например: *Гэты часопіс знаёміць нас з гісторыяй краіны, яе лепшымі прадстаўнікамі*. При этом достаточно частотным представляется апелляция участников белорусских радиодискуссий к Родине, а также наделение ее человеческими качествами: *Яны нават твая касцюмы, якія ім Радзіма пашыла... святочныя... на канцэрты адзевваюць, але ж стараюцца карыстацца тымі, якія з куфараў бабульчыных дасталі; Сярод гэтых людзей вельмі многа тых, працу якіх заўважыла Радзіма і адзначыла*. В то же время в речи белорусских участников редко встречаются метафоры, основанные на отождествлении человека с неодушевленным предметом (около 3% от общего количества). Например: *Гэта радыёжурналістыка. Значыць, пішы больш людзей... простых, жывых людзей. Розныя гісторыі, розныя падзеі*.

Следующими по частотности употребления являются метафоры, в основе которых лежит

аналогия с объектами природы, процессами в природе. В основе метафоризации чаще всего находятся образы дерева, воды и огня (*гэліна гісторыі, карані духоўнасці, вочы гараць, крыніца мовы, улілася каманда, наплыў імёнаў* и др.). Кроме того, человеку зачастую приписываются свойства животного, особенности внешнего вида, повадки. Например: *<...>/ вось тут гэтая бітва на Нямізе, у якой удзельнічаў полацкі князь Усяслаў. А потым, як вядома, Усяслаў пабег у Полацк. Вось на хвасце Усяслава можна было б пераехаць у Полацк і там пазнаёміцца з нашай старадаўняй гісторыяй*.

Примерно 8% от общего количества зафиксированных метафор связано по смыслу с понятием судьбы, верой в исполнение предначертанного. Причем в большинстве случаев судьба человека ассоциируется с образом дороги, пути. Например: *Ці будуць парады тым, хто пачынае свой шлях у журналістыцы?; Сам лёс падказвае нам, як быць у такой складанай сітуацыі*.

Значительная часть метафор имеет значение перемещения в пространстве, причем зачастую такое перемещение представляется вынужденным. Например: *Не проста так уцягнуць аўдыторыю <...>; <...> і пры гэтым многім саступае працавітасць; Зараз старыя дысцыпліны сыходзяць, з'яўляюцца новыя, больш актуальныя для сучаснай моладзі*.

Важную роль в создании образности речи белорусских участников играют метафоры, связанные со сферой строительства (5% от общего количества). Например: *Гэта не жалезабетон такі тэкставы, а каб гэта было цікава, каб уцягваць чытача ў той час; Гаворка не заўсёды падмацоўваецца канкрэтнымі дзеяннямі, бо твораз у нас выходзіць вельмі шмат; Вось так і мацуецца нацыянальная свядомасць*.

В ходе анализа встретились метафоры, семантически связанные со сферой здравоохранения, строением и функционированием тела человека. Например: *І тады твор ужо існуе сам па сабе. Ён ужо мае кола прыхільнікаў ці наадварот, але ідзе пульсацыя... А калі гэтай пульсацыі няма, якое золата не напішы <...>; Такое заўсёды адчуваеш душой, сэрцам*.

В британских радиодискуссиях самым распространенным направлением метафоризации является перенос свойств одушевленных существ на неодушевленные предметы и наоборот, причем примерно с одинаковой частотностью использования обоих типов метафор (около 30%). Например: *Countries like Spain are already using these techniques* 'Такие страны как Испания уже используют эти технологии'; *As we age, we have got inflammation, our body I mean* 'По мере того как мы стареем, мы воспаляемся, я имею в виду наше тело'. В основном такая семантика метафор сконцентрирована в глаголах: *Vertical farming which utilizes airspace or is*

able to farm 6-8 acres in one acre of space <...> 'Вертикальный вид фермерства использует воздушное пространство и способен производить на одном акре земли продукцию, равную выращенной на 6-8 акрах'.

Следующий по частоте использования вид метафор в британских радиопередачах – перенос свойств физического мира в мир психический, движение, перемещение в пространстве, семантизированные как когнитивные, интеллектуальные процессы. Например: *It wasn't easy to get their arms around the fact* 'Было непросто понять, что произошло (дословно – Было непросто обнять руками этот факт)'; *At the time of crisis we had to get people outside the box* 'Во время кризиса нам пришлось трудиться над тем, чтобы люди поверили нам (дословно – Во время кризиса нам приходилось доставать людей из коробки)'.

По сравнению с белорусскими радиодискуссиями в британских значительно чаще встречаются метафоры (около 17%), связанные по значению с темой медицины, строения тела человека. Например: *What did you feel at the moment? Did you feel that you were in your skin?* 'Что ты чувствовала тогда? Ты чувствовала себя комфортно?' (дословно – была в своей коже)'; *This method of not paying attention to it has been my therapy* 'Не обращать внимание на происходящее стало выходом для меня (дословно – стало моей терапией)'; *But it shouldn't be so much of an extend that knocks you out off your skin* 'Но сила не должна быть такой, чтобы сбить тебя с ног (дословно – вытряхнуть тебя из кожи)'. На наш взгляд, интересным представляется характер таких метафор. Спецификой их семантики является разделение духовной и материальной сущностей человека. Возникает впечатление, что тело человека способно жить отдельной жизнью, совершать самостоятельные действия. Например: *So I grew into the person I started to be* 'Так я вырос и стал тем человеком, который я и есть (дословно – Так я вырос в человека, которым начал быть)'; <...> *I was screaming inside* 'дословно – Я кричал внутри себя'; <...> *My heart wasn't in it* 'дословно – Мое сердце не было в этом (деле)'; <...> *I'm not inside her head* 'дословно – Я не внутри ее головы'. Кроме того, если русскоязычные люди часто говорят "похудеть", а не "сбросить вес", то участники британских радиодискуссий используют исключительно словосочетание "to lose weight" 'потерять вес', что еще раз подтверждает отмеченную выше особенность данной группы метафор.

Широкое распространение в речи британских участников радиодискуссий получили метафоры, связанные с военной тематикой, разрушениями. Подобные метафоры встречаются и в речи белорусских участников, однако не в таком объеме (10% против 3% от общего количества). Например: *Every day we are getting bombarded with toxins, cellphones through our*

ears 'Каждый день мы подвергаемся воздействию токсинов, сотовых телефонов, которые негативно влияют на уши (дословно – нас бомбардируют токсины)'; *Are there any simple ways to kill the pain?* 'Существуют ли какие-то безопасные способы снять боль? (дословно – убить боль)'; *I had no chance – only struggle against the community to avoid the destructive perspectives of losing hope* <...> 'У меня не было альтернативы – пришлось бороться с обществом для того, чтобы избежать деструктивной перспективы потерять надежду'.

Специфичным для речи участников британских радиодискуссий является распространение метафор, семантически связанных с темой театра и спортивных игр, духом соревнований. Например: *Divorces are drama with many players* 'Развод – это драма с участием многих актеров'; *Give me a typical scenario of the situation* <...> 'Опишите типичный сценарий этой ситуации'; *When these awful things happen in your life, you can sink if not swim. And I decided to swim* 'Когда такие ужасные события происходят в жизни, то ты либо потонешь, либо выплывешь. И я решил плыть'; *It was a real challenge to accept those external role models suggested* <...> 'Для меня было настоящим вызовом – принять или нет чуждые мне модели поведения'.

Кроме того, в речи британских участников были зафиксированы метафоры гастрономической тематики, что не свойственно речи участников белорусских радио дискуссий. Например: *Working in the bank and going there every day was not my cup of tea, for sure* 'Работать в банке и ходить туда каждый день – это не мое призвание (дословно – это не моя чашка чая)'; *In a year and a half I started to get the cakes* 'Через полтора года я начал получать прибыль (дословно – получать пирожки)'.

Заклучение

Проведенный анализ метафор, используемых участниками белорусских и британских радиодискуссий, позволил выявить ряд общих и отличительных черт.

Так, при доминировании стертых метафор в белорусскоязычных радиодискуссиях в речи британских участников преобладают оригинальные метафоры. Большинство как английских, так и белорусских метафор основаны на переносе человеческих свойств на неодушевленные предметы. При этом, в отличие от британцев, в речи белорусских гостей и ведущих программы отмечаются особый статус и роль Родины (чувство патриотизма), близость с природой. Кроме того, метафоры, связанные со сферой строительства, а также имеющие значение вынужденного перемещения представляются специфичными в рамках исследуемого материала.

В британских радиодискуссиях, в отличие от белорусских, достаточно много внимания уде-

ляется анатомии и физиологии человека, военной составляющей, переносу свойств физического мира в мир психический. Особенными направлениями метафоризации стали понятия театра, спорта, соревнования, игры, гастрономии. В речи британских участников не так часто фигурируют метафоры, связанные с темой природы, однако понятие судьбы имеет примерно равное значение в речи представителей обеих культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Скляревская, Г. Н.** Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
2. **Гулова, О. О.** Генитивная метафора: структура и функции / О. О. Гулова // Филологические исследования : междунар. сб. науч. тр. / Белгор. гос. ун-т, Запорож. юрид. ин-т МВД Украины ; отв. ред. В. Ф. Прохоров. – Белгород ; Запорожье : БелГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 35–38.
3. **Блэк, М.** Метафора / М. Блэк // Теория метафоры ; пер. М. А. Дмитриевской. – М., 1990. – С. 153–172.
4. **Ковалевская, Е. В.** Метафора и сравнение в публицистическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Ковалевская ; Моск. гос. обл. гуманитар. ин-т. – Москва, 2010. – 17 с.
5. **Евсюкова, Т. В.** Лингвокультурология : учебник / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 480 с.

6. **Петрова, З. Ю.** Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 : сб. статей / отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1989. – С. 120–133.

Поступила в редакцию 30.12.2015 г.
Контакты: alice_shev@mail.ru
(Шевцова Алеся Константиновна)

Shevtsova A. K. TYPES AND ROLE OF THE METAPHOR IN ENGLISH AND BELARUSIAN RADIO DISCUSSIONS.

The majority of both English and Belarusian metaphors are based on the transfer human properties to inanimate objects. Belarusian metaphors are marked with a special status and role of the homeland (patriotism), closeness with nature. In addition, metaphors related to the construction and forced displacement are specific and presented in the tested material. In the British radio discussions, unlike the Belarusian ones, quite a lot of emphasis is placed on anatomy and human physiology, military component, the transfer of the properties of the physical world into the mental one. Special areas of metaphorization in the British radio discussions are the notions of theatre, sports, competitions, games and gastronomy.

Key words: trite metaphor, original metaphor, radio discourse, directions of metaphorization.

УДК 821.161.3.09

**“ВАРШАЎСКІ ШЛЯХ” АРКАДЗЯ
КУЛЯШОВА: СПЕЦЫФІКА ЭСТЭТЫЧНЫХ
УЗРОЎНЯЎ МАСТАЦКАГА ТВОРА**

А. М. Макарэвіч

доктар філалагічных навук, прафесар кафедры літаратуры і міжкультурных камунікацый МДУ імя А. А. Куляшова

Характарызуюцца чатыры праблемна-эстэтычныя ўзроўні (прыгожае ў жыцці і творчасці; спосабы мастацкага адлюстравання прыгожага з жыцця і творчасці; функцыянаванне твора ў рэцэпцыйнай прасторы і асаблівасці яго ўздзеяння на свядомасць рэцыпіента; асэнсаванне эстэтычнай прасторы мастацкага твора з мэтай змены пэўных з’яў рэчаіснасці ў больш дасканалыя формы іх існавання) і адпаведныя ім мастацкія вобразы паэмы Аркадзя Куляшова “Варшаўскі шлях”.

Ключавыя словы: эстэтычны ўзровень, матыў, мастацкі вобраз, выяўленчы сродак, мастацкі сэнс.

Уводзіны

Паэма Аркадзя Куляшова “Варшаўскі шлях” (1973) – твор “не проста рэквіем, плач па сябру [Аляксандру Твардоўскаму. – А. М.], а і словедзь перад уласным сумленнем”, якое было неспакойным з прычыны “няспоўненага маральнага абавязку перад самым драгім чалавекам, які быў яму сябрам і настаўнікам”. Гэтыя вызначэнні М. Ароцкі знаходзяць далейшае развіццё ў наступным кантэксте: “таямніца з’яўлення «Варшаўскага шляху» <...> можа быць вытлумачана ўзаемнымі творча-сяброўскімі сувязямі [А. Куляшова і А. Твардоўскага. – А. М.], заўчасна абарванымі смерцю” аўтара “Васілія Цёркіна”. У А. Твардоўскага, відаць, засталася крыўда на А. Куляшова за тое, што той не падтрымаў яго ў складаны час адлучэння ад пасады галоўнага рэдактара “Новаго мира”, бо былы сябар застаўся ў рэдакцыі гэтага выдання, не выйшаў з яе. “Можна верыць сведчанню, – адзначае М. Ароцкі, – што пад канец жыцця Твардоўскі паладзеў да Куляшова” [1, с. 451].

Як бы там ні было, а подых таго складанага і непрадказальнага для лёсаў і ўчынкаў людзей часу знайшоў адбітак у “матыеве віны” (М. Ароцкі), які своеасабліва развіваецца ў паэме “Варшаўскі шлях”. Акрамя гэтага матыву, у творы прадстаўлены і іншыя. Іх можна рэпрэзентаваць у выглядзе дзвюх груп (прадстаўлены ў асноўнай частцы ў той паслядоўнасці, якая існуе ў творы) з мэтай характарыстыкі эстэтычных узроўняў гэтага твора.

Выходнымі палажэннямі для характарыстыкі эстэтычных узроўняў паэмы “Варшаўскі шлях” з’яўляюцца наступныя.

Эстэтычныя погляды пісьменніка – яго погляды на:

- сутнасць прыгожага ў прыродзе, рэчаіснасці, мастацтве;
- спосабы адлюстравання прыгожага мастаком у яго творы;
- працэс функцыянавання твора ў рэцэпцыйнай прасторы і асаблівасці яго ўздзеяння на свядомасць рэцыпіента;
- асаблівасці спасціжэння гэтага прыгожага рэцыпіентам з мэтай змены рэчаіснасці ў больш прыгожыя формы.

Асноўная частка

У паэме А. Куляшова “Варшаўскі шлях” можна вылучыць дзве групы матываў.

Першая – гэта матывы, спраецыраваныя на памяць пра сябра:

- зямнога і па-за зямнога існавання душы¹;
- памяці, ушанавання памерлых²;
- матыў вяртання ў зямную прастору адышоўшага ў нябыт праз памяць жывых³;
- спрадвечнага (пасля зямнога існавання) дому⁴;
- развітання ў час адыходу ў несмяротнасць з зямным болям і жалем⁵;

➢ аб’ектыўнай няздольнасці выразіць напоўніцу цяжар страты сябра і данесці гэты цяжар у тую прастору, у якую ён адышоў⁶.

Другая група матываў – гэта матывы, спраецыраваныя на ўласную асобу паэта і праблемы яго творчасці:

- нявер’я ў “тайны сэнс свайго быцця другога”, “у той вечны дом” [2, с. 308, 311];
- творчага суму паэта – А. Куляшова – па “дагэтуль не пачатай драме”: яшчэ не напісаным ім творы [2, с. 308].

¹ “На могільках спрадвечных бачыў кожны, // Чытаў на надмагільных камянях // Такі зварот: «Спыніся, падарожны! // Сваім маўчаннем ушануй мой прах». // Адгасцяваўшы, ён [А. Твардоўскі. – А. М.] пайшоў дадому – // У несмяротнасць. I, відаць, нікому // З тых, у каго гасціў ён пры жыцці, // Цяпер яго парог не перайсці” [2, с. 306].

² “Над памяццю яго схіляем // Я – горкі верш, а ты [Варшаўскі шлях. – А. М.] – свой горкі дым” [2, с. 306].

³ “Калі не быць сяброўскім песням там [у свеце несмяротнасці. – А. М.], // Дык, можа, з іх народзіцца такая // Калісьці песня, у якой пазнае // Ён голас наш і выйдзе з дому сам // Насустрач ёй, з удзячнасцю сябрам” [2, с. 307].

⁴ “Я не агонь начлежны раскладаю // У гонар земляка. // Я ўпершыню // Сябе нібы дадому выпраўляю... // Няма, як кажуць, дыму без агню. <...> няма спакою ад здзіўлення, // Што я ў гасцях яшчэ, а дома ён. <...> А можа, сапраўды мне час дадому // Збірацца ўжо, як пазнаю гасцю? // <...> Няўхільна падарожжа гэта...” [2, с. 307].

⁵ “Лячу, лячу [у несмяротнасць. – А. М.], упэўнены амаль, // Што я навечна гэты боль і жаль // Пакіну на зямлі, // як гук // ракета” [2, с. 307–308].

⁶ “Я ў тайны сэнс свайго быцця другога // Не веру <...> Затое веру, // Што там, дзе я не буду жыць зусім, // Не толькі мне, не дадзена Гамеру // Скажаць аб тым, што адляцела з ім” [2, с. 308].

Матывы першай і другой груп уяўляюць сабой сэнсавызначальныя эстэтычныя вектары паэмы “Варшаўскі шлях”, якія акрэсліваюць яе эстэтычную прастору. Апошняя ж у сваю чаргу ўяўляе сабой сукупнасць некалькіх праблемна-эстэтычных узроўняў: 1) прыгожае ў жыцці і творчасці, сцвярджанне грамадзянскай і эстэтычнай пазіцыі; 2) спосабы мастацкага адлюстравання прыгожага з жыцця і творчасці; 3) функцыянаванне твора ў рэцэпцыйнай прасторы і асабліва-васці яго ўздзеяння на свядомасць рэцыпіента; 4) асэнсаванне эстэтычнай прасторы мастацкага твора з мэтай змены пэўных з’яў рэчаіснасці ў больш дасканалыя формы іх існавання.

Вылучаныя вышэй узроўні напаяўняюцца адпаведнымі мастацкімі вобразамі і сэнсамі, якія яны ўтвараюць у сукупнасці з іншымі вобразамі. Вызначым гэтыя вобразы і ахарактарызуем іх сэнс у той паслядоўнасці і адпаведнасці, якая была акрэслена вышэй у адносінах да сэнсаўтваральных узроўняў эстэтычнай прасторы.

Вобразы першага сэнсаўтваральнага ўзроўню.

➤ Вобраз-параўнанне: А. Твардоўскі быў, “як бор, што абжываў мясцовасць борам” [2, с. 304]. Ён, паводле дадзенага вобразнага вызначэння А. Куляшова, дбаў пра запаўненне творчай пісьменніцкай прасторы падобнымі сабе. Аднак пры гэтым, як той высечаны бор, палёг пад лязом сацыяльнай помслівай прасторы⁷.

➤ Разгорнутыя вобразы-сцверджанні, асноўны сэнс якіх у наступным: Твардоўскі – “крытык суровы”, сумленны мастак⁸, што ішоў на творчы падзвіг, “кнігі кладучы // На шалі часу, нібы самародкі, // З пластоў глыбокіх // вымытыя працай...” [2, с. 312].

➤ *Стылістычныя фігуры (вобразныя перыфразы)*, якія сведчаць пра эстэтычную сутнасць грамадзянскай пазіцыі А. Твардоўскага як творцы: “дуэль [яго літаратурных. – А. М.] радкоў з крыжамі”; “на ўсіх франтах ён вёў баі” [2, с. 304].

Вобразы другога сэнсаўтваральнага ўзроўню.

➤ Вобраз-сімвал: *Варшаўскі шлях як сімвал* лёсу чалавека, у тым ліку салдата ваеннага шляху, да якога паэт звяртаецца як да найвышэйшага суддзі⁹. Для А. Куляшова ён – “сяброўства сувязны” [2, с. 303], “вечны і нязменны душ сувязны”, “лечыць раны,

⁷ “Як бор, ён абжываў мясцовасць борам, // Арганым рэхам бед і перамог. // Ніхто таго не дагаворыць хорам, // Што ён адзін дагаворыць бы мог... // Мог, каб як бор той самы не палёг” [2, с. 304].

⁸ “Ён пры жыцці быў крытыкам суровым // Сваім, // Тым песням падаваў руку, // Дзе пачуццё было не выпадковым, // З непазычанай думкай у радку” [2, с. 310].

⁹ “<...> дазволь, дарога, // Варшаўскі шлях, Варшаўская шаша, // Звяртацца да цябе, а не да бога // радком, што просіцца з карандаша” [2, с. 303].

суцішае боль, надзеяй апаясвае” [2, с. 311]. Такія сцверджанні і перакананні дазваляюць паэту зрабіць наступны вывад: “Таму дазволь, дазволь // Звяртацца да цябе, а не да бога” [2, с. 311]. Гэты, блізкі аўтару паэмы шлях (ён называе яго “мой шлях”), прадвызначае адзін са спосабаў паказу мінулага і цяперашняга жыцця: адлюстраванне яго па законах неспакойнай памяці і абвостранага сумлення. У прасторы гэтага шляху паэт як творца, як чалавек жадае заставацца “вечна ў гасцях” [2, с. 311].

➤ Разгорнуты вобраз-шкадаванне (у матыве творчага суму паэта (А. Куляшова) па “не пачатай драме” яго яшчэ не напісанага твора): “Прыкметны на канцы карандаша, // Ляціць мой сум, ляціць мая душа [ляціць разам з астатнімі днямі паэта, якога, прыгадаем, не стала 4 лютага 1978 г. – амаль праз шэсць год пасля стварэння гэтай паэмы. – А. М.]. // А разам з імі верш ляціць той самы, // Адзіны мой, ляціць, як эпілог // Яшчэ дагэтуль не пачатай драмы, // Што, можа б, напісаў, каб час помог” [2, с. 308]. Гэта вобраз апераджальнага, з сумным напаяўненнем постскрыптума (эпілога) да не напісанага яшчэ паэтам твора.

➤ Разгорнуты вобраз паэта-прарока як аб’ектыўнае (а priori) патрабаванне паэзіі: “Усім такія словы гаварыла // Паэзія <...>: А ты за ўсё ў адказе, мой балесны, // За справу, за дзяржаву, за народ. // Далёкае разгледзь арліным вокам, // Лаві на слых ледзь чутны слых бяды: // Мiane абраўшы, мусіш быць прарокам. // Як не прарокам, // кім жа быць тады? // Не бойся слова гучнага – прарокі! – Прарок не бога – праўды слых і зрок. // Ратуў людзей з бяды ліхой, іх душы // На эвалт і на адчай не пакідай, // Ты радасць ім нясі, сабе – адчай” [2, с. 309]. Разгорнутымі дапаўненнямі да цытаванага вышэй вобраза творцы-прарока з’яўляюцца наступныя: паэт – ратавальнік “людзей з бяды ліхой”, паэт – пакутнік, вясчун, прамоўца, абаронца, нашчадак, ахвяра сваёй паэзіі¹⁰.

Мастацкія сродкі і вобразы трэцяга сэнсаўтваральнага ўзроўню.

➤ Дыялог, гутарка (фактычна маналог аўтара) выконвае функцыю не толькі выяўлення сродку, а і вобраза, які мае адпаведныя прыкметы: канкрэтнасць і апрадмечанасць. Гэта

¹⁰ “<...> Ты радасць ім нясі, сабе – адчай, // Ім – волю, эвалт – сабе, ты духам дужы. // Ідзі, вясчун, па моры, як па сушы, // Калі пакліча да сябе сляза // Пякучая. // Над прорэвай па канаце // Ідзі туды, як па лязе нажа. // Крычы: «Уставайце!» Не кажы: «Канайце!» // Аб мёртвых дбай, шануй дамоўкі іх, // З сям’ёю продакаў не жыві ў разладзе, // Іх больш, чым нас, іх большасць на парадзе, // На перакліччы мёртвых і жывых. // Яны – мінулы час у новым часе. // І гарады ў вялікіх гарадах, // Што будавалі на іх касцях. // Ты, як нашчадак іх, за ўсё ў адказе: // За сёлы ў сёлах і за час у часе. // Хай зрок не спіць, трывожны рог гучыць – // Ты сам гарыш, калі Зямля гарыць!...” [2, с. 309–310].

дыялог не толькі паміж паэтам і Варшаўскім шляхам – гутарка, “*патрэбная ўсім*”. У такім вызначэнні “*ўсім*” чытаецца наступны сэнс: усім тым, каго непакоіць праблема пошуку жыццёвых ісцін. Акрамя гэтага, А. Куляшоў непасрэдна адрасуе такую гутарку ў дзве канкрэтныя рэцэпцыйныя сферы: а) тую, якая знаёмая з часам і праблемамі, што адлюстроўваюцца ў адпаведным вобразна-выяўленчым кантэксце, б) тую, якая можа ўспрымаць гэты час і праблемы пры дапамозе пэўнага пасрэднага: літаратурнага твора¹¹. Названыя вышэй рэцэпцыйныя сферы фігуруюць у дадзеным кантэксце ў вобразах *лесу і маладога падлеска* (прыгадаем у сувязі з гэтым вобраз “*бору, які абжываў мясцовасць борам*”, ён вылучаны ў першым сэнсаўтваральным узроўні).

У такім кантэксце паўстае праблема мастацкай праўды, якая рэпрэзентуецца пры дапамозе наступных вобразна-выяўленчых сродкаў.

➤ Канкрэтны вобраз “*морак*” (хвароба на рак) спалучаецца з абагульненымі (*е а й на, творчыя клопаты*). Такое вобразнае аб’яднанне тлумачыць магчымыя прычыны дачаснага адыходу А. Твардоўскага ў нябыт. У якасці сродку мастацкай арганізацыі аповеду і (адначасова) асноўнага выяўленага сродку выступае пры гэтым маналог паэта з гіпатэтычнымі дапушчэннямі: што магло стацца прычынай дачаснай смерці яго земляка і сябра (А. Твардоўскага). Важнымі ў гэтым кантэксце з’яўляюцца названыя вышэй вобразы: *вайны*, якая ўкараціла жыццёвы век А. Твардоўскага, “*любаві да працы прагнай, што спаліла // Звышчалавечым высілкам сваім // Яго жыццё, нібы маланка лес*” [2, с. 308]. “*<...> Волатаў скасіла // Паэзія, а ворагі – пасля*” [2, с. 309]. “*Штодзённай прыналежнасцю святой // Да спраў людскіх паэзія паліла // Яго... І, спапяліўшы, запрасіла // І пасяліла ў дом высокі свой*” [2, с. 310].

➤ Эпітэты ў форме недапасаваных азначэнняў: А. Твардоўскі – “*з рукамі каваля, з душой жняў*” – узор творцы з шырокімі эстэтычнымі намерамі.

➤ Абагульнены вобраз мастацкай атмасферы некаторых твораў А. Твардоўскага, якія выконвалі адпаведную эстэтычную функцыю: духоўнага і душэўнага супакоення салдата (“Васілій Цёркін”)¹², грамадзянскага ўзвышэння сучасніка (“За даллю даль”).

¹¹ “*<...> мой шлях, <...> // Пагутарым аб часе, аб Твардоўскім <...>. Пачнём свой дыялог, патрэбны ўсім, // Каб ён надзейна запеленгаваны // Быў лесам і падлескам маладым*” [2, с. 303].

¹² Напрыклад, у адносінах да паэмы “Васілій Цёркін”: “*<...> Не раз ён тут салдатам нёс уцеху // І жартам весяліў іх, каб яны // Забыліся на змрочны жарт вайны. // Здавалася, ён хлусіў ім для смеху, // Ды не маніў ніколі для мань. // Не раз, стаіўшы плач зямлі сірочай, // Ён іх на подзвіг зваў сваёй прарочай, // Чорнарабочай // кнігай пра байца, // Не ўсімі дачытанай да канца...*” [2, с. 303].

➤ Разгорнуты вобраз-меркаванне (у матыве вяртання ў зямную прастору адышоўшага ў нябыт праз памяць жывых): “*Калі не быць сяброўскім песням там [у свеце несмяротнасці. – А. М.], // Дык, можа, з іх народзіцца такая // Калісьці песня, у якой пазнае // Ён голас наш і выйдзе з дому сам // Насустрач ёй, з удзячнасцю сябрам*” [2, с. 307]. У гэтым вобразе назіраем сцверджанне пра яднанне эстэтычнай прасторы, створанай пісьменнікам, які цяпер у свеце *несмяротнасці*, з новай мастацкай эстэтычнай прасторай. Тут можна правесці ўдзячную паралель з разгорнутым вобразам-сцверджаннем з Цётчынага вершы “На магіле”, у якім аўтарка стварае постаць паэта-музыкі, што пашырае эстэтычны змест яе твораў¹³.

Вобразы чацвёртага сэнсаўтваральнага ўзроўню.

➤ Вобраз зямлі як “*адзінай сапраўднасці і бяспрэчнасці*”, “*вечнасці і нявечнасці*”, “*вышэйшага суда*” [2, с. 311–312]. У кантэксце гэтага і ахарактарызаваных вышэй вобразаў пульсуе наступны сэнс: эстэтычная прастора літаратурнай творчасці і мастацкага твора павінны спрыяць захаванню ўсяго існага, нібыта трывалага, што існуе вакол чалавека, у прасторы яго Варшаўскага шляху. “*Мінецца ўсё: пустая слава, мода, // І застаецца толькі сэнс адзін // Тых слоў, каторым саладзей ад мёду // Банкетнага быў палявы палын*” [2, с. 312].

➤ Вобразы паэта і паэзіі, якія павінны выконваць эстэтычную місію ў прасторы сукупнасці жыццёвых шляхоў (Варшаўскага шляху паэта, жыццёвых дарог рэцыпіентаў яго твораў). Асноўная сутнасць гэтай місіі ў тым, каб верх паэта быў *мінаў* пад сусветным *злом*, каб у *судны дзень* ён *узрываўся* неабходным сэнсавым выбухам, які б узвысіў чалавека дзеля таго, каб “*сын Зямлі мог абдымаць Зямлю*” [2, с. 313]. Вобраз паэта выяўляецца таксама праз рэтраспекцыйныя сцверджанні ў адносінах да эстэтычнага ўздзеяння чалавека і творчага вопыту А. Твардоўскага на сучасніка¹⁴: гэта крыніца эстэтычнага ўзвышэння асобы і творчай вучобы для яе.

Заклучэнне

Такім чынам, “*матыў віны*”, вызначаны М. Ароцкам і цытаваны ва ўступнай частцы дадзенага артыкула ў кантэксце адпаведных гістарычных высноў даследчыка, не з’яўляецца дамінуючым у паэме “Варшаўскі шлях”. Вызначаная ў артыкуле сукупнасць матываў і адпаведных ім вобразаў сведчыць пра эстэтычную шырыню і глыбіню гэтага твора, якую можна вобразна сфармуляваць наступнымі словамі

¹³ “*Пастух дудку з мяне скруціць, // Як зайграе, кроў замуціць, // Як засвішча, кожны стане: «Што за гране, што за гране? // Што то будзе, што то будзе // З гэтай песні ў нашым людзе!»*” [3, с. 57].

¹⁴ “*Было з кім гаварыць, было ў каго // Сумленню прыклад браць, радкам – вучыцца*” [2, с. 307].

з верша А. Куляшова “Да паэзіі”, напісанага задоўга (1960) да стварэння “Варшаўскага шляху”. “Я – вязень твой, а ты – мая турма, <...> // Зняволенне маё датэрмінова // Ты скараціць спяшаешся дарма. <...> Не можаш ты мяне пазбавіць мовы, // Змяніць мой лёс уладаю сваёй, // Не ты мяне абрала – вязень твой // Абраў цябе на тэрмін пажыццёвы” [2, с. 77].

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Арочка, М. М.** Аркадзь Куляшоў / М. М. Арочка // Гісторыя беларускай літаратуры : у 4 т. – Мінск : Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы, 2002. – Т. 3. – С. 451–453.
2. **Куляшоў, А.** Дарогі : Вершы, паэмы / А. Куляшоў. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 318 с.
3. **Цётка.** Выбраныя творы / Цётка. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 336 с.

Паступіў у рэдакцыю 17.07.2015 г.
Кантакты: olekta@mail.ru
(Макарэвіч Алесь Мікалаевіч)

Makarevich A.M. “WARSAW PATH” BY ARKADY KULIASHOV: SPECIFIC CHARACTER OF ARTWORK AESTHETIC LEVELS.

The article provides the description of four topical and aesthetic levels in Arkady Kuliashov’s poem “Warsaw Path” (the beauty in life and creative work; the ways of artistic reflection of the beauty in life and creative work; functioning of an art work in the receptive space and its special influence on a recipient’s consciousness; understanding of the aesthetic framework of a piece of art in order to alter certain phenomena of the reality into more sophisticated forms) as well as the images corresponding to them.

Key words: aesthetic level, motive, artistic image, a means of expression, artistic sense.

УДК 81'42

**МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТНОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****И. В. Толстоногова**

аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации

Институт журналистики БГУ, г. Минск

Статья посвящена вопросу использования различных методов анализа при изучении институционального типа дискурса. Автор рассматривает, с одной стороны, понятие дискурс-анализа, а также его базовые составляющие как научного направления, с другой стороны. Особое внимание уделяется лингвистическому анализу языковых фактов, анализу речевых актов, тематическому анализу дискурса и методу моделирования. На основе данных методов автор разрабатывает своего рода алгоритм анализа устного академического дискурса, реализуемого на практическом занятии по английскому языку. Конечным результатом предлагаемого анализа является построение лингвокоммуникативной модели изучаемого типа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, метод, транскрибирование, лингвистический анализ, анализ речевых актов, тематический анализ, моделирование.

Введение

Дискурс – один из самых употребляемых и одновременно многозначных терминов гуманитарных и социальных наук. Изучение этого феномена представляет большой интерес для целого круга исследователей, особенно в области анализа устной речи. Как отмечает А.А. Кибрик, “дискурсивный анализ, будучи молодой дисциплиной, весьма неоднороден, и никакого единого подхода, разделяемого всеми специалистами по дискурсу, в нем не существует” [1]. Именно поэтому выбор методов изучения зачастую вызывает определенные трудности, особенно у начинающих исследователей. В данной статье представлен своего рода алгоритм анализа устного академического дискурса, реализуемого на практическом занятии по английскому языку. С нашей точки зрения, данный алгоритм может быть использован и для анализа других типов институционального дискурса.

Основная часть

Итак, термин “анализ дискурса” был использован впервые в 1952 г. З. Харрисом, который пытался распространить дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь к его описанию социокультурную ситуацию. Однако основателем дискурс-анализа принято считать голландского лингвиста Т.А. ван Дейка.

Мнения ряда ученых [2–4] на дискурс-анализ не имеют принципиальных отличий: начальным этапом всегда является уровень текста, затем следует контекстуально-ситуативный анализ. Анализ дискурса не только расширяет теоретические знания в области лингвистической науки, но и позволяет выявить внешние по отношению к тексту характеристики коммуникативного процесса; некоторые индивидуальные психолингвистические особенности личности коммуникантов; предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира и многое другое.

В настоящее время дискурс-анализ является отдельным научным направлением. Практически любая лингвистическая конференция включает секцию по дискурс-исследованиям; выпускаются специализированные издания, посвященные анализу дискурса; существуют известные во всем мире центры дискурс-исследований.

М.Л. Макаров выделяет следующие *основные* методы (или, как называет исследователь, подходы) изучения дискурса: теория речевых актов, логико-прагматическая теория коммуникации, конверсационный анализ, лингвистический анализ диалога, лингвистический дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, социолингвистический анализ вариативности, модели репрезентации дискурса в теории искусственного интеллекта, когнитивные и психолингвистические модели обработки и понимания дискурса, типологический дискурс-анализ и многие другие [5, с. 95–96].

Следует заметить, что в дискурс-анализе, кроме вышперечисленных, используются также и общенаучные методы исследования (наблюдение, эксперимент, моделирование и др.), без которых в большинстве случаев невозможно собрать экспериментальный материал, сделать качественный анализ и, соответственно, получить достоверные результаты. В современных дискурс-исследованиях широко применяется также *корпусный метод*, при котором наблюдению подвергается большой объем естественного дискурса, проанализированный с точки зрения тех или иных характеристик. Особый круг методологических вопросов связан с *транскрибированием* устного дискурса. Обработка материала зачастую включает использование *статистических тестов*. Некоторые исследователи дискурса используют *метод интроспекции*, основанный на самонаблюдении и т. д.

Анализ устного академического дискурса (далее УАД) – частная область общего дискурс-анализа; способ исследования речевой коммуникации в различных ситуациях университетского общения. *Предметом* исследования УАД выступают различные аспекты реального речевого взаимодействия участников академической коммуникации. При этом следует как можно пол-

нее учитывать все контекстно-ситуативные факторы общения.

В данной статье мы предлагаем анализировать УАД комплексно, т.е. на трех уровнях (языковом, речевом и дискурсном). **На первом уровне** с использованием *лингвистического анализа* исследованию подвергаются языковые явления. **На втором уровне** в центре нашего внимания находятся речевые явления, для изучения которых нами применяется *анализ речевых актов*. **На третьем уровне** мы используем *тематический анализ дискурса*, который позволяет исследовать отдельные дискурсные характеристики УАД. Отметим, что все эти уровни не следуют друг за другом линейно – они обычно не разграничиваются и при осуществлении исследования идут параллельно друг другу. Результатом предлагаемого нами комплексного анализа является построение лингвокоммуникативной модели данного типа дискурса.

Прежде чем приступить к рассмотрению вышеназванных методов, следует обратить внимание на предварительный этап анализа УАД, который включает в себя следующие шаги: 1) сбор материала в естественных условиях (обязательным является аудиозапись либо видеосъемка). При этом эмпирический материал служит не для подтверждения заранее формулируемых гипотез, а нацелен на открытие новых положений; 2) изготовление по этому материалу транскрипции (проблеме транскрипции уделяется самое серьезное внимание, т.к. именно транскрипция порождает, наглядно демонстрирует и верифицирует выводы исследования).

Нами были рассмотрены несколько систем транскрибирования устного дискурса, разработанные отечественными и зарубежными авторами: система ТРУД по Макарову; система транскрибирования устного дискурса по Кибрику; Jeffersonian Transcription Notation; транскрипционные обозначения, принятые в исследовании Вольфганга Ботхера "Sprechstundengespräche an der Hochschule" и др. С нашей точки зрения, наиболее подходящей для анализа УАД, реализуемого на практическом занятии по английскому языку, является *система транскрибирования устного дискурса по ДюБуа* (Transcription Symbols by Du Bois). Данная система транскрибирования, вобрав критически переработанный опыт теории и практики транскрипции устного дискурса, остается цельной, адаптивной, достаточно простой, не требующей особой подготовки пользователя и годной к компьютерной обработке. Вербальные компоненты кодируются "литературной" транскрипцией с элементами псевдофонетики; главная композиционная форма – вертикальное размещение реплик, которые отражаются как отдельные строки. Кроме того, данная система транскрибирования включает и важные для нашего исследования паралингвистические явления, например: паузы, смех,

вздых, прочищение горла, шепот, бормотание, кашель и др.

Далее более подробно рассмотрим каждый уровень предлагаемого нами комплексного анализа, первым из которых является **лингвистический анализ языковых фактов**.

Языковой анализ институционального типа дискурса представляет большой интерес для лингвистической науки, поскольку обогащает знания о функциональной природе языка вообще, а также о закономерностях его функционирования в одной из сфер деятельности. Как отмечает А.М. Мухин, идеи и методы лингвистического анализа проявляются также в том, что строгое и последовательное применение его дает возможность для однозначной интерпретации многих языковых явлений, описание которых до настоящего времени сопряжено с рядом теоретических трудностей [6].

Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило дает порядка десяти определенных понятия "лингвистический анализ", из которых интересным для данного исследования является следующее: *лингвистический анализ* – это анализ языковых средств, свойственных тому или иному типу текста [7]. Однако данный метод исследования позволяет не только выделить некоторые языковые особенности, но и определить их роль в организации дискурса. А.М. Мухин говорит, что лингвистический анализ служит целям системного изучения единиц разных уровней языка в их зависимости и взаимной обусловленности [6]. Именно поэтому существуют разные виды лингвистического анализа, такие как лексический, фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический, семантический, грамматический и др., что четко отражает уровневую природу языка.

Проанализировав целый ряд диссертационных исследований, нами сделан вывод, что у исследователя есть два основных способа применения данного метода: 1) целостный или комплексный лингвистический анализ, который включает в себя системное изучение фонетических, лексических, морфологических, синтаксических и др. элементов либо; 2) анализ лишь наиболее ярких, значимых в организации текста единиц языковых уровней. Для анализа УАД, реализуемого на практическом занятии по английскому языку, мы предлагаем использовать второй способ, который позволит выделить языковые *особенности* данного типа дискурса.

Для изучения речевого материала нами используется такой метод, как **анализ речевых актов**.

Теория речевых актов – учение, являющееся важнейшей составной частью современной лингвистической науки. Основателями данной теории являются Дж. Остин, Дж. Серль, Г.П. Грайс, которые впервые рассмотрели процесс говорения как продукт индивидуального

словотворчества, обусловленный личностными качествами говорящего и стоящими перед ним целями и задачами. Теория речевых актов является областью исследования, которая анализирует общие принципы коммуникативной деятельности индивидуума и отвечает за конкретное формирование логической основы диалога-общения. В рамках общелингвистического подхода к данной теории можно выделить две дисциплины: собственно *теорию* речевых актов и *анализ* речевых актов, который мы предлагаем использовать на втором уровне исследования академической коммуникации.

В.З. Демьянков, изучив ряд научных работ авторитетных ученых, выделяет *достоинства* теории речевых актов, среди которых следует отметить следующие: 1) объяснение и описание стратегий речевого воздействия; 2) принцип композиционности – исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить интерпретацию целого; 3) объяснение того, как некоторые, внешне не зависимые друг от друга высказывания, образуют связанное единство в дискурсе; 4) объяснение связи между ясностью выражения (воплощение иллюзии) и эффективностью воздействия (перлокутивный эффект); 5) получение таксономии речевых средств и метаязыка и др. [8, с. 223–224] и др.

Среди основных *недостатков* теории речевых актов отмечают то, что она во многом искажает сущность реального речевого общения, т.к. одно высказывание может совмещать в себе несколько речевых актов. Вместе с тем один речевой акт может быть представлен более сложной структурой, чем одно высказывание [9]. Однако, с нашей точки зрения, это не является недочетом данной теории, а указывает на сложность, многоуровневую природу организации и комплексную таксономию ситуаций внутри УАД.

К недостаткам рассматриваемой теории зачастую также относят ограничение рамками от-

дельно взятого речевого акта. Однако мы рекомендуем использовать теорию речевых актов гораздо шире и связать речевой акт с другими единицами общения, выйти на такие системные компоненты дискурса, как *речевой шаг* и *речевой цикл* и таким образом получить целостную картину живого общения.

А.К. Михальская в словаре-справочнике “Педагогическое речеведение” представляет анализ педагогического дискурса, в основе которого лежит теория речевых актов [10]. Внимательно изучив данную статью, мы заключили, что, в целом, большинство выводов правомерно применить и к данному исследованию. Далее, основываясь на заключениях вышеназванного автора, представим краткое описание анализа УАД, реализуемого на практическом занятии по английскому языку, с применением теории речевых актов.

Максимальной единицей (термин А.К. Михальской) устного академического дискурса считают дискурс того или иного конкретного коммуникативного события (например, дискурс лекции, дискурс практического занятия, дискурс экзамена и т. д.). В качестве *основной единицы* (термин А.К. Михальской) устного академического дискурса рассматривают так называемый *речевой цикл* – законченную последовательность чередующихся *речевых шагов* участников академической коммуникации, организующую их взаимодействие в процессе совместной деятельности. За *минимальную единицу* (термин А.К. Михальской) устного академического дискурса принимают *речевой акт*. Каждый речевой шаг содержит, как правило, несколько речевых актов. Таким образом, основываясь на вышеназванной информации, мы *схематично* представляем всю систему УАД в виде таблицы, которая в дальнейшем ляжет в основу построения лингвокоммуникативной модели данного типа дискурса:

Система УАД, реализуемого на практическом занятии по английскому языку

Дискурс практического занятия								
Речевой цикл 1						Речевой цикл 2	Речевой цикл 3	...
Речевой шаг 1				Речевой шаг 2	Речевой шаг 3	...		
Речевой акт 1	Речевой акт 2	Речевой акт 3	...					

Еще одним методом, который мы используем при анализе УАД, является **тематический анализ дискурса**.

Тематический анализ дискурса акцентирует внимание не только на конструктивной функции языка, но также предоставляет новые знания об особенностях функционирования дискурса, о взаимодействии коммуникантов, о современном обществе в целом. Очевидно, что *ключевой категорией* данного анализа является *тема*.

Существует большое количество определенных темы, в каждом из которых внимание обращается на отдельные проявления этой категории. В самом общем виде *темой* называют основной предмет речи или, согласно определению М.Л. Макарова, “то, о чем идет речь” [5, с. 138]. В настоящем исследовании особый интерес вызывает понятие “*тема дискурса*”, которая рассматривается как представленное в свернутом, редуцированном виде глобальное

содержание, как “выражение семантической макроструктуры данного дискурса” [5, с. 140].

В качестве основы тематического анализа УАД мы рекомендуем использовать *методологию обоснованной теории*, предложенную А. Страуссом и Дж. Корбин. Отметим, что выбор именно этой методологии объясняется тем, что “ее цели шире, чем просто дать возможность исследователю выделить некоторые темы или разработать описательную теоретическую рамку неплотно сплетенных понятий” [11, с. 49]. Исследователь из эмпирических данных, шаг за шагом, подходит к построению собственной теории.

Анализ в обоснованной теории состоит из трех основных типов кодирования: открытое, осевое и избирательное, при этом границы между ними довольно размыты. В рамках предлагаемого комплексного анализа УАД мы рекомендуем ограничиться открытым и осевым кодированием, т. к. этого вполне достаточно для решения поставленной нами задачи: выделение дискурсивных характеристик УАД, реализуемого на практическом занятии по английскому языку.

Открытое кодирование является той частью анализа, где исследователь разбирает текст на простейшие осмысленные сегменты и определяет тему каждого из них путем тщательного исследования данных. Существует несколько различных подходов к процессу открытого кодирования: построчный анализ, кодирование по предложениям или параграфам, изучение целого. Каждый из подходов имеет свои положительные моменты, и выбор того или иного подхода определяет сам исследователь в соответствии с поставленными целями и задачами [11, с. 52–62]. В рамках предлагаемого комплексного анализа мы рекомендуем осуществлять открытое кодирование по речевым циклам, т. к. именно речевой цикл представляет собой законченный осмысленный сегмент дискурса, организующий взаимодействие его коммуникантов.

Осевое кодирование – ряд процедур, с помощью которых данные после открытого кодирования соединяют, устанавливая связи между выделенными темами. Это делается с помощью парадигмы кодирования, включающей условия, которые способствуют появлению этих связей; контекст, в который они вплетены; стратегии взаимодействия и следствия этих стратегий [11, с. 81–96]. Таким образом, осевое кодирование позволяет интегрировать все, разработанные на первом этапе, темы и сделать структурный анализ их взаимоотношений.

Следует подчеркнуть, что осуществление тематического анализа дискурса – задача не из легких, и исследователю следует быть максимально пытливым и тщательно проанализировать, что же стоит за словами, фразами, грамматическими формами, синтаксическими оборотами, введенной ссылкой, паузой и др. При

этом не стоит забывать, что анализируются события, происшествия и т. д., а не индивидуальные случаи как таковые.

В настоящее время существует современное компьютерное программное обеспечение MAXQDA, которое является одной из ведущих программ в сфере качественного анализа данных, в т. ч. и по принципу обоснованной теории, позволяя изучать большие корпуса данных, сокращая временные затраты исследователя. MAXQDA является мощным инструментом для развития теорий и их проверки. Данная программа используется в академической и научной областях, в сфере бизнеса и т. д.

Еще одним эффективным методом изучения институционального дискурса является *моделирование*. Вслед за М.Ю. Олешковым под языковой моделью дискурс-процесса мы понимаем “схему конструирования языковых элементов как аналога реально существующего объекта (= дискурса)”, а под *моделированием* – “упорядочение выделенных элементов, выявление их корреляционных признаков с целью исследования природы процесса и экстраполяции результатов на реально функционирующий «оригинал»” [12, с. 56].

Основными принципами модельного познания являются: 1) принцип объективного соответствия формы модели оригиналу; 2) принцип экстраполяции модельной информации; 3) принцип верифицируемости модельной информации [12]. Модель дискурса обычно включает несколько структурных компонентов, которые получают формальное выражение в речи и могут служить объективным основанием для выделения содержательных особенностей коммуникации. Таким образом, моделирование позволяет выделить не только существенные характеристики дискурса, но также второстепенные, содержательные и формальные показатели. В этом неоспоримое преимущество данного метода, который активно используется различными исследователями.

При этом каждый ученый создает собственную модель дискурса в соответствии со своими исследовательскими целями. Так, например, М.Ю. Олешков создал *системную модель* дидактической коммуникации, в основе которой лежат коммуникативные стратегии и тактики. Н.А. Мишанкина занимается *лингвокогнитивным моделированием* научного дискурса, где ключевую роль играет метафорическая концептуализация. Исследование О.А. Сим лежит в области *лингвоэвокационного моделирования* дискурса глянцевого журнала, где базовые модели определяются на основании процесса поглощения рекламного и нарративного компонентов при переводе англоязычного дискурса в русскоязычный. Е.А. Угланова работает над *критическим моделированием* политической коммуникации, которое высвечивает структуры и формы язы-

ка, обладающие наибольшим потенциалом для контроля над сознанием человека (манипулятивные стратегии) и т.д.

Конечным результатом предлагаемого нами комплексного анализа является построение *лингвокоммуникативной модели УАД*, которая в полной мере будет отражать языковые, речевые и дискурсные характеристики изучаемого нами феномена. На основе построенной модели могут быть разработаны пути оптимизации речевого поведения участников академической коммуникации, созданы соответствующие научно обоснованные рекомендации и т.д.

Заключение

Таким образом, анализ устного академического дискурса, реализуемого на практическом занятии по английскому языку, проводится комплексно. Лингвистический анализ языковых фактов позволяет выделить языковые особенности данного вида коммуникации. Анализ речевых актов помогает ответить на вопрос о том, насколько цели и намерения реализуемы в конкретном общении. Тематический анализ предоставляет новые знания об особенностях функционирования дискурса, о взаимодействии коммуникантов, о современном обществе в целом. Моделирование помогает выделить не только существенные характеристики дискурса, но также второстепенные, содержательные и формальные показатели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кибрик, А.** Дискурс / А. Кибрик, П. Паршин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html. – Дата доступа: 14.02.2014.
2. **Дейк, Т. А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
3. **Чернявская, В. Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
4. **Ле, Э.** Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе // Полит. исслед. – № 2. – М.: Полис, 2001. – С. 95–112.
5. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с.
6. **Мухин, А. М.** Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы: монография / А. М. Мухин. – Л.: Наука, 1976. – 284 с.

7. **Жеребило, Т. В.** Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. – 486 с.
8. **Демьянков, В. З.** "Теория речевых актов" в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223–235.
9. **Михальская, А. К.** Теория речевых актов / А. К. Михальская // Педагогическое речеведение: словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, 1998. – С. 246–248.
10. **Михальская, А. К.** Анализ педагогического дискурса / А. К. Михальская // Педагогическое речеведение: словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, 1998. – С. 17–18.
11. **Страусс, А.** Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин // Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
12. **Олешков, М. Ю.** Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов: дис. ... д. ф. н.: 10.02.19 / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2007. – 423 л.: ил.

Поступила в редакцию 18.06.2015 г.
Контакты: kozochka-09@mail.ru
(Толстоногова Ирина Викторовна)

Tolstonogova I. V. METHODS OF ORAL ACADEMIC DISCOURSE ANALYSIS.

The article is focused on the use of different methods in the study of the institutional discourse. The author considers the general concept of discourse-analysis and its basic components. Special attention is paid to linguistic analysis, speech act analysis, thematic discourse-analysis and method of modelling. Using these methods the author develops a kind of algorithm for oral academic discourse analysis, the result of which is to build a lingvocommunicative model.

Key words: discourse, discourse-analysis, method, transcription, linguistic analysis, speech acts analysis, thematic analysis, modelling.

УДК 81'25 : 821.161.1

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ Д. НАБОКОВА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ РАССКАЗА
В. НАБОКОВА "ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА"**

Е. В. Гулевич

кандидат филологических наук,
ГрГУ имени Я. Купалы (Гродно)

Цель данной статьи – исследовать переводческие техники и приемы, которые были использованы Д. Набоковым для передачи художественной реальности мира В. Набокова в англоязычной версии рассказа "Возвращение Чорба". Новизна исследования предопределена фактом недостаточной изученности данного аспекта в отечественном и зарубежном литературоведении и переводоведении. Актуальность данного исследования обусловлена все возрастающим интересом к развитию русско-американских межкультурных и межлитературных контактов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по истории зарубежной литературы, письменному переводу, переводу художественного текста.

Ключевые слова: В. Набоков, "Возвращение Чорба", Д. Набоков, перевод, переводческие приемы.

Введение

В. Набоков – классик русской и американской литературы; писатель космополит. Его творчество представляет собой уникальный мультиязыковой художественный мир, который не имеет аналогов в истории мировой литературы. Творчество В. Набокова представлено богатым литературным наследием, которое пользуется заслуженной популярностью среди русского и англоязычного читателя. Отдельный интерес представляют переводы художественных текстов В. Набокова на английский язык. Многие из них были переведены сыном писателя Дмитрием Набоковым.

Сборник рассказов В. Набокова "Возвращение Чорба" неоднократно становился объектом исследования лингвистов и литературоведов. Художественным особенностям сборника посвящены исследования А.В. Злочевской, Н.Г. Мельникова, В.Е. Александрова, А.Е. Андреевой, М.А. Востриковой. Объектом отдельного интереса становился рассказ "Возвращение Чорба". Однако, несмотря на то, что произведение исследовано в плане поэтики (Ю.Л. Глобова), архитипной составляющей (А.А. Накарякова), особенностей символистского подтекста (И.Е. Разинькова), цветопоэтики (П.А. Суслов), не ставился вопрос об особенностях перевода рассказа "Возвращение Чорба" на английский язык. Цель данной статьи – исследование переводческих техник и приемов, использованных

Д. Набоковым для передачи художественной реальности мира В. Набокова на английский язык в рассказе "Возвращение Чорба". Новизна исследования предопределена фактом недостаточной изученности данного аспекта в отечественном и зарубежном литературоведении и переводоведении. Актуальность данного исследования обусловлена все возрастающим интересом к развитию русско-американских межкультурных и межлитературных контактов.

Основная часть

Рассказ В. Набокова "Возвращение Чорба" входит в одноименный сборник, вышедший в Берлине в 1929 г. Данное произведение было написано в 1925 г. и, как другие рассказы цикла, стало известно англоязычному читателю благодаря переводческой работе Дмитрия Набокова – сына писателя.

Сюжет рассказа разворачивается в Берлине, действующими лицами являются русские. Произведение представляет собой "сгусток" воспоминаний главного героя – Чорба – о времени, проведенном с женой. Повествование репрезентировано цепочкой пережитых и пережитых герою счастливых, но навсегда утраченных, моментов их недолгой совместной жизни. Реальность оказалась крайне жестокой к людям, нашедшим свое счастье друг в друге. Их гармоничное единство, так недолго просуществовавшее, оборвалось в один миг: происходит несчастный случай – Чорб теряет возлюбленную. Она погибает от разряда электрического тока. Любовь Чорба к жене была настолько сильным и искренним чувством, что даже ее смерть кажется Чорбу чистой: "Ему сдавалось, что ее смерть – редчайший, почти неслыханный случай, что ничего не может быть чище вот такой именно смерти, – от удара электрической струи, которая, перелитая в стекла, дает самый чистый и яркий свет" [1, с. 284].

Смерть жены стала столь внезапной для Чорба, что он не в состоянии мириться с новым укладом жизни без любимой. Его сознание отказывается верить в произошедшее. Герой не хочет признавать факт случившегося, не может осознать, что больше не увидит свою любимую, с которой только начиналась их совместная жизнь. В сердце Чорба – пустота. В надежде "затянуть" зияющую рану, продлить жизнь, которой нет возврата, победить боль, он буквально пошагово восстанавливает последний совместный маршрут с возлюбленной, пытается воскресить будоражащие сознание воспоминания, "оживить" последние счастливые часы и минуты их совместной жизни.

На протяжении рассказа Чорб, как истинный художник, "творит с помощью воображения и памяти свои модели мира" [2, с. 293], в которых любимая жива. Он жаждет чуда, которое должно преодолеть факт реальности. Совершенство,

к которому стремится Чорб, “в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а в самом деле...” [3, с. 89] и, пережив и перечувствовав произошедшее, он должен смириться, “сжиться” со случившимся. Чтобы преодолеть горе, Чорб должен “переродиться сам” [4, с. 160].

Невыполнимым долгом для Чорба становится уведомление родителей жены – супругов Келлер – о произошедшем горе. Именно с этой целью он приходит к их дому, но узнав от горничной, что супруги в театре, уходит, так и не сказав о случившемся.

Исходный русский текст “Возвращения Чорба” обладает глубоким подтекстом, сложной поэтикой недосказанности, яркой палитрой средств передачи русского национального колорита. При переводе Д. Набоков использовал множество переводческих техник и приемов для воссоздания художественной реальности рассказа и адекватного восприятия произведения англоязычным реципиентом. Так, текст-источник начинается сценой описания возвращения супругов Келлер “из театра” [1, с. 283], тогда как в английском варианте присутствует прием переводческой конкретизации – делается уточнение о том, что они слушали оперу (“After the opera” [5, с. 90]). Для обозначения русской реалии “кабачок”, в который после театра поехали супруги, Д. Набоков применяет нейтральное английское “nightclub”, которое прозрачно англоязычному реципиенту, однако, не вполне передает заложенную в оригинальном тексте национально-русскую коннотацию. Также трудна для перевода и русская реалия, обозначающая дом главных героев. В рассказе говорится о том, что автомобиль примчал их к “степенному особнячку” [1, с. 283]. В английском варианте Д. Набоков прибегает к описательному переводу (“small but dignified private house” [5, с. 90]). Далее в русском тексте говорится о том, что Келлер был похож “на президента Крюгера” [1, с. 283], тогда как в английском переводе Д. Набоков дает поясняющее уточнение: “Oom Paul Kruger” [5, с. 90].

Родители жены Чорба живут в иной реальности, которая далека от мира Чорба – писателя, человека искусства. Келлеры живут в ограниченном и искусственном мире: “Мир Келлеров мещанский, вещественный со строго организованной иерархией нравственных ценностей...” [6, с. 330]. Их жизнь показная, внешне напыщенная, где важно соблюдение внешних приличий, что выражается через используемый этикет обращений. Так, во фрагменте, в котором госпожа Келлер узнает новость о посещении их дома Чорбом, очевидна адаптация ситуации культурной традиции обращений: “Лицо *Варвары Климовны Келлер* (курсив мой. – Е. Г.) задрожало...” [1, с. 283], в английском же варианте героиня представлена, как “*Frau Keller*” [5, с. 90].

Отдельное внимание при переводе Д. Набоков уделяет передаче “русскости” героев. Так, при описании госпожи Келлер (“Пухлое, еще свежее лицо Варвары Климовны Келлер задрожало и покраснело от волнения” [1, с. 283]) в английском варианте Д. Набоков использует переводческие добавления, которые отсутствуют в тексте-источнике: “*Frau Keller’s chubby face, whose everlasting freshness somehow agreed with her Russian-merchant class parentage*¹, quivered and reddened with agitation” [5, с. 90–91], что соответствует фразе “Пухлое лицо госпожи Келлер, неизменная свежесть которой отражала ее купеческое происхождение, задрожало и покраснело от волнения”.

Интересен момент, когда Варвара Климовна задает вопрос прислуге. По сути, ее вопрос – это реплика-ответ. Вероятно, она предчувствовала недоброе событие. В. Набоков очень тонко передал этот момент, используя форму вопроса-утверждения: “Он вам сказал, что она больна?” [1, с. 283]. Английский вариант сохраняет грамматический строй реплики текста-источника и несет ту же утвердительную коннотацию: “He said she was ill?” [5, с. 91].

В эпизоде, когда господин Келлер реагирует на слова горничной, которая зашептала “еще шибче”, а он “толстой ладонью погладил себя по седому бобрику” [1, с. 283], В. Набоков использует русские просторечные слова, типа “шибче”, “бобрик”, которые в английском тексте выражены нейтральными английскими эквивалентами “быстрее” и “щетка волос”, соответственно: “The maid whispered still *faster* (курсив мой. – Е. Г.) <...> Keller stroked his *grey brush of hair* with his fat palm (курсив мой. – Е. Г.)” [5, с. 91]. В эпизоде, когда Варвара Климовна решает действовать немедленно, (“Не могу же я ждать до завтра. Мы сию минуту поедем туда” [1, с. 283]) английский вариант не в полной мере выражает силу негодования-переживания героини, и разбивается переводчиком описанием ее невербального поведения: “I simply refuse to wait till tomorrow”, *muttered Frau Keller, shaking her head* (курсив мой. – Е. Г.) <...> We’ll go there at once” [5, с. 91]. Таким образом, фраза, которая следует в русском варианте (“Мы сию минуту поедем туда” [1, с. 283]), в английском тексте в ходе грамматической трансформации предложения была перенесена в конец описания происходящего, так как безапелляционность решения героини, утвержденная использованием усилительного “refuse”, что соответствует фразе “Я просто отказываюсь ждать до завтра” позволяла переводчику разбить и, таким образом, уравновесить эмоциональный накал происходящего.

В предложении (“На самом деле он вернулся из-за границы один и только теперь сообра-

¹ Курсивом выделен фрагмент, который не представлен в исходном тексте. Далее представленный перевод данного фрагмента выполнен автором статьи.

зил, что ведь придется все-таки объяснить, как жена его погибла, и почему он ничего не писал” [1, с. 284] / “In point of fact he had returned alone from abroad and only now realized that, like it or not, he would have to explain how his wife had perished, and why he had written nothing *about it to his in-laws*” [5, с. 91]) в английском тексте Д. Набоков использует переводческие дополнения, поясняя, что герой не писал *родителям жены*.

Когда герой рефлексивен над переживаемым им состоянием, (“Все это было очень трудно. Как объяснить, что он желал один обладать своим горем, ничем посторонним не засоряя его и не разделяя его ни с кем?” [1, с. 284] / “It was all very difficult. How was he to explain that he wished to possess his grief all by himself, without tainting it by any foreign substance and without sharing it *with any other soul?*” (курсив мой. – Е. Г.)” [5, с. 92]) в английском тексте переводчик снова использует добавление, повествующее о том, что герой не хочет делить горе *ни с одной другой душой*.

Входя в отель, в котором он останавливался с женой, Чорб вспоминал, как “бледный, развязный лакей повел [его. – Е. Г.] по извилистому коридору, отдающему сыростью и капустой” [1, с. 285] / “A pale but jaunty lackey led Chorb down a crooked corridor reeking of dampness and *boiled* (курсив мой. – Е. Г.) *cabbage...*” [5, с. 92]. При этом в английском тексте говорится, что его сопровождал запах *отварной* капусты.

В описании отца жены Чорба (“Келлер в добротном фраке, с рыхлой улыбкой на обезьяньем лице, похлопывал по плечу то того, то другого, сам подавал шнапсы...” [1, с. 285] / “*Her father* (курсив мой. – Е. Г.), in a dress coat of sturdy cloth, with a flabby grin on his apish face... and served ponies of *brandy* (курсив мой. – Е. Г.) himself” [5, с. 92].) Д. Набоков заменяет имя героя степенью родства, а шнапс – чисто немецкую реалию – переводит, используя прием генерализации, и репрезентирует в английском тексте общим собирательным эквивалентом, употребляющимся для обозначения крепких алкогольных напитков – бренди. Кроме того, в описании господина Келлера В. Набоков приводит сравнение с обезьяной: “Келлер в добротном фраке, с рыхлой улыбкой на обезьяньем лице...” [1, с. 285] / “Her father, in a dress code of sturdy cloth with a flabby grin on his apish face...” [5, с. 92]. Д. Набоков сохраняет данный элемент сравнения, что свидетельствует о “«недочеловечности» мира [господина Келлера. – Е. Г.], о необходимости протеста Чорба келлеровским нормативам” [7, с. 87].

В эпизоде празднования, когда “все двинулись к столам...” [1, с. 286] / “Presently, everybody moved toward the *hors d'oeuvres* (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 93] русский вариант лексически нейтральный, тогда как в английском тексте исполь-

зуется переводческая конкретизация и представлен французский эквивалент, выражающий факт того, что гости приступили к закускам.

В следующем эпизоде в английском тексте кроме адаптации имен героев русской традиции, переводчик акцентирует то, что Чорб *русский* эмигрант: “*Frau Keller* (курсив мой. – Е. Г.) had sobbed all night; her husband, who had always regarded Chorb (destitute *Russian* (курсив мой. – Е. Г.) emigre and litterateur) with suspicion, now cursed his daughter’s choice, the cost of the liquor, the local police that could do nothing” [5, с. 93]. В русском тексте “*Варвара Климовна* (курсив мой. – Е. Г.) всю ночь прорыдала; муж ее, для которого Чорб – нищий эмигрант и литератор, – был всегда человек подозрительный, проклинал выбор дочери, расход на вино, полицию, которая ничего не могла сделать...” [1, с. 286].

Интересен выбор Д. Набокова при переводе лексемы “молодые”. Привычный английский эквивалент “just married” не был использован переводчиком, т. к. предполагает короткий временной промежуток времени, обозначающий факт женитьбы. Д. Набоков использовал прием смыслового развития, предложив точный семантический эквивалент “семья Чорбов”, который обозначает свершившийся факт соединения судеб, не обладающий темпоральностью действия: “And *several times* (курсив мой. – Е. Г.), after the *Chorbs* (курсив мой. – Е. Г.) had gone, the old man went to look at the hotel in the lane behind the opera house, and henceforward that black, purblind house became an object of disgust and attraction to him like the recollection of a crime” [5, с. 92] / “И потом, когда *молодые* (курсив мой. – Е. Г.) уехали, старик ходил смотреть на гостиницу в переулке за оперой, – и с тех пор этот черный, подслеповатый дом стал для него чем-то отвратительным и влекущим, как воспоминание о преступлении” [1, с. 286]. При этом в русском тексте нет упоминания о том, что отец жены Чорба ходил туда не единожды.

В сцене описания комнаты гостиницы, в которую вошел Чорб, говорится, что “в углу, под отвернутым лоскутом обойной бумаги, шуркнула и *покатилась* (курсив мой. – Е. Г.) мышь” [1, с. 286]. / “In a corner of the room, behind a loose strip of wallpaper, a mouse made a scuffing noise and then raced *like a toy on rollers* (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 92]”. Лексема “покатилась” переведена сравнением с использованием приема переводческих добавлений.

Переводческая конкретизация присутствует в предложении “На этой самой кушетке он *тогда* (курсив мой. – Е. Г.) спал” [1, с. 286] / “It was on that couch that he had slept on his *nuptial night* (курсив мой. – Е. Г.)” [5, с. 93]. Так, в английском варианте Д. Набоков уточняет, что речь идет о брачной ночи. Далее говорится о том, что “жена (курсив мой. – Е. Г.) дышала так по-детски ровно” [1, с. 286] / “*She, on the regular bed* (курсив

мой. – Е. Г.), could be heard breathing with the even rhythm of a child” [5, с. 93]. При этом в русском варианте не сказано о типе кровати, на которой спала жена Чорба.

Д. Набоков использует переводческую конкретизацию и прием лексических добавлений при описании брачной ночи молодых: “В ту ночь он *только* (курсив мой. – Е. Г.) поцеловал ее в душку, – *больше ничего* (курсив мой. – Е. Г.) [1, с. 286]. / “That night he had kissed her *once* (курсив мой. – Е. Г.) – on the hollow of the throat – *that had been all in the way of lovemaking*” [5, с. 92]. В английском варианте говорится о том, что он только поцеловал ее один раз. Переводчик также добавляет, что в этом состояло занятие любовью в ту ночь.

Переводческая конкретизация представлена и при описании окружающей действительности в воспоминаниях Чорба: “... а перед ее (курсив мой. – Е. Г.) домом увядал тополь, и листья его были цвета прозрачного винограда” [1, с. 286]. / “...and in front of *the Kellers’ house* (курсив мой. – Е. Г.) the leaves of a withering poplar had acquired the tone of transparent grapes” [5, с. 93].

В описании, когда “...и отдохавший *каменщик* (курсив мой. – Е. Г.) смотрел, подбоченясь, на легкую, как *блеклый лист*, (курсив мой. – Е. Г.) барышню, плясавшую с лопаткой в поднятой руке...” [1, с. 287] / “... and a resting *workman*, *one hand on his hip*, (курсив мой. – Е. Г.) contemplated the young lady, as *light as a dead leaf*, (курсив мой. – Е. Г.) dancing about with that little spade in her raised hand” [5, с. 93] в английском варианте переводчик производит замену родового понятия видовым (“каменщик” – “workman”). Кроме того, Д. Набоков использует контекстуальное значение глагола “dead” при сравнении героини с осенним листом. Ту же лексему использует Д. Набоков при переводе слова “вялый”: “...и ему казалось, что вот так, как пахнут *вялые листья*, (курсив мой. – Е. Г.) пахнет само счастье” [1, с. 287] / “... and it seemed to him that happiness itself had that smell, the smell of *dead leaves*” (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 93].

Д. Набоков использует прием переводческих добавлений: “Как она рассказывала Варваре Климовне...” [1, с. 287] / “As she was to tell Frau Keller *later* (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 93].

В эпизоде посещения Чорба для передачи русской реалии “калитка”, эквивалента которой нет в английском языке, Набоков использует описательный перевод: “... Чорб оставался молча стоять на панели, хотя она сразу отперла *калитку* (курсив мой. – Е. Г.) [1, с. 287] / “... Chorb remained standing silently on the sidewalk although she had unlocked the *little gate* (курсив мой. – Е. Г.) at once” [5, с. 94].

В эпизоде описания внешности героя переводчик использует прием лексических опущений: “... и лоб был *мокрым от пота*” (курсив мой. –

Е. Г.) / “... and his forehead was all *sweaty*” (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 93]; а также лексических добавлений: “...и волосы ко лбу *пристали*...” (курсив мой. – Е. Г.) [1, с. 287] / “... and the hair was *glued to it by the sweat* (курсив мой. – Е. Г.)” [5, с. 95].

В сцене прихода Чорба к дому Келлеров переводчик использует прием смыслового развития: “У него глаза очень *страшно блестели*, (курсив мой. – Е. Г.) и он как будто давно не брился” [1, с. 287]. / “His eyes were *blazing*, *their look terrified me*, (курсив мой. – Е. Г.) and he seemed not to have shaved for quite a time” [5, с. 93].

В диалоге с горничной на ее вопрос о месте пребывания Чорба, он отвечает: “Все там же” [1, с. 287]. При переводе данной фразы Д. Набоков использовал прием целостного преобразования: “Same old place” [5, с. 93].

При переводе реплики прислуги “Я предложила ему подождать, – но он *ничего* (курсив мой. – Е. Г.) не ответил, *повернулся* (курсив мой. – Е. Г.) и ушел...” [1, с. 287] / “I suggested he wait – but he didn’t reply and went away...” [5, с. 93] Набоков использует прием лексических добавлений.

Зачастую при переводе Д. Набоков прибегает к синтаксической трансформации: “Так Чорб возвращался к самым истокам своих воспоминаний. Это был мучительный и сладкий искуc, который теперь подходил к концу” [1, с. 387] / “Thus Chorb traveled back to the very source of his recollections, an agonizing and yet blissful test now drawing to a close” [5, с. 93].

Во фрагменте рефлексии Чорба (“...*Chorb* (курсив мой. – Е. Г.) suddenly understood that, despite *exhaustion*, (курсив мой. – Е. Г.) he would not be able to sleep (курсив мой. – Е. Г.) alone in that room with its naked bulb and whispery *crannies* (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 95] / “...он (курсив мой. – Е. Г.) вдруг понял, что, несмотря на *усталость*, (курсив мой. – Е. Г.) он не заснет (курсив мой. – Е. Г.) один в той комнате с голой лампочкой и шепотливыми *углами* (курсив мой. – Е. Г.) [1, с. 287]) переводчик использует грамматическую замену, приемы лексических добавлений и смыслового развития.

В эпизоде описания прогулки героя (“И только после часу беспомощного блуждания, от которого у него *горели пятки и шумело в ушах*, (курсив мой. – Е. Г.) он случайно в тот переулочек попал и сразу подошел к *женщине*, (курсив мой. – Е. Г.) окликнувшей его” [1, с. 288] / “Only after an hour of helpless wandering, which caused his *ears to sing and his feet to burn* (курсив мой. – Е. Г.), did he enter that little lane – whereupon he accosted at once the *first girl* (курсив мой. – Е. Г.) who hailed him” [5, с. 93]) Набоков меняет местами элементы описания (“ears to sing and his feet to burn” / “горели пятки и шумело в ушах”), производя синтаксические трансформации и совершает замену родового понятия видовым (the first girl / женщине).

В сцене описания отеля (“Она не раз (курсив мой. – Е. Г.) уже, с другими мужчинами, бывала в гостинице, где стоял Чорб, – и бледный востроносый лакей, сбегавший по лестнице, дружелюбно ей подмигнул” [1, с. 288] / “She had been in that hotel *several times* (курсив мой. – Е. Г.) before, with other customers, and the wan, sharp-nosed lackey, who was tripping down as they were going upstairs, gave her an amiable wink” [5, с. 94]) переводчик использует антонимический перевод (Она не раз уже <...> бывала в гостинице / She had been in that hotel *several times* before), производит грамматические трансформации (в гостинице, где стоял Чорб / *that hotel*), использует переводческую генерализацию (с другими мужчинами / with other customers), прием лексических добавлений (эквивалент фразы “as they were going upstairs” отсутствует в исходном русском тексте).

При переводе сцены, когда Чорб и девушка шли по коридору гостиницы, (“Пока они (курсив мой. – Е. Г.) шли по коридору, было слышно, как за одной из дверей, равномерно и тяжело, скрипела кровать, словно кто-то пилил бревно” [1, с. 288] / “While *Chorb and she* (курсив мой. – Е. Г.) walked along the corridor, they could hear, from behind one of the doors, a bed creaking, rhythmically and weightily, as if a log was being sawed *in two*” (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 96]) в английском варианте происходит грамматическая замена существительных и местоимений (While *Chorb and she* / Пока они), активного и пассивного залога, используется прием лексических добавлений (a log was being sawed in two / кто-то пилил бревно).

В эпизоде, когда Чорб дает деньги девушке (“Получив деньги, она аккуратно сложила их в сумку, и, легонько вздохнув, опять подошла, *тряхнула волосами* (курсив мой. – Е. Г.): «Мне раздеваться?»” [1, с. 288] / “Upon receiving the banknotes, she carefully arranged them in her bag, uttered a light little sigh, and again rubbed herself against him. «Shall I undress?» *she asked with a shake of her bob* (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 94]) переводчик изменяет структуру предложения. Так, в английском тексте девушка спрашивает Чорба раздеваться ли ей, тряхнув волосами; русском же варианте она это делает до того, как спросить. В сцене описания нахождения героев в номере (“Она стала поспешно расстегивать пуговицы кофточки и все время искоса поглядывала на Чорба, слегка удивляясь его рассеянной угрюмости” [1, с. 288] / “The girl began to undo hastily the buttons of her blouse, and kept glancing at him askance, being slightly taken aback by his abstraction and gloom” [5, с. 94]) Набоков использует прием грамматических трансформаций, заменяя сочетание существительных (abstraction and gloom) сочетанием прилагательного и существительного (рассеянной угрюмости).

Во фрагменте раздумий девушки (“Этот, (курсив мой. – Е. Г.) вероятно, с фокусом (курсив мой. – Е. Г.), – смутно подумала женщина” [1, с. 288] / “*This fellow* (курсив мой. – Е. Г.) likes *kinky stuff*”, (курсив мой. – Е. Г.) vaguely conjectured the girl” [5, с. 94]) при переводе на английский язык Д. Набоков использует прием лексических добавлений и целостного преобразования, кроме того, происходит замена понятий “женщина” (русский текст) – “девушка” (английский текст).

В описании поведения девушки (“Она разогнулась, зевая, почесала бедро, и как была, – голая, в одних чулках, подошла к окну (курсив мой. – Е. Г.), отодвинула шторы” [1, с. 289] / “Presently she straightened up, yawned, scratched her thigh, and, just as she was, naked, but in her stockings, drew aside the window curtain” [5, с. 95]) переводчик прибегает к приему лексических опущений, не включая в текст элемент, который представлен в тексте-источнике (“подошла к окну”).

При описании мыслей героини (“Засыпая, она думала о том, что уже *раза два* (курсив мой. – Е. Г.) была именно в этой комнате, запомнила розовую картину на стене” [1, с. 289] / “Just before falling asleep she caught herself thinking that *once or twice* (курсив мой. – Е. Г.) she had already been in that room: she remembered the pink picture on its wall” [5, с. 95]) Д. Набоков использует прием смыслового развития.

Описывая состояние героя после ночного кошмара (“Он перебрался на кушетку и, сжимая руками волосатую *голень*, (курсив мой. – Е. Г.) с равнодушной улыбкой смотрел на *женщину* (курсив мой. – Е. Г.)” [1, с. 289] / “He moved onto the *green* (курсив мой. – Е. Г.) couch, and sat there, (курсив мой. – Е. Г.) clasp his hairy *shins* (курсив мой. – Е. Г.) and with a meaningless smile contemplating the *harlot*” (курсив мой. – Е. Г.) [5, с. 95]) Д. Набоков прибегает к лексическим опущениям – не упоминает цвет кушетки, не говорит о том, что герой сел. Кроме того, в переводном тексте герой сжимает голени и, используя прием конкретизации, Д. Набоков говорит англоговорящему читателю, что герой смотрит на *проститутку*. Кроме того, в русском переводе улыбка “равнодушная”, тогда как в английском варианте она “бессмысленная”.

В предложении “И в это мгновение в *коридоре* (курсив мой. – Е. Г.) зазвучали голоса и шаги” [1, с. 289] / “At this moment the sound of voices and footsteps came *from the corridor* (курсив мой. – Е. Г.)” [5, с. 95]) используется прием смыслового развития.

В финальной сцене повествования (“Но *он вместе с дамой*” (курсив мой. – Е. Г.), – уныло повторял голос лакея. И гортанный раздраженный голос настаивал: “Я же говорю вам, что это – моя дочь” [1, с. 289] / “One could hear the voice of the lackey repeating mournfully: “But *look here*,

(курсив мой. – Е. Г.) *there's a lady with him* (курсив мой. – Е. Г.). And an irate guttural voice kept insisting: "But I'm telling you she's my daughter" [5, с. 95]) при переводе происходит синтаксическая трансформация элементов прямой речи, а также используется прием лексических добавлений (*look here*), антонимический перевод (Но он вместе с дамой / *there's a lady with him*). При этом при описании отца жены Чорба ("Перед ней стоял изумленный старый господин в матовом цилиндре, с жемчужиной на *белой* (курсив мой. – Е. Г.) груди рубашки... [1, с. 289]. / "In front of her stood an amazed old gentleman in a luster-less top hat, a pearl stud *gleaming* (курсив мой. – Е. Г.) in his *starched* (курсив мой. – Е. Г.) shirt) Д. Набоков использует прием лексических добавлений: в русском варианте нет лексемы, соответствующей английскому "*gleaming*", а также используется прием конкретизации, когда говорится, что рубашка накрахмаленная.

Заключение

Таким образом, несмотря на небольшой текстовый объем рассказа, при работе над созданием англоязычной версии "Возвращения Чорба" Д. Набоков использовал целый ряд переводческих техник и приемов. Наиболее часто применялись прием лексических добавлений (16 случаев – 30,8%) и переводческая конкретизация (10 случаев – 19,2%); в пяти случаях Д. Набоков прибег к смысловому развитию оригинала и грамматическим трансформациям (9,6%), в четырех случаях наблюдаются переводческие опущения и синтаксические трансформации текста-источника (7,7%), дважды использовались приемы антонимического перевода, описательного перевода и прием генерализации (3,8%), единожды были использованы приемы уточнения и целостного преобразования текста-оригинала (1,9%). Превалирование использования приемов конкретизации и добавления свидетельствует о желании переводчика максимально приблизить англоязычного реципиента русской национальной традиции и способствовать наибольшей степени понимания переводного текста, вписывая его в рамки инациональной культурной традиции, не нарушая их.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Набоков, В. В.** Возвращение Чорба / В. В. Набоков // Полн. собр. соч. в 4 т. – М.; Л., 1963. – Т. 5. – С. 176–232.

2. **Долинин, А. А.** "Двойное время" у Набокова (от "Дара" к "Лолите") / А. А. Долинин // Пути и миражи русской культуры / А. А. Долинин. – СПб., 1994. – С. 283–323.
3. **Соловьев, В. С.** Общий смысл искусства / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – М., 1991. – С. 73–90.
4. **Белый, А.** Театр и современная драма / А. Белый // Символизм как миропонимание / А. Белый. – М., 1994. – С. 153–167.
5. **Nabokov, V.** The Return of Chorb / V. Nabokov // Complete Short Stories of Nabokov / V. Nabokov. – N.Y., 2002. – P. 90–95.
6. **Брукс, Н.** "Оперные призраки" в романах Набокова / Н. Брукс // В. В. Набоков: pro et contra / Н. Брукс. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 328–334.
7. **Разинькова, И. Е.** Символистское мирозерцание и рассказ В. В. Набокова "Возвращение Чорба" / И. Е. Разинькова // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 87–91.

Поступила в редакцию 08.10.2015 г.
Контакты: Family2001KG@mail.ru
(Гулевич Елена Витальевна)

Hulevich A.V. D. NABOKOV'S TRANSLATION TECHNIQUES USED IN THE ENGLISH VERSION OF THE STORY BY V. NABOKOV "THE RETURN OF CHORB"

V. Nabokov is a literary master of the Russian and American literatures. His artistic work is represented by the significant literary heritage which is popular among Russian and American readers. Special scientific interest is devoted to the translation of his works into English. Many works were rendered into Russian by V. Nabokov's son – Dmitri Nabokov. The aim of the given article is to study translation techniques which were used by the translator to reveal the artistic reality of V. Nabokov in the English adaptation of his story "The Return of Chorb". The novelty of the research is preconditioned by the fact of existing insufficient knowledge on the studied issue in the domestic and foreign literary and translation theory. The topicality of the given work is predetermined by the developing interest in the Russian-American intercultural and literary contacts. The results of the article can be used in the courses on History of Foreign Literature, Translation, and Artistic Translation.

Key words: V. Nabokov, "The Return of Chorb", D. Nabokov, translation, translation techniques.